

Вик

Дневник

Повелительный

Эмоций

Annotation

Прочитав старинный дневник, три школьницы приобретают способность видеть и менять чужие эмоции. Они не подозревают, что по их следу идет древний монстр, жаждущий забрать у них то, что принадлежит ему.

Забрать вместе с жизнью.

Глава 1

НЕНАВИЖУ ШКОЛУ.

Не пойду.

Не заставите.

Все.

Достало.

Лера спускалась по лестнице, пиная мешок со сменкой. Сзади, тяжело печатая шаги, шел Герман. Он стучал по перилам через равные промежутки, и от этого звука, такого знакомого, такого надоевшего, хотелось выть.

Ненавижу.

Школу.

Да хоть лопни.

Все бессмысленно. Протесты, злость, ненависть. Можно орать на весь двор, никто не услышит. Потому что «вы должны закончить одиннадцатый класс, это не обсуждается», «не хочу даже слышать о колледже», «Герман идет в университет, и ты с ним» и «совсем немного осталось, разве трудно потерпеть?»

Совсем немного — это для тех, кто не ходит каждый день на каторгу. Всего-то полгода. Шесть месяцев. Что такое шесть месяцев по сравнению с целой жизнью? А ведь еще есть каникулы.

Лера вела другой счет. Шесть месяцев — это двадцать четыре недели, сто шестьдесят восемь дней, четыре тысячи тридцать два часа, двести сорок одна тысяча девятьсот двадцать минут.

Четырнадцать миллионов пятьсот пятнадцать тысяч двести секунд, наполненных болью, страхом, унижением.

Да, она не торчала в школе двадцать четыре часа в сутки. Хоть на том спасибо. Но школа всегда была рядом, нависала обещанием новых унижений и страхов. Ежеминутно. Ежесекундно. Отравляла каждый миг жизни. Насмешливые взгляды, ехидные ухмылки, пинки, тычки, подколки... Сонный бубнеж Ларисы, классной руководительницы.

«Смирнова, сколько можно, никто тебя не трогает, не выдумывай».

Бабах. Хлобыстнула дверь подъезда. Не оборачиваясь, Лера знала: Герман. Ему плевать, что бешеная соседка с первого этажа опять начнет орать и жаловаться маме. И что мама отругает — не его, а Леру за то, что не уследила.

Герман тоже был проблемой.

Если говорить откровенно (но только когда мама не слышит), Герман был главной проблемой.

Лера невидящим взглядом уставилась в широкую спину брата, который уже обогнал ее и быстро шел по улице, привлекая внимание резкими движениями и странной, подпрыгивающей походкой.

Он всегда был таким. Станным, подпрыгивающим, резким. С самого рождения. Наверное, еще когда они вдвоем сидели в животе мамы, он толкал Леру, не замечая, что толкается, и требовал себе больше всего: места, ресурсов, мамино внимание и любви.

Он получал все это сполна, а Лера вечно была на вторых ролях. «Ты девочка, ты должна понимать», «Герману сложнее, чем тебе» и наконец венец всего «ты старше, ты за него

отвечаешь».

Ага, старше. На полчаса.

Мам, ты хоть слышишь саму себя?

Мамины подружки приходили в восторг. «Как Герману повезло, что у него есть Лера!»

Никто не думал о том, как не повезло Лере, что у нее есть Герман.

Из-за него она должна торчать в этой школе.

Из-за него над ней издеваются.

Из-за него у нее нет друзей.

А он даже не догадывается об этом. У него все прекрасно. В классе лучший друг, на планшете безлимитный интернет, дома никаких обязанностей. Вот уж точно — как повезло Герману.

Они дошли до перекрестка и остановились, дожидаясь зеленого. Лера знала их дальнейший маршрут до последнего камушка, до последней трещинки на асфальте. После перекрестка налево, мимо супермаркета, похожего на пластиковую новогоднюю игрушку, через площадь с фонтаном, в который обязательно требовалось кинуть камень, независимо от времени года. Потом свернуть во дворы, чтобы справа остался желтый дом, а слева — красно-кирпичный, обойти желтый, пересечь детскую площадку, и выйти наконец на длинную дорожку, в конце которой калитка, ведущая на школьный двор.

Три года Герман ходил в школу только этой дорогой. Только так и никак иначе. Почему? Когда дело касалось Германа, этого вопроса не существовало. Потому что он так хочет.

Чего хочет Лера, никого не волновало.

А иногда она хотела так мало.

Как, например, сейчас. Всего-то нужно, чтобы Герман свернул не налево, а направо. Чтобы пошел не через площадку, а обошел ее стороной. Обошел ее как можно дальше, потому что на этой площадке по утрам с недавних пор тусовались Войцеховская и все остальные.

Может, попытаться?

Лера ускорила и догнала Германа.

— Пошли через главный вход.

Он даже не повернулся.

— Нет.

— На площадке будет Войцеховская со своей тусовкой.

— Я знаю. Они там всегда сидят.

— Тогда давай туда не пойдем.

— Почему?

Лера сжала кулак. Врезать бы ему как следует. Да не поможет.

— В прошлый раз они сломали замок на твоём рюкзаке, забыл?

— Мама починила замок.

— Хочешь, чтобы они снова сломали что-нибудь?

— Нет.

— Тогда пошли другой дорогой.

Герман подобрал камушек и швырнул его в обледеневшую пасть фонтана, наивно украшенного фонариками к Новому Году. Он ничего не ответил. Лера знала: он не будет тратить время, давая второй ответ на тот же самый вопрос. Герман ценил свое время. И

поэтому только один камушек за один раз.

Запустить бы в него этим камнем... Как можно быть настолько умным и одновременно настолько тупым? Он занимает первые места на олимпиадах, но не может сообразить, что лучше отказаться от навязчивой привычки, чем столкнуться лицом к лицу с одноклассниками.

— Какая разница, будут они сегодня на площадке или нет. Мне все равно.

Еще какая разница, Гера. Огромная разница.

Только непроходимый осел может считать иначе.

Детская площадка — пестрое пятно в мире, засыпанном снегом. Коралловый риф, который привлекает всех, от безобидных рыбок до хищных тварей. Желтая куртка Войцеховской вспыхнула издали сигналом опасности.

Беги.

Войцеховская стояла около скамейки — невысокая, с длинными пышными светлыми волосами. Девочка-одуванчик. У одуванчика голубые глаза, аккуратный носик, белые ровные зубки, которые она с удовольствием показывает в улыбке. Вампирские клыки или горб бабы Яги подошли бы ей гораздо больше.

Войцеховская что-то снимала. Как обычно. Королева инстаграма в своем воображении, которая не интересна никому, кроме нескольких прихвостней. Они толпились вокруг нее. Преданная свита. Красавчик Задорин, хомяк Грибанов, кривоzubая Донникова, рыжая Тимченко.

И, как ни странно, Литвинова.

На голову выше Войцеховской, карие глаза как у куклы, каштановые кудри до пояса. И, конечно, айфон последней модели, норковая шубка и грубые ботинки. Целой маминой зарплатой не хватит, чтобы купить такие. Литвинова сидела на скамейке за спиной Войцеховской и листала какую-то тетрадь. Да уж, нашла место, чтобы позаниматься.

Что здесь забыла госпожа принцесса? Она никогда не тусовалась с Войцеховской. У Литвиновой своя компания: Богосян, Рыжкова, Горелов, Антон...

Интересно, он в курсе, где его подружка? Что бы он сказал? Как все нормальные люди он терпеть не может Войцеховскую.

Но сейчас нельзя было думать об Антоне. Хотя очень хотелось.

Сейчас надо было сматываться.

Лера потянула Германа за рукав куртки.

— Гер, пойдём отсюда. Смотри. Они там.

Он нетерпеливо дернул рукой.

— Если мы пойдём другой дорогой, мы опоздаем в школу.

— Плевать сто раз.

— Я не буду опаздывать.

— Черт, Герман, зачем ты так...

Он даже не обернулся.

— Я всегда могу пойти отсюда без тебя, — пробормотала Лера вполголоса.

Но зачем-то пошла следом по дорожке, выложенной плиткой, как Элли за своим Страшилой.

Качели раскачивались все выше и выше. Туда-сюда, вперед-назад. На первых — мальчик, на вторых — девочка. Кажется. Попробуй, разбери в этих разноцветных комбинезончиках. Не качели — полоса препятствий. Упасть в ноги, кувырнуться, пропозти,

не поднимая головы, чтоб не прилетело в затылок. Может, если выполнить этот нехитрый ритуал, ты станешь невидимкой. Тебя не увидит никто — ни учителя, ни брат, ни одноклассники. Особенно одноклассники...

Их увидели, как только они прошли мимо раскачивающихся малышей.

— О, Смирновы чапают, смотри, Надька! — загоготал Грибанов. Он был похож на кибертролля. Лицо словно вытесано из камня, и интеллект соответствующий, но весь обвешан гаджетами.

— По Смирнову можно сверять часы.

Это уже Задорин. Он, в отличие от Грибанова, выглядел как принц. Но только снаружи. Внутри был такой же тролль, только гораздо более мерзкий.

— Эй, Смирнов, ты куда? По моим часам ты должен появиться только через пять минут.

Войцеховская преградила Герману путь и наставила на него телефон. Она едва доставала ему до плеча. Осмелилась бы она остановить его, если бы была одна? Но Войцеховская никогда не была одна. За ней всегда бегали шавки. Всегда готовые выполнить любую команду, готовые унижать и издеваться над теми, кто хоть чем-то от них отличается.

— Твои часы опаздывают, — сказал Герман.

Тот, кто его не знал, мог подумать, что он говорит совершенно спокойно. Но Лера слышала, что он бесится. Герман не любил, когда его задерживали. Не любил опаздывать. Не любил, когда его снимали. Не любил — надо отдать ему должное — Войцеховскую.

— Теперь понятно, почему ты все время опаздываешь, — монотонно продолжал Герман. — Из-за своих часов.

Все вокруг заржали. Почему он никогда не может помолчать? Какое ему дело до часов Войцеховской? Как он не видит, что это только предлог?

— Может, мне нравится опаздывать. Что там делать, в этой школе...

Ямочки на щеках, обворожительная улыбка. Еще бы бантик в волосы, и Войцеховской можно было бы пробоваться на роль Мальвины или кого-нибудь еще в этом духе. Хотя ее амплуа — школьница с бензопилой в ужастике.

— В школе получают знания, которые нужны, чтобы сдать экзамены и поступить в хороший институт.

Войцеховская издала такой звук, будто ее тошнит. Снова гогот. Люди так не смеются, только ишаки или обезьяны. Особенно старалась Тимченко. Даже веснушки на носу хохотали вместе с ней. Она совсем недавно прибилась к тусовке Войцеховской и теперь очень старалась.

— Но тебе не хватит баллов для хорошего института. — Издевательского смеха было недостаточно, чтобы заткнуть Германа. — Ты слишком плохо учишься.

Вот идиот.

— Хочешь сказать, я дура? — Войцеховская ощерилась словно дикая собака. Где та девочка-одуванчик? И след простыл.

— По-моему, Смирнов нарывается.

Вперед вышел Задорин и ловким, точным движением сбил с Германа шапку. Задорин был с него ростом, но в два раза уже. Тонкий и звонкий, с изысканной внешностью пианиста, как говорила мама.

Только встречаются такие пианисты не в концертном зале, а в глухой подворотне с заточкой.

Чего ты застыл как истукан!? — завопила Лера про себя. Двинь ему прямо по морде.

Разбей нос! Тебе достаточно только рукой махнуть, и они разбегутся как тараканы!

Но Герман был не из тех, кто машет руками. Он наклонился за шапкой. О чем он думает???

О, это очень просто. Он думает о том, что место шапки на голове, а не на снегу.

Нога Задорина в кожаном ботинке впечатала шапку в сугроб. Герман потянул ее на себя, но Задорин не пошевелился. Герман тянул, Задорин наступал.

— Отдай мою шапку!

У Леры все оборвалось внутри. Она знала этот голос. Когда Герман так говорил, до истерики оставалось ровно три минуты.

— ОТДАЙ МОЮ ШАПКУ!

— А ты забери, придурок!

Задорин пнул Германа в бедро. Герман потерял равновесие, шлепнулся на землю. Задорин схватил его шапку и закинул на дерево. Герман закричал, все вокруг засмеялись. Герману было плохо. Он не любил беспорядок, не любил, когда его вещи пропадали. Да, можно было бы и не рыдать из-за шапки как первоклашка, но это был Герман. И он приходил в ярость из-за любого пустяка. А задача ее, Леры, состояла в том, что не допускать этих пустяков.

— Отошли все от него! — заорала Лера что есть мочи. — БЫСТРО!

Они как будто только увидели ее. Войцеховская гаденько усмехнулась и перехватила телефон в другую руку. Задорин застыл, сложив руки на груди. Разве они отпустят свою жертву просто так? Да ни за что.

Литвинова встала со скамейки, захлопнула тетрадь, поправила длинный клетчатый шарф, красиво уложенный на шубке. Она не смотрела ни на Леру, ни на Германа. Она успешно делала вид, что их нет рядом. Ее не интересовало то, что происходит за пределами ее чудесного успешного мирка. Литвиновой было плевать на чужую боль и страх, на то, что в двух метрах от нее на земле корчился человек. Гадина. Такая же, как Войцеховская, если не хуже. Та, по крайней мере, не притворяется принцессой.

Лера подпрыгнула, стянула шапку с дерева, отряхнула ее, сунула Герману. Он неуклюже поднялся.

— Надь, я все. — Литвинова протянула тетрадь. — Забери.

— Положи мне в сумку, — сказала Войцеховская, не оборачиваясь и не убирая телефон. — Смирнова хочет мне кое-что сказать. Да, Смирнова? Пару слов на камеру...

— Оставь в покое моего брата!

— А то что? — Войцеховская оглянулась на свою тусовку. Они стояли плотным полукругом за ее спиной, жадные, наглые, любители чужой крови. — Что ты мне сделаешь, Смирнова? Ну давай. Иди сюда. Попробуй.

Войцеховская усмехалась. Что ей сделает Лера? Их было больше. Их всегда было больше. Но когда-нибудь...

— Что, ссыкотно? Вали отсюда, Смирнова. Пока я добрая.

Развернувшись, Войцеховская пнула Германа в бок. Он мешком повалился на снег, как будто не был в два раза больше и сильнее Войцеховской.

Все потемнело в глазах. Больше не существовало ни площадки, ни снега, ни дороги, ни школы. Окружающий мир развалился на куски. Отдельные фрагменты таращились на Леру, не желая соединяться. Белые зубы Войцеховской. Жадный взгляд Задорина. Глаза Литвиновой, стыдливо опущенные вниз. Искаженное лицо Германа. Ее младшего брата.

Лера выкрикнула что-то злое, оскорбительное, рванула с плеча рюкзак, крутанула его как древний воин — пращу. Она в кого-то попала, кажется, в Задорина, потому что именно он стал материться. Шов рюкзака лопнул, учебники посыпались на снег. Лера схватила один, швырнула не целясь. Учебник пролетел в просвет между Донниковой и Тимченко. Кто-то пнул Леру в плечо, но она не почувствовала боли. Ярость рвалась наружу пульсирующими толчками. Снег. Лед. Ее учебники угодили на кучу ледышек, которые сколол дворник и свалил в кучу. Лера быстро схватила одну — быстрее, чем успела подумать — и кинула ее вслед за учебником. Потом еще одну, и еще, и еще. Она кидала, куда придется, отмечая визги, крики, ругань лишь машинально. Ее всю трясло от возбуждения. Наконец-то она делает что-то конкретное, а не просто терпит. Не уговаривает, не ждет, не сбегает. Она делает что-то. И это помогает. Они дрогнули, они побежали. Они, вся эта гнусная шайка, боятся ее.

Ледышка угодила Задорину в плечо, следующая разбилась у ног Донниковой...

— СМИРНОВА!

Голос был резкий, злой. Взрослый. От обочины дороги, подскальзываясь и смешно перебирая ногами, к ним бежал невысокий пузатый человечек. Его круглое розовощекое лицо пылало гневом. Брови, тонкие белые запятые, сдвинулись, губы съежились в куриную гузку.

Дима.

Точнее, Дмитрий Александрович Боровков.

Учитель физики и директор школы.

— Ты меня слышишь? Смирнова! ПРЕКРАТИ!

Она слышала. Они все слышали. Но вокруг было слишком много движения. Невозможно было вот так взять и остановиться по чужой команде. Рука Леры действовала сама по себе, отдельно от тела. В последний момент Лера дернулась, попыталась вернуть контроль. Ледышка взлетела... и полетела куда-то не туда. Она шмякнулась в ботинок Литвиновой. Должно быть, было больно, потому что Литвинова ойкнула и подняла ногу. А потом подхватила ледышку и запустила обратно, в Леру. Снова льдина в воздухе, снова полет по дуге... И снова что-то идет не так. Все выше, а потом ниже... ниже... прямо в жирное, обтянутое узкими штанами колено Димы.

А вот это очень и очень зря.

Дима вскрикнул, Литвинова вскрикнула. Все, кто не сообразил удрать до сих пор, бросились врассыпную. Только Задорин застыл изогнутой шпалой возле скамейки. Литвинова прижала руки ко рту, да Войцеховская по-прежнему снимала на свой дурацкий телефон. Эта не побежит ни при каких обстоятельствах.

— Ко мне в кабинет, — прошипел Дима, и это шипение было куда страшнее крика. — Все четверо.

Почему четверо? Она, Войцеховская, Литвинова, Задорин... А как же Герман? — вдруг вспомнила Лера. Он только что был здесь, стонал тут на дорожке. Сейчас его нигде не было видно. Куда он делся?

В горле Леры что-то булькнуло. Ноги подогнулись, она схватилась за живот. Смех терзал внутренности как дикая кошка.

Герман пошел в школу.

Она чуть не поубивала тут всех ради него.

А он просто пошел в школу.

Потом у Леры случилась истерика, и Дима, бормоча под нос совсем не педагогические выражения, запихнул ее на заднее сиденье своей крутой тачки. Остальным пришлось топтать пешком до школы, а ее довезли как королеву. Точнее как вип-заключенную.

Школа сидела на холме, как громадный сахарный кубик с черными точками окон. Диме не пришлось тащить ее далеко — к счастью, кабинет директора находился на первом этаже. Лера еще ни разу тут не была и уже достаточно успокоилась, чтобы осмотреться. Шкаф из темного дерева во всю стену. Длинный черный кожаный диван. На стене у входной двери большое зеркало в тяжелой позолоченной раме. На черном столе здоровенный канцелярский набор весь в позолоченных крендельках. Плотные шторы с пушистыми золотыми кисточками. Рисунок на шторах, кажется, тоже золотой.

Ни вкуса, ни необходимости экономить.

По маминым словам кабинет был прекрасен. Но мама всегда была слишком доброй.

Обвиняемых — то есть их — поставили у двери. Если скосить глаза, то было видно их отражения в зеркале. Литвинова впереди, с румянцем во всю щеку. Закусила губу, думает, наверное, какого черта она во все это вляпалась. А не будешь делать домашку за Войцеховскую, принцесса. Сама Войцеховская ухмыляется как обычно. Делает вид, что ей не страшно, а, может, и на самом деле не боится ничего.

Своему отражению в зеркале Лера никогда особо не радовалась. «Красивая» было не про нее. Герману в этом плане повезло больше. Он был копией мамы: черные волосы, большие глаза, карие, не бледные, с прозеленью, как у Литвиновой, а настоящего сочного темно-коричневого цвета. Плюс потрясающий профиль, которым можно было любоваться вечно. Ну, конечно, при условии, что Герман не кричит, не злится и не требует очередную ерунду.

Слабым утешением было то, что она похожа на папу. На нескольких фотографиях, которые сохранились у мамы после переезда, можно было разглядеть парня с прямыми русыми волосами и серыми — по словам мамы — глазами. Разглядеть такие подробности было трудно, но мама говорила — опять мама говорила! — что он был очень красивым.

Глядя на себя в зеркале, Лера очень сомневалась в этом. Волосы непонятного мышинового цвета, глаза, теряющиеся на бледном лице. Нос великоват, зубы, к счастью, ровные и белые. Хоть это она поделила с Германом. В остальном ничего особенного. И если она похожа на папу, то и папа был самым обычным. Впрочем, сейчас это точно не имело никакого значения.

— Меня чуть удар не хватил, когда я увидел, что ученики моей школы устроили позорную, отвратительную драку! И еще снимали на видео! — Дима ткнул указательным пальцем в Войцеховскую. — Я рассчитываю, это видео будет уничтожено!

Войцеховская пробормотала что-то себе под нос, что вряд ли можно было назвать согласием.

— Девочки, как вы могли! Вы же взрослые, разумные барышни... Неужели вы не понимаете, что делаете?

На диване сидела Евгеша — Евгения Макаровна, завуч, больше похожая на воблу, чем на человека. Она прижимала руки к груди и ахала так, как будто наступил конец света. Как будто несколько ледышек в руках «барышень» разрушили ее мир. Рядом с ней три четверти дивана занимала Лариса Васильевна по литературе, их классная. Она тоже напоминала рыбу, но другую — громадную, неповоротливую, с выпученными глазами.

У Ларисы было много недостатков. Нелюбовь к работе, например, а также противный

гнусаемый голос. Но самым серьезным недостатком был ее сыночек, Витя Задорин. Тот самый, из тусовки Войцеховской. Лариса считала его идеалом и от всей души ненавидела каждого, кто пытался поколебать ее веру в него. Она защищала его всегда и везде, и это было бы даже мило. Если бы ее сыночек не был такой сволочью.

Вот и сейчас, когда Лариса увидела его у директорского кабинета, то раскудахталась на весь коридор. В ее Витеньку попали ледышкой! У него может быть перелом! Перелом в переводе на человеческий означал, что у Задорина нет ничего страшнее крохотного синяка. Но Лариса замолчала, только когда Дима отпустил его в медпункт. То, что ледышками попали и в Литвинову, и в Войцеховскую, и в Леру почему-то ускользнуло от ее понимания. Но это было даже к лучшему. Чем меньше нытья рядом, тем приятнее. А Задорин был мастером нытья, когда мамочка находилась в пределах слышимости.

Дима вышагивал перед Евгешей и Ларисой будто нахохлившийся петух и в красках расписывал, как бешеная Смирнова осыпала ледяным дождем бедных одноклассников. На фразе «не реагировала на команду остановиться» Лера отключила мозг. Радовало одно. Что мамы сегодня нет в школе. Она на больничном. Двухсторонний бронхит это вам не ОРВИ какое-нибудь. Это серьезно. Даже Диме хватило совести оставить ее в покое. Хотя он все доложит по телефону и обязательно наврет. По-другому он не умеет.

— Дмитрий Александрович, как тонко и педагогично вы сумели разобраться с этой жуткой ситуацией! — восхищенно пробормотала Евгеша.

Ничего тонкого или педагогического не было в воплях Димы, когда ледышка Литвиновой съездила ему по колену. Или в его лекции по дороге в школу о том, что Лера ведет себя недопустимо для

- а) девушки
- б) ученицы одиннадцатого класса
- в) дочери своей достойной мамы.

Удивительно, сколько нотаций можно впихнуть в несчастные три минуты пятьдесят две секунды. У Леры жутко разболась голова — но, разумеется, это было очень педагогично и чрезвычайно тонко.

— Нужно было сразу идти в травмпункт, — недовольно буркнула Лариса. — У Вити-

— Все в порядке с вашим Витей! — рявкнул Дима. — Снежком нельзя сломать руку!

— А еще в травмпункте обязаны сообщать в полицию, — напомнила Евгеша. — Школе лишние проблемы ни к чему.

— Именно, — кивнул Дима. — Все они хороши. Войцеховская, Смирнова, Литвинова, кто там еще был. Ваш сын, Лариса Васильевна... Да-да, не смотрите так на меня. Я все видел. Я не знаю, что это была за игра. Или не игра. Что это вообще было. Но я знаю одно. **ЭТО НЕДОПУСТИМО!**

Евгеша и Лариса синхронно подпрыгнули на диване.

— Недопустимо, — повторил Дима, явно наслаждаясь эффектом. — Такое поведение должно быть наказано. И оно будет наказано.

— Да. Вы совершенно правы. Это никуда не годится, — закивала Евгеша.

— Надо вызвать родителей в школу, — сказала Лариса. — У Смирновой-

— Вот вы в школе, Лариса Васильевна, и какой в этом толк? — рявкнул Дима. — Они уже взрослые. Некоторые даже совершеннолетние! И должны отвечать за свои поступки.

— Лопаты им в руки, пусть снег убирают во дворе, — пробормотала Евгеша. — Раз им так понравилось играть в снежки.

— У Вити болит рука, — упрямо сказала Лариса. — Он не сможет.

Дима отмахнулся.

— Снег почистит дворник. Но в главном вы правы, Евгения Макаровна. Пусть поработают на благо школы. Приберутся в тридцать седьмом.

Словно гром грянул в кабинете. Евгеша вздрогнула. Лариса открыла рот и выпучила глаза.

— Вы уверены, Дмитрий Александрович...

— Да!

— Но ведь...

— Мне нужен этот кабинет. Когда уволилась Коржина?

— М-месяц назад.

— Целый месяц кабинет пустует. А у нас история без кабинета, между прочим. И новый математик приходит через неделю.

— Но, Дмитрий Александрович-

— По-вашему, три здоровенные девицы не в состоянии вымыть одну комнату?

Все знали, что Дима ненавидит, когда ему перечат. Его можно было уговорить, переубедить, обмануть. Но если ему противоречить... даже не гадай, что произойдет. И это тоже все знали.

Евгеша и Лариса обменялись встревоженными взглядами. У Евгешы вдруг загорелись глаза.

— Дмитрий Александрович, а как же мероприятие?

— Какое мероприятие? Ах, черт...

Дима вспомнил. И Лера тоже вспомнила. Конкурс «Школа будущего — моя школа». Общегородской, под патронажем новоизбранного мэра, точнее, мэрши, если такое слово есть в русском языке. Сегодня она как раз должна была приехать на торжественное открытие. Как Дима добился, чтобы конкурс открывали именно в их школе, неизвестно, но он добился, и сегодня после пятого урока будет церемония. Приедет телевидение, может, даже кто-то с федерального канала. А от имени школьников должна будет выступать... Ну, конечно. Ксю Литвинова. Отличница, красавица, самая популярная девчонка в школе. На ее влог были подписаны все, или почти все. А родители Литвиновой? Мама, технический директор международной компании, спонсор как минимум половины городских мероприятий. Папа — ученый, астроном, директор исследовательского института и сам популярный блогер. На его канал в ютубе были подписаны шестьдесят тысяч человек, а серию передач про Солнечную систему показывали по местному каналу. Литвинова была звездой во всех смыслах.

И вдруг дурацкая ледышка, которая врезалась в Димину коленку. Что победит? Глубокая внутренняя борьба отражалась на круглом личике Димы. Запланированная церемония, которая должна пройти, как надо. Или синяк на коленке. Справедливость (ведь хулиганов надо наказать) или самолюбие (главное, пустить всем пыль в глаза)?

Левая бровь хмурилась — она была за справедливость. Литвинова совершила плохой поступок, Литвинова должна понести наказание. Губы обиженно подергивались. Они хотели получить прибыль от популярности Литвиновой. Они мечтали о славе, о телеке, о звании лучшего директора города.

— Делаем ставки, — пробормотала Лера еле слышно. Кто-то — то ли Литвинова, то ли Войцеховская — хихикнул.

— Мда... мероприятие... — Дима забарабанил пальцами по столу. — Совсем из головы вылетело.

Губы побеждали. Они складывались в мечтательную улыбку, а бровь, ну что ж бровь, она поднималась все выше, сдавала позиции, предавала раненую коленку.

И тут Лариса совершила роковую ошибку.

— А в кабинете они могут прибраться завтра, — прогнусавила она.

Дима дернулся. Улыбка исчезла, бровь искривилась еще сильнее.

Никто не смеет указывать ему, как поступать.

— Литвинова — не единственная отличница в нашей школе! — Он со всей силы саданул по столу ладонью, припечатывая приговор. — После пятого урока Смирнова, Войцеховская и Литвинова идут отмывать тридцать седьмой кабинет!

Одно ведро, три тряпки и три швабры.

Войцеховская тащила свою волоком, не парясь из-за того, что швабра грохочет, цепляясь за углы. Литвинова несла свою двумя пальцами на расстоянии вытянутой руки, словно боялась испачкаться или заразиться. Впереди шли Евгеша и завхоз Наталия Владимировна, большая как танк, прихрамывающая на левую ногу. Она почему-то всю дорогу до кабинета оборачивалась на них, и Лера была готова поклясться, что ее глаза, маленькие, похожие на изюм в булке, светятся страхом. Чего она боится? Что они украдут ведро? Кому оно нужно. Поубивают друг друга этими швабрами? А вот это гораздо более вероятно.

Тридцать седьмой кабинет находился в самом конце коридора первого этажа, за аркой. Там было темно.

— Вкрутите здесь уже наконец лампочку, — с раздражением проговорила Евгеша, пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

Завхоз пробурчала что-то невнятное. Лера уловила только «три лампочки» и нечто, похожее на «чертовщину».

— Не говорите глупостей! — отрезала Евгеша, распахивая дверь. Внутрь, правда, не вошла, встала на пороге как швейцар в дорогой гостинице. — Войцеховская, Литвинова, Смирнова. Прощу. У вас два часа. Надеюсь, полы вы моете так же хорошо, как кидаетесь ледышками.

Очень хотелось сказать какую-нибудь гадость, но оно того не стоило. Евгеша была ужасно злопамятной.

Первой вошла Войцеховская, щелкнула выключателем. Литвинова за ней. Лера вошла последней, шурясь от света, неожиданно яркого после темного коридора.

— Что здесь вообще было? — удивленно сказала Литвинова.

Лера никогда не была здесь, но все школьные кабинеты особо не отличались друг от друга: светло-коричневые парты, деревянные стулья, доска, плакаты на стенах, шкафы. Стандартный набор. Тридцать седьмой не был исключением, разве что был поуже и окон в нем было меньше. Но дело было не в окнах и не в мебели. По кабинету словно ураган прошел. Парты перевернуты, стулья опрокинуты. Плакаты сорваны со стен, зеркальные дверцы шкафа разбиты, одна дверца выломана и криво висит на петле. Лампа на потолке, третья в крайнем ряду, помаргивала с раздражающим навязчивым треском.

— Офигеть, — сказала Войцеховская.

Она бросила швабру на пол, и грохот от ее падения почти заглушил более тихий и куда более тревожный звук. Поворот ключа в замке.

— Эй, вы чего? — Лера уперлась руками в дверь, зачем-то дернула задвижку, на которую можно было запереться изнутри. — Они нас закрыли!

Войцеховская подскочила к двери, забарабанила кулаками.

— Открывайте! Вы не имеете права!

— Сделаете дело, откроем, — прозвучал суровый голос Евгешы. — У нас нет времени вас тут караулить. Мэр приезжает через десять минут.

— А если нам надо в туалет?

— Два часа потерпите. Работай лучше, Войцеховская.

— Литвинова сейчас своей матери позвонит! Вы знаете, кто у нее мать? Она вас тут всех разнесет! Скажи ей, Ксю!

— Не буду я никому звонить, — сказала Литвинова с раздражением. Она уже села на парту и уткнулась в телефон. — К ним иностранцы в офис приехали, она с ними возится.

Лера прислушалась. Шаги без сомнения удалялись. Их реально закрыли тут и бросили. Это было слишком даже для Евгеша.

— Она боится, что мы испортим им мероприятие, — пробормотала Литвинова.

— А что, легко. — Войцеховская пнула свою швабру. — Для начала снимем видосик. Завуч запирает несчастных детей в разгромленном кабинете. Пойдет. Для конкурса самое то.

— У Димы негатив не прокатит. Ты что, его не знаешь?

Войцеховская сказала негромко что-то, Литвинова засмеялась.

Лере было все равно. Она не с ними, они не с ней. А вот что случилось в этом кабинете и почему до сих пор тут не навели порядок — хороший вопрос.

Лера опустила тряпку в ведро с водой, отжала, намотала на швабру. Два часа любоваться на Войцеховскую с Литвиновой — удовольствие так себе. За делом время хоть пройдет быстрее. Да и Дима вряд ли обрадуется, если они не сделают, что он сказал. На Диму было плевать, но расстраивать маму не хотелось.

— У тебя круто получается, Смирнова, — сказала Войцеховская, устраиваясь на подоконнике. — Махать тряпкой — однозначно твое призвание. Если где-нибудь учат на уборщиц, тебе туда.

— Тебе и на уборщицу не поступить, — сказала Лера.

— На фиг вообще куда-то поступать? Учеба для дураков и зубрил. Сейчас можно нигде не учиться и повелевать всем миром. У Ким нет высшего образования, а кто бы отказался быть на ее месте?

— Я, — фыркнула Лера.

— Тебе на ее месте никогда не оказаться, Смирнова! Махай тряпочкой, полы себя сами не вымоют.

— Я вообще-то тоже не мечтаю о карьере Кардашьян, — хмыкнула Литвинова, не поднимая глаз от телефона.

— Ну я то в курсе, о какой карьере ты мечтаешь, Литвинова... А вы еще будете рассказывать внукам, что учились в одном классе с будущей звездой ютуба. Только на вечер выпускников я приходить не буду. Нефиг делать...

Лера перешла на другой ряд, жалея, что не прихватила сегодня наушники. От фантазий Войцеховской слегка подташнивало. Она поставила к стене валяющиеся швабры, подняла сорванный плакат, повесила обратно на гвоздик. Таблица Менделеева.

— Юлька пишет, это был кабинет химии, — сказала Литвинова. — Здесь работала какая-то Елена Владимировна. Я так смутно что-то вспоминаю. Полная такая, в очках. Волосы еще длинные, темные.

Лера пожала плечами.

— Нас такая не учила, — сказала Войцеховская.

— Ты помнишь наших учителей? — хмыкнула Лера. — Надо же, какой сюрприз.

— Не нарывайся, Смирнова. Я еще помню, что мы из-за тебя тут оказались.

— Если бы ты к нам не полезла, ничего не было бы!

— Смирнова права, — сказала Литвинова. — Если бы ты не трогала ее брата-

— Ой, Литвинова влюбилась в Смирнова! — захохотала Войцеховская. — Твой Антон в

курсе? То-то он в последнее время грустный ходит.

Имя Антона Войцеховская произнесла по-особенному. Лера не могла сказать, как именно по-особенному, но знала, в чем причина. Войцеховская была влюблена в Антона. Тоже.

Это ни для кого не было секретом. Как и то, что у нее не было ни одного шанса, несмотря на красоту. Конкурировать с Литвиновой было не под силу никому.

Лера хорошо помнила день, когда они впервые пришли в школу, держась за руки. Был сентябрь, и Лариса организовала коллективное фотографирование у доски. Литвинова стояла с Антоном у окна и вместе с ним пошла к доске. Она держала его за руку, а он так смотрел на нее... Как будто для него не существовало никого вокруг. И это было очень больно.

На той фотке Лера спряталась за Германа. Иногда хорошо иметь большого и бестолкового брата-близнеца, который даже не поинтересуется, с чего это на фотографии от тебя только макушка торчит над его плечом.

Литвинова и Чернецкий. Они были самой красивой парой класса. Постепенно сердце перестало екать, когда Лера натыкалась на них, целующихся за каждым столбом. Натыкаться приходилось чаще, чем другим одноклассникам — дом Леры находился поблизости от элитной высотки, где жила Литвинова.

Лера отворачивалась, считала до десяти, глубоко дышала, применяла все остальные примочки по управлению собой, которым психолог учила Германа, а заодно Леру. Как ни странно, это помогало. Помогало как минимум спокойно проходить мимо и не показывать никому, что творится в душе.

Войцеховская явно не ходила к психологу. Она бесилась в открытую. Нападать на Литвинову она не решалась, но целый месяц от нее страдал весь класс, даже те, кого она раньше игнорировала. Потом привыкла и Войцеховская. Как привыкли Арбузова, Крюкова, Горбачева. Как привыкла Лера. Привыкла, но не забыла. Потому что забыть Антона, когда он все время маячит перед глазами, было невозможно...

Биииип.

— Приехали! — закричала Войцеховская, забираясь с ногами на подоконник. — Начинается!

Лера подошла ближе. Окна кабинета выходили на площадку перед центральным входом в школу. К ограде подъехал телевизионный мини-вэн. Вокруг суетились журналисты. Один, в кепке, несмотря на мороз, тащил камеру на большой треноге, второй, с аккуратной рыжей бородой, держал микрофон, третий нес картонные стаканчики с кофе.

Перед школой было полно народу. Ученики, учителя — такое ощущение, что собрались все. Пухлая фигура Димы в черной дубленке (интересно, как поживает его несчастная коленка) застыла на ступеньках в монументальной позе. Уж он то не будет суетиться из-за каких-то журналистов. Он сойдет со своего постамента только ради самого важного гостя.

Рядом перетаптывались учителя — Лариса в темно-зеленом пуховике, Евгеша в неожиданной кожаной косухе. Англичанка, похожая на пончик в громадном желтом пальто. Историчка, закутанная в шарф так, что торчит один нос.

— Вон наши! — заорала Войцеховская, показывая пальцем на группу ребят у самых нижних ступенек. — Задорина видите?

— Похоже, ручка уже не болит, — рассмеялась Литвинова.

Лера смотрела на Задорина, а видела только Антона. Волосы — длинные, светлые.

густые, с отчетливой рыжинкой. Он никогда не надевал шапку, в крайнем случае, натягивал капюшон своей темно-красной парки. Но сегодня был не тот случай. Сегодня их будут снимать. А Антон больше, чем кто-либо, хотел быть замеченным. На одном плече черный рюкзак, шнурки кроссовок небрежно заправлены, джинсы на правом колене нарочно порваны. Если не заметить его, то кого? Он был идеален...

Лера закрыла глаза. Как хорошо она знает каждую деталь всего, что касалось Антона. Даже страшно. Как может память быть такой точной, такой внимательной и цепкой. Не нужно было смотреть на него, чтобы видеть его улыбку, слегка небрежную, снисходительную, чтобы видеть его теплые карие глаза. На свету в них играют золотистые крапинки... Знает ли Литвинова, что в глазах Антона есть золотистые крапинки?

Лера открыла глаза, стиснула кулаки. Нельзя в это погружаться. Антон — это Антон, а она — это она. Никак это не изменить, и нечего рисовать в голове, как крапинки блестят в его глазах.

Рядом с Антоном стоял Тимур Горелов. Серая куртка с оранжевой полосой, капюшон черной толстовки натянут до самых бровей. Горелов был загадкой. Он пришел в их класс только в этом году. Невысокий сутулый парень, не особо разговорчивый, не особо симпатичный. Одет просто, учится так себе. Странноватый парень, судьбой предназначенный для последних парт, пренебрежительных прозвищ и игнора со стороны всех, кто хоть что-то из себя представляет. Но судьба могла предназначать что угодно. Горелов все решал сам.

Он сразу сел с Антоном и на переменах тусовался с ним, Литвиновой, Аринэ и остальными. Он никому не навязывался — он был принят сразу и безоговорочно. Как? В чем секрет? Войцеховская и Задорин пробовали к нему цепляться. Черные волосы, смуглая кожа, черты лица, слишком экзотические для фамилии Горелов... Они не могли пройти мимо такого. «Чурка», «черномазый», «лупоглазый» — их сильной стороной была злоба, но не фантазия. Для других этого хватало. Но с Гореловым они просчитались.

На слова он не реагировал. Никак. Но когда Задорин попробовал отвесить Горелову подзатыльник, его ладонь даже не коснулась короткостриженного затылка. Такое Лера видела только в кино. Горелов перехватил руку Задорина, рванул на себя, перекрутил, и в следующую секунду Задорин прижимался щекой к парте, а Горелов склонялся над ним, удерживая за его спиной заломленную руку.

— Еще раз попытаешься, сломаю.

Он говорил спокойно, без пустой угрозы, без гнева. От этого будничного тона становилось совершенно ясно: как сказал, так и будет. Задорин ничего не ответил. Горелов отпустил его и сел на свое место, даже не обернувшись. Это потом уже выяснилось, что он какой-то там чемпион то ли по тхэквондо, то ли по айкидо, и надо быть полным идиотом, чтобы его задирать. Войцеховская и компания были идиотами, но не настолько. Они оставили Горелова в покое.

А Лера месяц уговаривала маму записать их с Германом на какую-нибудь борьбу и по ночам представляла, как она эффектно разбирается с Войцеховской. Мама не поддавалась. У Германа были его компьютерные курсы, у Леры гитара, впереди маячил ЕГЭ, со спортом они никогда не дружили, лишнюю финансовую нагрузку им не потянуть... Мама умела сделать так, что ты сам признавал ошибочность своей идеи.

— Ой, смотрите, Рыжкова сейчас Горелова в сугроб завалит, — хохотнула Войцеховская. — Что она нашла в этом уроде?

Длинная девчонка в белом пуховике, со светлыми косичками, торчащими из-под оранжевой шапки, повисла на плече Горелова и что-то нашептывала ему на ухо. Он, конечно, не был уродом, что бы там ни болтала Войцеховская. Но как можно влюбиться в Горелова, когда тусишь с Антоном, было для Леры одной из загадок вселенной. Должно быть, у Рыжковой сработал инстинкт самосохранения.

Снежок попал Рыжковой в затылок. Она отпрыгнула от Горелова, стала ругаться. Лера не слышала слов, но выражение ее лица говорило само за себя. Грибанов, Тимченко и Донникова, которые в отсутствие Войцеховской сгрудились вокруг Задорина, дружно ржали. Герман со своим Федей, большим и неуклюжим, как медвежонок, к счастью, стояли от них далеко, с другой стороны от лестницы, рядом с Евгешей. При ней компания Задорина не посмеют к нему цепляться. А Рыжкову пусть закидывают снежками, сколько угодно.

— А Богосян где? — спросила Войцеховская. — Что-то я ее не вижу.

— Вон она, — сказала Литвинова. — Дима ей что-то втирает.

В голосе Литвиновой был, как ни странно, лед. Аринэ Богосян была ее лучшей подругой. Они сидели вместе с первого класса, и, даже сейчас Литвинова не отсела от Аринэ к Антону. Если бы кто-нибудь спросил Леру, она бы назвала Аринэ самой классной девчонкой школы. Не потому что она была очень красивой или училась лучше всех (по-настоящему, а не как Литвинова). А потому что она была доброй. Она единственная из всего класса никогда не позволяла себе ничего в адрес Германа и разговаривала с ним так, как с любым другим одноклассником.

— Завидуешь? — Войцеховская тоже смотрела на Литвинову. Лера не видела ее лица, но по тону было понятно — издевается.

— Было бы чему завидовать, — скривилась Литвинова. — Кому все это надо. Конкурс тупой совершенно...

— Мэрша вроде обещала оплатить победителю обучение в школе телевидения.

— Ты разве не собиралась стать звездой ютуба? Зачем тебе школа телевидения?

— По-любому не помешает. Всякие знакомства разные. Для карьеры полезно.

Лера хрюкнула.

— Чего ржешь? — Войцеховская придвинулась с угрозой. — Давно не получала?

— Смотрите, мэр приехала! — воскликнула Литвинова.

Войцеховская сразу потеряла к Лере интерес. За мини-вэном остановился ярко-синий мерседес. Игрушка, а не машина.

— Вот это тачка...

— А че не лимузин? Если бы я была мэром, я бы только на лимузине ездила.

— Где ты тут развернешься на лимузине?

— Опытный водила где угодно развернется.

— Она сама за рулем. — Лера показала на женскую фигурку в коротком оранжевом пуховике, которая изящно выпорхнула с водительского сиденья.

Новый мэр была избрана месяц назад. Обрывки плакатов с ее портретом после агитационной кампании еще валялись по всему городу. Молодая, красивая, больше похожа на актрису, чем на политика. Головокружительная карьера самого красивого мэра области... Да какая разница. Кому она интересна, эта мэрша.

Лера снова взялась за швабру. Полы сами себя не вымоют, как верно заметила Войцеховская.

Зато они с Литвиновой словно приклеились к стеклу.

— Тамарина классно выглядит.

— С ее бабками можно выглядеть классно. Знаешь, сколько такая тачка стоит?

— У моей мамы такая.

Литвинова сказала это небрежно, между прочим, ясно было, что она не придает никакого значения этому факту. Но у Войцеховской стало такое лицо, словно она съела десяток лимонов.

Лера усмехнулась и с удвоенным усердием принялась за работу.

— Блин, не открывается. — Войцеховская подергала окно. — Не слышно, о чем они говорят.

— Потом по телеку посмотришь, — пробормотала Литвинова.

— Богосян уже что-то толкает. Ее по телеку покажут, прикинь.

— Ну да.

— Если бы мы здесь не застряли, тебя бы показали.

Литвинова молчала.

— А теперь вместо тебя Аринэээ.

— Ну и что?

Литвинова резко развернулась и врезалась в Леру, которая как раз домывала ряд.

— Осторожнее!

— Смотри, куда идешь!

— А чего ты занервничала, Ксю? — Войцеховская ехидно прищурилась.

— Ты меня достала. — Литвинова пошла к двери, где у стены стояли две швабры. — Давайте уже сделаем что-нибудь и пойдем отсюда.

Войцеховская догнала ее и наставила на нее телефон.

— Круто смотришься. Ксю Литвинова в ярости. Улыбайтесь, вас снима-

Бац. Литвинова шлепнула ее по руке, телефон полетел на пол.

— Ты сдурела? Если ты его разбила...

Войцеховская сжала кулаки.

— Быстро. Подняла. Слышишь меня?

Лера застыла в жадном ожидании. Пошли ее. Пошли ее подальше, Ксю. Ты реально крутая. Ты самая популярная девчонка в классе. Ты красивая, умная, богатая. У тебя есть все. Даже Антон. Дай этой стерве по морде. Она шавка против тебя...

— Извини, — процедила Литвинова сквозь зубы, наклоняясь. — Я нечаянно.

Войцеховская ждала, вытянув руку. Литвинова послушно положила телефон на ладонь Войцеховской.

— Смотри у меня.

ПОЧЕМУ ВЫ ВСЕ ТАК ЕЕ БОИТЕСЬ?

Лера схватила ведро с водой и быстро, опасаясь, что передумает, если промедлит хоть секунду, выплеснула всю воду на пол в сторону Войцеховской и Литвиновой. Вот так бы смыть их всех в канаву. Как тараканов.

Их визг взорвал барабанные перепонки. По полу текли потоки грязной воды; потоки грязных ругательств извергались из Войцеховской. Литвинова была слишком занята спасением своих брендовых кроссовок от разрушения, чтобы ругаться.

— Все, Смирнова. Ты допрыгалась.

Лера перехватила швабру поудобнее и сказала со всем ехидством, на которое была способна при данных обстоятельствах.

— Ох, извини. Я нечаянно.

Не говоря ни слова, Войцеховская замахнулась ногой. В последний момент Лера увернулась, и удар пришелся не ей в живот, а в парту. Войцеховская взвизгнула от боли. Лера неуклюже взмахнула шваброй, ближайший стул слетел с парты. Войцеховская отпрыгнула.

— Ах ты, сволочь...

Она ринулась на Леру. Лера отскочила за стул, толкнула его на Войцеховскую и побежала. Бежать было некуда. Дверь заперта, за ней никого. Сколько она сможет метаться по классу как загнанная крыса? Лучше уж сразу все решить.

Лера добежала до стены, где висел единственный уцелевший плакат, прижалась к нему спиной. Взяла швабру так, чтобы было удобно ею бить. Где-то на заднем плане прозвенел звонок с утрака, голос Литвиновой произнес утомленно «может, хватит»? В следующую секунду Войцеховская врезалась головой Лере в живот. В районе ребер хрустнуло, Лера поперхнулась. Полетела назад, врезалась лопатками в стену... и поняла, что падает дальше.

Она пробила стену — точнее, картонную дверь — и рухнула на пол в узком темном помещении. В голове гудело, все тело ломило, но в остальном, кажется, все было не так уж страшно.

— А тут что такое? — В проломе, который сделала Лера, возникла голова Войцеховской. — Кладовка что ли?

В ее голосе не было ненависти, только удивление. Она уже забыла про Леру, и это было хорошо.

— Похоже на лаборантскую, — сказала Литвинова, вырастая рядом с Войцеховской. — Смирнова, ты жива?

— Жива, — пробормотала Лера. — Но вообще мы должны здесь прибираться, а не крушить стены.

Она встала, ощупала живот. Пару-другую синяков она приобрела. Деревянная пряжка на ремне сломалась пополам, значит, вот что хрустнуло, когда Войцеховская ударила. Ремень было жаль, но все же лучше он, чем ребро.

— Где-то здесь должен быть выключатель, — сказала Литвинова, шаря по стене.

Свет зажегся через минуту.

— А это что за штуки?

Прямо под выключателем стояли два черных сундучка, от которых тянулись разноцветные проводки.

— Случаем не бомбы? — хохотнула Войцеховская.

— Это аккумуляторы, — пробормотала Лера. — Здесь автономное освещение.

— Поменьше умничай, Смирнова. А то мальчики любить не будут.

Длинный светильник под потолком потрескивал, но освещал хорошо. Это было длинное узкое помещение с единственным занавешенным окном. Похоже, что кусок кабинета просто отгородили гипсокартоном. Вдоль одной стены до самого потолка шли открытые металлические стеллажи. Вдоль другой было оставлено место для прохода — второй ряд стеллажей там не поместился бы.

— Ничего тут у нее запасы, — хмыкнула Войцеховская.

Стеллажи были заставлены коробками сверху донизу. Журналы, учебники, тетради лежали неровными кучами. Ряды пробирок, колб, несколько спиртовок, держателей, еще каких-то штук, которым Лера не могла подобрать названия.

— А тут что? — Войцеховская потянула на себя одну коробку, открыла. Что-то

звякнуло, булькнуло внутри. — Фу, ну и вонь.

Она поспешно поставила коробку обратно.

— А ты что хотела. Химия, — рассеянно сказала Литвинова.

Лера провела пальцем по краю стеллажа. На пальце вырос пушистый комочек пыли.

— Почему они до сих пор тут ничего не разобрали?

— Кому оно нужно, это старье, — фыркнула Войцеховская.

— Почему химичка ничего не взяла с собой? Тут наверняка есть что-нибудь ценное. —

Литвинова вытащила лакированную шкатулку с расписными цветами. — О, а это уже не химия.

— Что там?

— Бусы. — Она достала длинную нитку зеленых шариков. — Сережки, браслеты.

— Вот эти зачетные. — Войцеховская вытащила крупные металлические круги с замочками и приложила к ушам. — Мне идет?

— Вылитый Чебурашка, — прошептала Лера.

Ее снова не слышали, и это снова было хорошо — тело все еще ныло после падения.

— Браслет прикольный. Ого какое колечко... — Войцеховская вытащила из шкатулки кольцо из потемневшего металла с огромным желтым камнем.

— Бери все сразу, — сказала Литвинова с иронией.

— Кому нужно это старье? Как бы ни разу не брюлики...

— Не трогайте тут ничего! — вспыхнула Лера. — Евгеша нас еще в краже обвинит.

— Не возьмем, не трепыхайся, — пробормотала Войцеховская, вытаскивая из шкатулки браслет из крупных плоских камней. — Брать чужое плохо. Литвинова подтвердит.

— Мне по-любому побрякушки не нужны. — Литвинова завернула каштановую прядь за ухо, ее сережка блеснула бриллиантовой искоркой.

Лера обошла их и медленно пошла вдоль стеллажей. Глупая некрасивая зависть не давала покоя. И, главное, разве ей нужны бриллианты? Не нужны. Она их не носила, не носит и ни за что не будет носить. Предложи кто сейчас бриллианты, откажется. На месте. Ей бы стратокастер... Если б у мамы было столько денег, сколько у матери Литвиновой, купила бы она ей стратокастер? Серьезный вопрос.

Она лежала на нижней полке. Не гитара, нет, а большая толстая тетрадь в черном переплете. Почему Лера обратила на нее внимание? Обычная тетрадь в окружении таких же обычных вещей. Рассыпанные карандаши, вскрытая пачка листов А4, картонная коробка с угрожающей надписью «Реактивы», обложка от журнала, упаковка жвачки... Мусор, который никто не потрудился отсюда убрать. До которого никому не было дела.

Но тетрадь не была мусором. Чем дольше Лера на нее смотрела, тем больше необычного замечала. Черная обложка искрилась. Поблескивала словно бриллианты Литвиновой. Не просто отражала мигающий свет лампы, а светилась сама по себе. Как будто светилась. Ведь обложка тетради не может светиться.

Лера села на корточки и осторожно взяла тетрадь. Она была теплой, словно полежала на батарее или на солнце. Какие батареи в этой клетушке? Не говоря уже о солнце.

Лера открыла тетрадь. Первая страница, пожелтевшая от времени и невзгод, покоробленная от влаги, была исписана странной крупной вязью, в которой отдаленно угадывались знакомые буквы.

Богат и славен Киев, раскинувшийся на берегах многоводного Днепра. Сверкает он золотыми маковками белокаменных церквей, полнится книжной мудростью, привлекает

редкими заморскими товарами.

Буквы складывались в слова на удивление легко. Лера пролистнула дальше. Везде только текст. Тетрадь была исписана от корки до корки. И охота было кому-то напрягаться. Лера раскрыла тетрадь на середине. Строчки прыгали, наезжали одна на другую. Дышали волнением. Что же тут написано... Почему-то это казалось важным — разобрать, что тут написано.

— Дай пройти, чего расселась.

Леру пихнули в спину. Она шлепнулась на колени.

— Упс, боулинг, — засмеялась Войцеховская.

— Отстань ты уже от нее.

— Это не я, она сама... А что это у тебя, Смирнова?

Войцеховская потянулась к тетради.

— Ты разве умеешь читать? — пробормотала Лера.

Войцеховская вырвала тетрадь из рук Леры, стала листать. И тут же заржала как лошадь. Похоже, рукописный текст под старину не вызывал у нее трудностей. В отличие от учебника литературы.

— Прикольное чтиво, кстати.

Литвинова заглянула ей через плечо.

— Что там?

— Зацени.

— Тут что, от руки написано? — Литвинова посмотрела на Леру. — Где ты это выкопала?

— Вот тут лежало. Это что-то явно старинное.

— Ага, старинное. Сто раз, — хмыкнула Войцеховская. — Дура ты, Смирнова.

— Странная тетрадка, — задумчиво сказала Литвинова. Ее глаза скользили по строчкам — она читала.

— Обложка красивая. — Войцеховская поскребла тетрадь ногтем. — Из чего она сделана? Вроде кожаная.

— Неа. Больше похоже на пластик.

— Дайте посмотреть. — Лера встала рядом с ними.

— Топай отсюда. — Войцеховская толкнула ее плечом. — У тебя там еще полы не вымыты.

— Я сфоткаю эту тетрадку и покажу отцу. — Литвинова вытащила телефон. — Он интересуется всякими такими штуками.

— Фоткай тогда уже все страницы. Скинь мне вконтакттик. Почитаю.

Что ответила Литвинова, Лера уже не слышала. Она вышла из лаборантской и прикрыла дверь. Запереть бы их там, вот было бы весело. Но, к сожалению, бессмысленно: через дыру, которую она пробила в двери, пролезет и слон.

В кабинете было по-прежнему неубрано и — после Лериного демарша с ведром — очень мокро. Лера нашла свою швабру и стала гонять пролитую воду по полу. Чище не становилось, но, по крайней мере, было видно, что здесь что-то делали. Она домыла пол, поправила парты и стулья, вернула на место плакат, который свалился после ее падения. Дверь в лаборантскую — и, главное, дыра — за ним была практически не заметна.

Когда Лера в последний раз выжала тряпку, в замке щелкнул ключ. В кабинет боязливо заглянула завхоз Наталия Владимировна. Ее глаза испуганно бегали по сторонам, как будто

она ожидала увидеть здесь... кого?

Увидев, что в кабинете только Лера, она перепугалась еще сильнее.

— А девочки где? Другие девочки? Которые с тобой были?

— Тут мы! — объявила Войцеховская, пиная дверь лаборантской. — Вы не имели права нас тут запирать! Я пойду к директору! Жаловаться!

Но завхоз будто не слышала ее. Расширенными от ужаса глазами она глядела на открытую дверь и беззвучно бормотала что-то, очень похожее на молитву.

— Эй, вы меня слышите? — Войцеховская бесцеременно прищелкнула пальцами.

— Пошли уже отсюда, — сказала Литвинова, убирая телефон.

— Что вы там делали? — пробормотала завхоз. — Кто вам разрешал туда заходить?

— Мы прибирались! — рывкнула Войцеховская. — Вы же для этого нас тут заперли!

— И вы ничего... — Завхоз осеклась. — Ладно, девочки, давайте быстрее, пошли отсюда. Хорошо вы тут все убрали, умницы...

Когда они вышли, Наталия Владимировна поспешно захлопнула двери и с заметным облечением повернула ключ в замке. Войцеховская продолжала возмущаться, но завхоз никак не реагировала. А Лере вдруг стало ясно, что если она и закрывала что-то в кабинете, то совсем не их.

Дома пришлось объясняться с мамой. Дима, конечно, успел позвонить и расписать все в красках, а себя — в выгодном свете. Мама куталась в шаль, кашляла, округляла прекрасные глаза (повезло же Герману их унаследовать), но не ругалась. Мама вообще никогда не ругалась, и за это ее любили все — ученики, родители учеников, соседи, друзья, знакомые. Рядом с мамой было спокойно и надежно. И только если был виноват, хотелось спрятаться подальше от ее грустного взгляда.

Но сейчас Лера не была ни в чем виновата.

— Хорошо, что ты заступаешься за Германа, — только и сказала мама в конце. — Я очень рада. У вас как раз те отношения, о которых я мечтала.

Лера вышла из кухни, размышляя о том, какие отношения с Германом устроили бы ее. Явно не те, когда она бросается на его обидчиков с воображаемым копьём наперевес. Рыцарь из нее паршивый. И с доспехами не очень. Может, поэтому он и сбежал.

В комнате Германа привычно ухала компьютерная стрелялка. Лера вытщила телефон, посмотрела на часы. Все правильно, шестнадцать часов пятьдесят семь минут. Еще три минуты, и он выключит игру.

Она дождалась, когда звуки стихли, и вошла в комнату брата. Вопрос, почему комната Германа чуть ли не в два раза больше, чем у нее или у мамы, перестал занимать Леру еще в пятом классе. Так было нужно. У Германа было множество вещей. Целую стену занимали шкафы, где хранились не вещи, точнее, не только вещи, а его многочисленные коллекции. Фантики, статуэтки, машинки, журналы. Минералы — его последнее увлечение — были аккуратно сложены в коробке на столе. Все, что Герман собирал с пяти лет, находилось в этой комнате. Вся его жизнь была разложена по полочкам, пронумерована и каталогизирована.

В этом была своя, особенная красота. Но Лера не завидовала Герману, когда ему приходилось стирать пыль с этой красоты. Впрочем, Германа не напрягала уборка. В его комнате всегда был идеальный порядок: полчаса уборки каждый день стояли отдельным пунктом в его расписании. Сейчас, когда он сидел за компьютером, его рюкзак стоял точно с правой стороны стола, стопка учебников выложена на краю — Герман готовился делать

уроки. Нужно было поймать его до того, как он откроет тетрадь.

— Гер, можно на пять секунд?

— Да.

Он не повернулся от монитора, но Лера и не рассчитывала. За семнадцать лет она привыкла общаться с его спиной.

— Ты можешь достать мне один файл из контакта?

— Да.

— Точно? Ты понял, о чем я?

— Если ты объяснишь нормально, то пойму.

— Мне нужен файл с чужой страницы.

— Попроси у владельца.

— Если бы я могла попросить у владельца, я бы не стала просить тебя.

— Я так и думал. Ты хочешь, чтобы я вскрыл чужой аккаунт в контакте и скачал для тебя файл.

Лера закатила глаза. Для человека, который не любил зря тратить время, Герман тратил его на удивление много.

— Сможешь?

— Я уже сказал.

— А когда?

— Сегодня.

— Спасибо.

Герман не ответил. Слова вежливости — лишние слова, по его мнению. Он не любил делать лишнее. Мама требовала от него вежливости, но Лера — не мама, с ней можно было не церемониться.

Лера подошла ближе.

— Почему ты сегодня не подождал меня утром? Когда к нам прицепилась Войцеховская?

— Я не хотел опаздывать в школу. — Герман наконец повернулся и посмотрел Лере в глаза. — Извини.

Лера улыбнулась. Это последнее «извини» доказывало лишь то, что мама с ним поговорила и разложила по полочкам. Сам Герман не чувствовал никакой необходимости извиняться. Но он слушался маму, хоть на том спасибо.

Лера быстро взъерошила черные волосы Германа и выскочила из комнаты под его негодующий крик.

Вечером ей на почту пришло от него сообщение. Ни единого слова, только прикрепленный файл.

Фотографии страниц тетрадки в черной сверкающей обложке, которые сделала Литвинова.

Богат и славен Киев, раскинувшийся на берегах многоводного Днепра. Сверкает он золотыми маковками белокаменных церквей, полнится книжной мудростью, привлекает редкими заморскими товарами. Всякий путник найдет там себе то, что по сердцу. Рыжебородые арабские купцы — покупателей на искусно сплетенные уздечки, седла и звонкие клинки мечей; удалые воины — работу в дружине князя; ученый люд — мудрость, накопленную в редких книгах.

Вера христианская крепла в народе, к прошлому древних языческих богов возврата не было. Только в дремучих лесах, да и то далеко на севере, бродили волхвы и смущали умы людей, грозили мезтью свергнувших идолов. Поговаривали, что и в киевских лесах до сих пор живут те, кто по ночам бесам молится и отражение месяца на воде целует, но никто не заходил — не заезжал в чащобы непролазные, чтобы проверить это. Достоверно знали лишь про старушку-ведунью на Болотах, которая врачевала травами и в церкви даже по великим праздникам не показывалась.

Жила в то время в Киеве Малуша, баба еще не старая, крепкая, но горемычная. Муж погиб в битве под Лиственном, и она мыкалась с детьми, один другого меньше. Что толку, что Домослав прославил имя свое? Славу на хлеб не обменяешь, славой детей зимой не согреешь... Родичи жалели Малушу и помогали, кто чем может, но видели все, что помощь идет ей не на пользу, а во вред. Нехорошие слухи ходили по киевскому торжищу о Малуше. И обрядов положенных почти не соблюдает, и за детьми плохо присматривает, и себя в строгости не держит. Двух урожаев не успели снять с тех пор, как зарубили Домослава, а Малуша снова ходила с животом.

Шептались горожане, дело нечисто. Красоты, которой Малуша славилась по молодости, не осталось и в помине, богатства у нее отродясь не водилось, так что мужиков привлекать было нечем. И вот на тебе, понесла. Не иначе, как с лешим спуталась, или с иной какой нечистью, недаром летом каждый день в лес таскалась! И ребенка принимать позвала Малуша не кого-нибудь, а бабку Зорану, с которой люд честной никаких дел иметь не хотел. Поговаривали, что бабка, может, и знает многое, но страшно было подумать, какой ценой куплено ее тайное знание.

Всю ночь промучилась Малуша, а под утро родила девочку, да такую маленькую и слабенькую, что даже искусство бабки Зораны ничего не могло для нее сделать.

— Умрет твоя девчонка, Малуша, — ворчала бабка, ковыляя по темной, неприбранной лачуге. — И то тебе легче. Как без мужика будешь с младенцем управляться? У тебя без нее шестеро, с ней совсем худо будет.

Обессиленная Малуша лежала в углу на охапке прелой соломы и молчала. Мысли матери путались, и она не слышала бормотание Зораны. Тяжко будет ей с младенцем, родные осудят, да и в работницы будут брать неохотно, но Малуша сохранила ребенка и не желала слушать причитаний бабки о том, что девочка скоро умрет.

— Дай мне ее, — простонала Малуша. — Дай.

Бабка подала ей завернутого в тряпицу младенца. Девочка была крошечной, почти невесомой и совсем не плакала.

— Я назову ее Милодарой, — слабо улыбнулась Малуша. — И у нее будет счастливая жизнь.

Малуша умерла, когда Милодаре минуло десять зим. Старший брат ее давно служил в дружине князя, три сестренки уехали в Берестов взамуж, а Милодару, Несмеянко и Белаву забрала к себе жена кузнеца. Она приходилась Малуше дальней родней и решила позаботиться о сиротках.

Житье у тетки Добравы было невольготное, но сносное. Милодара и Белава помогали ей по хозяйству, а Несмеянко крутился на кузне. Тетка уже начала присматривать женихов для Белавы и своей родной дочери Веселинки, которые входили в невестину пору. В женихах недостатка не было, но тетка хотела не продешевить, достойных выбрать. С кузнецом породниться каждому лестно, да еще с таким, как кузнец Силан. Но только не каждому по силам! Работящим муж быть должен, старательным, чтобы ремесло у него было достойное и характер покладистый. Часто засылали сватов к Веселинке и Белаве, но тетка была недовольна и придиралась ко всем.

— Кого ты ждешь? — посмеивался в окладистую светлую бороду кузнец. — Воеводу или купцов богатых? Сватов из княжеского дома? Так у князя нашего пресветлого уже есть княгинюшка, а больше одной закон Христов ему иметь не позволяет. Вот, говорят, у кагана хазарского сто жен, и все одна другой моложе, да красивее...

— Тьфу, что за пакости ты говоришь такие, — плевалась тетка и выгоняла любопытных детей из горницы, чтобы не слушали непотребные речи.

Но сколько бы ни шутил кузнец и ни злилась бы тетка Добрава, а женихи постепенно нашлись. По осени сыграли свадьбу Веселинки с гончаром, а после и за Белавой приехали сваты. Шли годы, все ниже сгибалась спина кузнеца, все больше снега становилось в волосах тетки. Уже Несмеянко вовсю орудовал молотом и наковальней и славился своей работой, а за его секирами приходили аж из княжеской дружины.

Милодара на улицу не показывалась, когда приходили дружинники, потому что тетка боялась, как бы они не увидели красивую девушку и не захотели сманить ее. По-хорошему выдавать Милодару замуж за княжеского дружинника тетка тоже не желала. Всего добра у них и было, что кольчуга, да меч, да прыть. Она надеялась подобрать для племянницы мужа побогаче, посolidнее. Со своей необычайной красотой Милодара могла рассчитывать на многое.

По всему Киеву шла слава о красе Добравиной племянницы. Завистливые да злопамятные припоминали историю ее матери и со значением спрашивали, кем же все-таки был отец Милодары. Волосы Милодары были черны как смоль, а глаза — прозрачней родниковой воды, кожа белая, гладкая, а носик маленький и ровный, не чета тутошним «уточкам» и «картошкам». Росточку она была невысокого, но ладная да складная, шустрая да быстрая. Петь была большая мастерица, но пела Милодара редко, чаще покрикивала своим чудесным голосом, управляясь по хозяйству.

Отродясь в Киеве таких не было. Местные девки были, в основном, белявые и спокойные, ходили степенно, глаз без надобности не подымали, хихикали украдкой, между собой. А чернявые волосы и темные, чуть скошенные глаза говорили о примеси степной крови. Но Милодара не походила ни на кавказскую красавицу с тонким станом, ни на нарумяненную греческую деву с волосами, уложенными в высокий венец, ни на быстроногую и быстроглазую половецкую рабыню. И все же рядом со своими рыжекудрыми голубоглазыми сестрами Милодара выглядела чужестранкой.

А уж норы у нее и вовсе был дикий. Всех дочерей, и своих, и Малушиных воспитывала Добрава одинаково, в смиренности и послушании, да только с Милодарой справиться было ой

как нелегко. Молчит, молчит, слушает, а потом как глянет своими хрустальными глазами, что аж сердце заколотится.

Но хоть и удивлялась про себя Добрава, что выросла у них такая диковинка, но племянницу любила, жалела и всячески берегла. Лишний раз старалась не выпускать Милодару за околицу. Слишком уж смела и бойка на язык, того и гляди в беду попадет. Надеялась Добрава, что найдется муж достойный и ее обломает. А потом спасибо скажет ей, тетке, за труды нелегкие.

Милодара о планах тетки знала и им не противилась, хотя вспоминала о том, как увозили сестер из родного дома, и мало радости в том видела. На парней молодых, как велела тетка, не засматривалась, всю положенную работу исполняла. Но накатывала порой на Милодару такая черная тоска, что хотелось все бросить и сбежать далеко в лес, чтобы не видеть никого и не слышать, чтоб никто не смел ей указывать и ею помыкать...

Лес был ее прибежищем, ее настоящим домом. Милодара часто бродила там в одиночестве с пустой корзинкой для грибов. Ни диких зверей, ни злых людей не боялась она в лесу и всегда знала, в какой стороне дом. Давно уже подметили, что пойдут девки по грибы, Милодара со всеми идет. Но лишь сойдут с опушки в лес, так ее и след простыл, только сарафанчик за деревом мелькнет, или голосок серебряный где послышится. Тетка не любила отпускать племянницу в лес. Кто ж посватается к девице, которая так и норовит сбежать к своей родне некрещеной? Никакая красота редкостная не поможет.

А Милодара забывала, что ей в отцы лешего прочат, и уходила в лес от высоких киевских стен так далеко, как никто не хаживал. Тысячи голосов слышала она в лесу, различала сотни запахов. Никогда не сбивалась с пути, хотя не запоминала нарочно, какой дорогой идет. Все в лесу было ей знакомо, все радовалось ей, и Милодара даже глухой ночью не побоялась бы прийти сюда...

Однажды забрела Милодара на Болота. Раньше она держалась от них подальше; ей больше нравились тенистые дубравы да залитые солнцем полянки, звонкие лесные ручьи да душистые травы, растущие на пригорках. Но в этот раз ее потянуло в болотистый край, где туман стелется по обманчиво твердой земле, а воздух сырой и тяжелый.

Бесстрашно шла Милодара по еле заметной тропинке. Сказки, слышанные в детстве от матери, всплывали в голове, и неизведанный доселе страх прокрадывался в сердце девушки. И все же Милодара не повернула назад. О ягодах и грибах позабыла давно, лишь под ноги себе смотрела, чтобы в болоте не увязнуть. Никогда не ходила Милодара по топи, но сейчас словно воочию видела, что скрывается под пожухлой травкой: твердая земля или трясина.

Шла Милодара долго, устать успела. И только подумала, что пора назад поворачивать, как увидела с правой стороны домик. Маленький, с потемневшими от сырости стенами, он прятался среди деревьев от случайного путника. Милодара решила вначале, что ей померещилось, но с тропы свернула, чтобы посмотреть поближе.

За деревьями на самом деле притулилась избенка, старенькая, покосившаяся. Но в крошечном окошке горел огонь, а вокруг домика сгущалась болотная тьма... Милодара, не долго думая, шагнула внутрь.

В избушке было тесно и тепло, пахло свежее испеченным хлебом и кислым молоком. На окошке чадила свеча, у окошка сидела горбатая морщинистая бабка и пристально смотрела на девушку.

— Пришла таки, — сказала бабка, и непонятно было, с удовольствием сказала или с упреком. — Не испугалась.

— А чего мне бояться? — гордо спросила Милодара. — Здравствуй, бабушка. Я случайно на твой дом набрела.

— По Болотам никто случайно не бродит. Иль не слыхала, что на торжище говорят? Что живет на болотах страшный леший, с глазами горящими и рыком звериным, и что утаскивает он к себе девушек неосторожных да неразумных.

По голосу было ясно, бабка не пугает, а скорее смеется. Милодара перекинула на спину тугую черную косу и тоже улыбнулась.

— Как же, слыхала. Да только говорят еще, что этот леший — мой отец. Вот решила зайти, проверить. Где же хозяин? Дома ли он?

Засмеялась бабка, словно ворона закаркала.

— Смелые речи. Других от тебя и не ожидала. Нет здесь никаких хозяев, кроме меня. Присядь, да молочка со мной выпей. Давно я тебя не видала, ох, давно...

Милодара послушно села на лавку к столу. Бабка вытащила из своих закровов молоко и хлеб, достала глубокую глиняную чашку.

— Угощение у меня простое, но сытное. Умаялась поди по лесам бегать.

— Я никогда не устаю в лесу. Наоборот, только сил набираюсь.

— Ну-ну, молодая еще, потому и не устаешь, — пробормотала бабка себе под нос, — а молочка старой Зораны испей, такого тебе больше нигде не испробовать.

Милодара пригубила молоко. Права была бабка, ни разу в жизни не пробовала она ничего похожего. Аромат луговых трав почуяла она в молоке, и жар летнего полдня, сочный вкус земляники и свежесть ключевой водицы.

— Вкусное молоко у тебя, бабка Зорана, спасибо, — сказала Милодара, напившись. — Хотела бы я знать, какая корова дает такое молоко.

— Узнаешь. Все в свое время узнаешь. — Бабка всматривалась в Милодару удивительно зоркими и ясными глазами. — Давненько тебя не видела. Уж не чаяла, что ты красотой такой станешь.

— Ты меня знаешь?

— Как же мне тебя не знать, когда вот этими руками я тебя от матушки твоей принимала? — Бабка показала Милодаре темные крупные ладони с узловатыми пальцами.

— Ты та самая бабка Зорана? — поразила девушка. — Сколько же тебе лет?

— Столько лет пусть тебе Стрибог дарует, девонька.

— Стрибог... — медленно повторила Милодара, вслушиваясь в звучание незнакомого слова и чувствуя в нем силу великую. — А кто он?

— Хранитель наш и вершитель судеб наших. Но сейчас поздно, слишком поздно... Приходи ко мне опять, и я расскажу тебе все, что знаю, девонька. Теперь тебе пора идти, надо вернуться в Киев засветло.

— Я не боюсь ходить ночью по лесу!

— Вижу, что не боишься, — усмехнулась Зорана. — Да только поостеречься хорошо бы. Леса не боишься, сородичей своих побойся. Глазом моргнуть не успеешь, как шепоток о тебе пойдет.

— Ну и что, — дернула гладким плечиком Милодара. — Может, тогда тетка Добрава перестанет мне мужа подыскивать.

— Тебе так сладко у тетки живется, что и замуж не хочется?

— В чужом доме слаще не будет, — отрезала Милодара. — Не хочу быть ничьей рабой.

От слов ее гневливых словно посветлело в избушке. Пристально смотрела Зорана на

девушку и качала головой. Ох и своенравна... ох и хороша... и силы в себе не чувствует... а сила есть, и немаленькая...

— Ты тетку слушайся, она тебе зла не пожелает. Нрав свой укорачивай, не доведет он тебя до добра. Ко мне приходи засветло, я покажу дорогу короткую. В Киеве обо мне не болтай, а то себе хуже сделаешь. И из дома часто не выходи. Вижу я над тобой беду неминуемую, а какую и почему, понять пока не могу...

Стала Милодара тайком бегать к бабке Зоране на Болота, учиться. В Христа бабка не верила и рассказывала Милодаре о тайных силах природных, что жизнью управляют, силы дают и силы отнимают. О боге Стрибоге, который создал все живое вокруг, и о Солнце-Яриле, разъезжающем по небу на чудесной колеснице, о Леле, что по весне всем растущим заведует, и о Ладе, что домашний очаг бережет, о леших и водяных, о русалках, заманивающих сладким пением в глубокие озера. Кое-что знала Милодара, слышала, как старухи о стародавних всемогущих богах рассказывали, но по словам Зораны выходило, что никакие эти боги не стародавние, а самые что ни на есть настоящие. Если умеешь к ним обратиться, если верой-правдой им служишь, отведут от тебя любую напасть и счастье великое даруют.

Училась Милодара, словно жизнь заново для себя открывала. А беда меж тем подступала к дому... Брат Несмеянко, не спросившись позволения ни у дядьки, ни у тетки, собрался в далекий северный поход, туда, где среди темных непроходимых лесов жило дикое племя вятичей. Хотелось Ярославу посадить в их селениях верных людей, чтобы киевского князя чтили и не своевольничали. Но чтоб войну не развязать и народ не обидеть, требовались не жестокость и кровь, а добро и мудрость. Знал Ярослав, что во главе отряда надобно поставить не просто доблестного воина, а человека разумного, прозорливого и осторожного, который мог бы и твердость проявить, где требуется, и милосердие.

В целом Киеве нельзя было найти более подходящего начальника, чем воевода Остромир. Седой уже, но еще крепкий воин, побывавший во многих сражениях и искушенный в книжной премудрости, преданный князю и церкви Христовой, Остромир один мог бы справиться с щекотливым поручением. Жаль было Ярославу расставаться с воеводой. Но в интересах государства было направить Остромира к вятичам, и воевода принялся собирать отряд.

С ним-то и вызвался идти Несмеянко. Слушал он рассказы дружинников о готовящемся походе, слушал и крепко злился про себя. Надоело ему в кузне молотом размахивать, потянуло в дорогу навстречу приключениям. Хватит оружие для других ковать, пора самому его в ход пускать.

Родные, понятное дело, не обрадовались. Тетка Добрава ругалась, дядька-кузнец и вовсе прибить грозился, но Несмеянко слушать никого не стал. Забрал одежонку свою скудную, меч острый, собственноручно выкованный, и ушел со двора.

Из всех домашних одна Милодара поняла брата и позавидовала ему. Уйти бы вместе с Несмеянко... Переодеться парнем, волосы остричь по плечи и сбежать от тетки... Но для нее были эти мечты слишком смелыми, потому что привыкла Милодара делать все, что скажет тетка, а бунтовала пока про себя.

Тетку Добраву мучила совесть за то, что так жестоко обошлась с Несмеянко. Отправляется парнишка на север, а у самого добра только что рубаха холщовая с портками. Ни сапог кожаных, ни плаща на подкладке теплого, ни шубы какой. Одним мечом разве согреешься, даже если меч необыкновенный, с любовью сработанный?

Втайне от мужа Добрава собрала для племянника вещи потеплее, еды в котомку, кошель с серебряными деньгами. Немного, но на первое время хватит.

Самой тетке идти на воеводин двор было несподручно, но тут Милодара вызвалась с братом повидаться. Не хотелось Добраве отпускать девушку одну, но ни на кого другого надежды не было — либо мужу обо всем доложат, либо руку жадную в кошель запустят. Никому веры не было. Одна племянница и оставалась.

Сарафанчик Милодара надела попроще, косы туго перевязала, темный плат низко на брови надвинула. С тяжелым сердцем отпускала Добрава ее к дружинникам, но утешалась тем, что на дворе Остромира порядки строгие, не в пример иным, да и Несмеянко сестру в обиду не даст.

Кривыми улочками бежала Милодара к хоромам воеводы Остромира, где собирались его воины. Торопилась. Тетка наказывала вернуться засветло; мало ли ночью опасностей может быть в городских переулках. А Милодаре о стольком нужно было с братом поговорить, что и дня целого не хватило бы!

Дом воеводин стоял за высокой каменной стеной, но ворота были широко распахнуты, всех впускали без опасения. Прижимая к груди увесистый куль с теткинскими дарами, Милодара зашла на заросшее крапивой подворье. Красивым показался ей дом с резной лестницей и петушками на оконных наличниках; грозными глянулись стражи у дверей с высоченными копьями в руках. Милодара оробела.

Тяжелый топот копыт раздался сзади, и девушка испуганно шарахнулась в сторону. Несколько молодых всадников влетели во двор; пена клочьями падала с их коней. Сразу было видно, что всадники эти не из простых. На конях были уздечки с разноцветными кистями и украшенные бляхами седла; сами всадники красовались в нарядных плащах и шапках с опушкой. Выделялся среди них молодой воин в малиновом плаще с желтой подкладкой. Был он выше и стройнее других, и держался как начальник.

Воины побросали коней, к которым тотчас подбежали отроки с конюшни, и поднялись в дом. Стражи беспрекословно пропустили их. Во дворе замешкался лишь один, тот, что в малиновом плаще. Он наблюдал за отроками, которые пытались успокоить разгоряченных коней. Шапку он снял, обнажив копну золотистых кудрей, утер ею пот со лба и, повернувшись, неспеша пошел к крыльцу.

Пугаясь собственной дерзости, Милодара бросилась наперерез молодому воину, чтобы спросить, где Несмеянко искать. Но заглянула ему в лицо, обмерла и позабыла, о чем собралась говорить. Воин остановился и с улыбкой глядел на Милодару, закутанную в плат до самых бровей.

Сын воеводы Остромира Горислав славился учтивостью и начитанностью, доблестью в охоте и ратной ловкостью. С радостью охотился он на медведей и диких туров, но с не меньшей радостью просиживал над книгами в драгоценных переплетах, изучая накопленную предками многовековую премудрость. То был достойный сын своего отца, храброго Остромира. Но в одном Горислав превзошел воеводу. От своей матери унаследовал он редкостную красоту. На пирах в княжеских палатах жены и девушки перешептывались о его васильковых глазах и кудрях цвета спелой пшеницы. Не одно девичье сердце смутил Горислав, и, будь на то его желание, не одна жена забыла бы о своем долге перед мужем ради него.

Но Горислава больше влекли ратные подвиги. Мечталось ему, что когда-нибудь и он прославит Киев, и о нем сочинят песни, которые сладкоголосые певцы будут петь перед

князьями на пирах. Занимал молодого воина только поход к вятичам, в который он собирался выступить вместе с отцом.

Таков был Горислав, сын Остромира, в тот день, когда Милодара пришла на воеводин двор повидаться с братом. Заглянула она в синие глаза Горислава, и страшно ей стало на мгновение, как будто разверзлась перед ней пропасть бездонная. Жутко стоять на краю и глядеть в бездну черную, но отойти сил нет никаких... Грудь Милодары теснило от неясного предчувствия, солнце померкло над головой. Только одно она видела: незнакомого всадника. Глаза у него ласковые, светлые, словно ясное летнее небо, а волосы как листва золотая, что по осени щедро засыпает леса. А голос подобен прозрачному ручью, бегущему меж камешков в укромном месте, и слушать его также сладко, как испить водицы из этого ручья в жаркий день...

— Что тебе надобно, милая? — спросил Горислав, от нетерпения постукивая ногой в сафьяновом сапоге.

Красива была дева, что стояла перед ним, но устал Горислав после дальнего пути, хотел с отцом повидаться, на лавке посидеть, выпить прохладного квасу с медвяным привкусом.

И тут увидела Милодара необыкновенное. Что никогда нигде не видела, о чем никогда, даже от бабки Зораны не слыхивала. Потянулись от прекрасного всадника ниточки еле видимые, бледно-коричневые, вишневые, песочные. И словно голос раздался в голове Милодары. Смотрела она на ниточки и видела все, и усталость, и нетерпение, и жажду необычайную, будто кто ей подсказывал.

Пошатнулась Милодара, поклонилась, попятилась. Тяжелый куль уронила. Сдвинулись черные брови красавца, вспыхнуло бирюзой его изумление. Он наклонился, поднял куль.

— Постой... Куда же ты?

— Передай дружиннику Несмеянко, — только и смогла вымолвить Милодара и скорей помчалась прочь с воеводина двора.

Литература началась с бесполезной тягомотины вроде поведения, экзаменов и прочей ерунды. Лариса вечно решала на уроках какие-то посторонние вопросы. Обычно Лера была не против, но сегодня она как раз прочитала «Старуху Изергиль» и хотела ответить — исправить полученную по глупости пару, из-за которой ситуация по литературе была совсем плачевной.

— ... что у вас за отношения в классе, одиннадцать лет вместе учитесь, а грызетесь как собаки, — гундосила Лариса под всеобщий игнор. — Мне на каждом педсовете стыдно, только про мой класс и говорят. Да, Войцеховская, не надо делать такое лицо. Про тебя говорят больше всех.

А про вашего Витеньку нет? — хмыкнула Лера про себя.

Витеньки сегодня не было в школе. Должно быть, перетрутился вчера, встречая мэра. Романова и Аркадьева на параллельной парте соседнего ряда весь урок обсуждали, что произошло вчера, так что Лера была в курсе.

Задорин все время вертелся около телевизионщиков — и раненая рука не мешала. А Богосян мямлила и запинаясь, толкая приветственную речь. Голицын подскользнулся и сшиб штатив с камерой, Дима ругался на него и позволил себе сказать слово, неподходящее для руководителя школьного комплекса. Но больше всего они говорили про мэра. Точнее, про ее шмотки.

— Знаешь, сколько ее пуховик стоит? Не меньше сотки.

И внешний вид:

— А цвет волос? Обалдеть просто.

— Я читала в сети, что она ходит в «Музыку красок», знаешь этот салон? Там из Франции работают стилисты.

— Я пойду туда делать прическу на выпускной, — вставила Крюкова со второй парты. Завистливое молчание в ответ.

— А ее серьги видела? Вот такие бриллианты. Откуда у нее бабки на все это?

— Ну у нее же бизнес.

— Какой?

— Пекарни. У моего дома как раз есть одна-

— Нет, какие пекарни, у нее сеть ювелирных салонов.

— Да вы что, у нее целый завод, по телеку говорили...

Дальше внимание Леры поплыло. Заводы госпожи мэра ее не интересовали, как ее бриллианты или падение Голицына. Было невероятно скучно. Герман впереди о чем-то перешептывался с Федей. Вот уж кто точно знает, чем себя занять в любой момент. Правда, его занятия не всегда совпадали с представлением учителей о том, как должны вести себя ученики, но со временем они друг другу привыкли, Герман — к требованиям, а учителя — к Герману.

Перед Германом и Федей сидели Кириллов и Кузнецов. Судя по одинаково склоненным затылкам, они во что-то играли по сети. Тоже неплохой способ отвлечься от бубнежа Ларисы. Жаль только, Лере не с кем играть.

Больше на четвертом ряду никого не было. Он не пользовался популярностью. Еще бы, кому охота сидеть у стены. То ли дело у окна. Первый ряд населяла элита класса. На первой парте умницы-красавицы-отличницы, Ксю Литвинова и Аринэ Богосян. За ними Антон и Горелов. Дальше Арбузова и Рыжкова (конечно, сразу за Гореловым), а последними сидели Шестаков и Полина со смешной фамилией Сом, которую по непонятным причинам никто никогда не дразнил, а всегда называли по имени.

Войцеховская сидела на последней парте второго ряда. По крайней мере, сегодня. Она любила пересаживаться и никогда не спрашивала разрешения ни у учителей, ни у одноклассников. Войцеховской никто не перечил. Одноклассники боялись, хотя делали вид, что им все равно. Учителям было реально все равно, лишь бы во время уроков никто не выступал. И только у Леры замирало сердце, когда Войцеховская садилась слишком близко от них с Германом. Потому что тогда можно было ожидать пакостей прямо на уроке. Сейчас, когда между ними был целый ряд, Лера чувствовала себя в безопасности. Более-менее.

Сегодня Войцеховская ни к кому не приставала. Она сидела, делая вид, что слушает Ларису, а сама украдкой снимала класс на телефон. Лавры будущей звезды не давали ей покоя.

— Вот, Лариса Васильевна, полюбуйтесь.

Громкий голос физкультурницы проник в кабинет раньше, чем она сама. Дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Костя Голицын, двоечник и лентяй. Лицо его было восхитительного свекольного оттенка, а глаза метали молнии.

Костю за шиворот держала крепкая, очень похожая на мужскую рука. Рука принадлежала физкультурнице Марине Андреевне по прозвищу Скакалка. За любую провинность на уроке она заставляла прыгать через скакалку не меньше ста раз.

— Сняла вашего красавца с крыши школы.

Наконец появилась и сама Скакалка, высокая, широкоплечая, с заметным пушком над верхней губой. Одна из немногих учителей, кого Лера уважала. Трояк по физкультуре и насмешки над Лериной неспособностью прыгнуть через козла или подтянуться на брусьях ничего не значили. Скакалка была справедливой. Она никогда не смеялась над Германом, не заставляла его играть в волейбол со всеми, а Войцеховская, несмотря на спортивные таланты, вечно прыгала у нее через скакалку и, главное, не смела даже пикнуть. Уже за одно это Марина Андреевна заслуживала уважения.

— Голицын! — всплеснула руками Лариса. — Чего тебя туда понесло, горе мое?

Литературы сегодня точно не будет, поняла Лера. Теперь будем с Голицыным разбираться.

— Я ролик хотел снять, — пробубнил он. — Для конкурса.

— Для конкурса! — всхлипнула Лариса. — А кто тебе сказал, что тебе разрешат размещать ролики на портале? Дмитрий Александрович вчера четко сказал: только отличники и хорошисты, нам других операторов не надо.

Лера хрюкнула в раскрытый учебник. Кажется, что Дима утверждал, что конкурс как там его... будет способствовать укреплению дружеских связей между учениками. А теперь выясняется, что половина школа как минимум остается за бортом. Ну тут без вопросов — на конкурс мэра заявлять двоечника Голицына точно неудобно. Он красивую картинку в инсте не сделает. То ли дело Литвинова.

Или Антон.

Вот из кого получатся замечательные победители.

Лера иронизировала, чтобы не переживать. Но обида все равно пробивалась сквозь насмешку. Они что, не ученики своей школы? Кто сказал, что креатив доступен исключительно отличникам?

Голицын, похоже, думал точно так же. Он покраснел еще сильнее, насупил густые брови.

— А че сразу отличники. Я тоже умею круто снимать.

— Голицын! Алгебру сначала выучи, а потом будешь снимать!

Логика у Ларисы хромала всегда, но сейчас особенно хотелось с ней поспорить. Голицын открыл было рот...

— Сядись на место! — рявкнула Лариса.

Голицын побрел к последней парте на третьем ряду. Он был очень расстроен. Расстроен и зол. Вокруг его головы клубилось лиловое облачко, с болотными вкраплениями, в котором то и дело мелькали желтые всполохи. Облако было неоднородным. Извиваясь, в нем переплетались тонкие цветные нити. Нити пели... Нет, говорили... Снова не то.

В нитях был смысл.

Лера смотрела и смотрела, и чем сильнее она вглядывалась в разноцветное облачко, тем яснее становилось, что означает та или иная нить. Голицын плюхнулся на свое место сразу за Лерой. Желтые всполохи пропали, поглощенные плотным болотным цветом. Обида полностью завладела Костей.

— Смирнова! — раздался резкий окрик Ларисы. — Чего ты на Голицына тарачишься? Влюбились что ли?

В классе заржали.

Моргая, Лера медленно повернулась к доске. В другое время она бы огрызнулась или обругала Ларису. Про себя, конечно. Но сейчас слова классной лишь коснулись краешка

сознания, не вызвав никакой реакции. Какая разница, что говорит Лариса. Лера видела светло-коричневую дымку бесконечной усталости, исходящей от нее. Глупо было что-то говорить ей, рассчитывать на ее понимание или помощь. Ларисе хотелось только одного: быть как можно дальше от этого класса и этих детей. А так как это было невозможно, в коричневый цвет вплетались кое-где робкие бежевые ниточки смирения.

Так удивительно. Лера привыкла думать что Лариса ненавидит их. А ей было всего лишь все равно.

Все равно было и Каблуковой на первой парте второго ряда. Она сидела ровно, повернув голову к доске, но Лера отчетливо видела по дрожащим ванильным ниточкам что Каблукова практически спит. Ее соседка Радужная, вопреки своей красивой фамилии, исходила сочными горчичными нитями зависти. Владик Тарусов за ней отчаянно скучал. Об этом четко говорили серо-голубые нити вокруг его головы. Таня Горбачева рядом с ним билась в нервной лихорадке. Слепящие оранжевые вспышки радости чередовались с пурпурной паникой. Радует, что урок сорвался, боится, что все-таки начнется, ее спросят и она получит очередную пару, легко поняла Лера. У Горбачевой были бешеные родители, требовали от нее обязательных пятерок и по слухам за двойку лупили ремнем.

Насчет ремня Лера сомневалась, однако нити паники от Горбачевой были настолько мощными, что расходились по всему классу. Они пересекались с едким салатным злорадством Донниковой (счастлива, что Лариса издевается над Лерой), с жемчужной дымкой грусти, которая текла от Грибанова.

Кажется, у него кто-то умер, вспомнила Лера разговоры на перемене. То ли кот, то ли хомяк. Трудно было поверить, что Грибанов способен грустить. Его грубое лицо, словно высеченное из камня неумелой рукой, прекрасно скрывало любые эмоции. Но теперь Лера видела, что к чему. Теперь ее было не обмануть.

Цветные нити переплетались, переливались, постоянно менялись. Пространство, обычное, знакомое до последнего стула и трещины на потолке, ожило. Оно пульсировало от напряжения, порождая и впитывая все новые нити.

Вспышки фиолетового — нетерпеливое раздражение Войцеховской, постукивавшей по столу...

Тоненькая дрожащая нитка розового — нежность Крюковой, которая что-то пишет в телефоне...

Золотистая насмешка Задорина — уж не Крюковой ли он отвечает, презрительно скривив красивое лицо...

Бронзовый поток любопытства — это Горелов что-то увидел в окне...

Пылающий красный факел рядом с ним. Конечно, любовь Антона. Ведь его Ксю сидит прямо перед ним. Вот она какая... яркая. Как будто они только встретились. Как будто их любви не два года, а два часа. Интересно, каково это, когда тебя так любят...

Тут Леру словно ударили под дых. Широкие нити тянулись от Антона не прямо к Литвиновой, а наискосок, к ее соседке Аринэ Богосян. Красные ниточки Аринэ обвивались вокруг нитей Антона, образуя чудесный, завораживающий узор...

А на полпути между ними струились грозные изумрудно-черные тучи ревнивой ненависти. Ксю Литвинова знала, что в сердце Антона ей больше нет места.

— Смирнова! СМИРНОВА! Ты меня слышишь?

Где-то между фиолетовым и розовым в переливчатом пространстве всплыло одутловатое лицо Ларисы.

— Ты о чем мечтаешь? Или, может, о ком? Поделись с нами.

Мысли Леры разбегались. Кончики цветных нитей мелькали то там, то здесь, ускользая в неведомое, а в голове Леры что-то звенело, взрывалось, булькало, пело, громыхало, и будь перед ней хоть сто Ларис, она не смогла бы произнести ни слова.

— Мы и так знаем, о ком она мечтает, — раздался издевательский мурлыкающий голос Войцеховской. — О Чернецком.

— В любом случае о мальчиках надо думать на переменах, а не на уроках-

— Ей все равно ничего не светит, — хихикнула Донникова. — Чернецкий влюблен в Литвинову.

— Заткнись! — рявкнул Антон.

— Неправда, — машинально сказала Лера, цепляясь за единственную внятную мысль, что у нее осталась. — Он влюблен в Богосян.

И в гробовом молчании по всему классу пошли вспыхивать бирюзовые огни изумления.

Не чуя под собой ног, бежала Милодара домой. Длинные косы выбились из-под платя, растрепались, но Милодаре дела не было до того, увидят ли ее в таком виде теткины знакомые и о чем будут говорить промеж собой. Она задыхалась, но не от быстрого бега, а от чувств, что неожиданно нахлынули на нее. То взлететь хотелось Милодаре выше золоченных церковных куполов, а то забиться в самый дальний угол и плакать от радости, пока слезы не иссякнут.

Не научила ее тетка Добрава, что девице положено любить осторожно, с оглядкой, помня о долге, приличиях и девичьем стыде, что негоже огнем гореть и петь от счастья. Думала тетка, что и так все ясно. До любви ли, когда надо о муже хорошем молиться и честь блюсти. Но если б и знала о том Милодара, все равно не смогла бы смирить порывы сердца своевольного. Как утихомирить его, если каждая жилочка в теле дрожит от любви и ни о чем больше не думается, кроме как о ласковых глазах статного воина?

К теткиной избе Милодара прибежала скоренько. Постояла в сенях, отдышалась, волосы пригладила, чтоб не предстать перед внимательным оком тетки распустехой. Зашла в горницу.

И поняла, что сбылись темные слова бабки Зорана. Беда сидела за столом, ела-пила яства тетки, а сама Добрава, довольная, в лучших праздничных одеждах, хлопотала вокруг.

Беду звали Огняна, и была она крупной румяной теткой, едва ли старше Добравы. В Киеве Огняна была известной свахой, и многие матери, отчаявшиеся выдать дочек замуж, находили им мужей, да неплохих, с помощью Огняны. Никогда тетка Добрава к свахам не хаживала и к себе их не звала, но сейчас, видать, стряслось что-то особенное, раз достала она для Огняны и мед, и блины, и бражку хмельную...

Злое предчувствие сковало грудь Милодары. Неужто кто-нибудь присмотрел ее, и теперь Огняна притащилась, чтобы оценить ее как лошадь в базарный день?

Сватался к черноволосой дочке Малуши никто иной, как Ходота, человек уважаемый и влиятельный. Не шибко молодой, но и не старик, зажиточный, серьезный, основательный. В лавках своих товары редкостные выставял: благовония греческие, мечи франкские всем на диво, кубки серебряные, мягкую багдадскую кожу, финики из аравийской земли, приправы пахучие... Многое можно было отыскать у купца Ходоты, и часто толклись на его торговом дворе персы в чалмах, немецкие купцы в широких лисьих шапках, варяжские наемники в ярких плащах...

Занятой человек Ходота, солидный. Все сделал, все успел, везде побывал, только жениться не сподобился. Не до женитьбы ему было. Так и прожил бы весь век бобылем, если бы не увидел как-то Милодару. Она спешила в гончарную лавку и его даже не заметила, а Ходота всю ее оглядел, все запомнил. Запала ему в сердце юная красавица с толстыми черными косами и мятежными глазами, пришел и его час. Позвал к себе наилучшую во всем Киеве сваху и описал ей Милодару. Сваха слушала и причмокивала пухлыми губами, предвкушая для себя солидное вознаграждение.

Долго искать Милодару в Киеве не пришлось, да и сватовство тоже было недолгим. Тетка Добрава поверить не могла в свое счастье, когда Огняна от Ходоты пришла. Жених и во двор княжеский вхож был, и с дружиной княжеской вдоволь попутешествовал. Умней его во всем Киеве не сыщешь. Да и внешне хоть куда — рослый, дородный, громкоголосый.

Клад, а не муж.

Всем была довольна тетка Добрава, одного побаивалась. Как воспримет своенравная племянница весть о неожиданном сватовстве. И потому не стала при Огняне радовать Милодару, а подождала, пока умная сваха уйдет со двора, да дверь поплотнее за ней прикрыла.

Сама не своя вернулась Милодара с княжеского подворья. Достаточно было только взглянуть на племянницу, чтобы встревожиться. Прибежала вся растрепанная, раздумываясь, будто гнался за ней кто. Но не похоже, что напуганная — глаза горят словно камни драгоценные, а сама улыбается чему-то сладкому, потаенному... На красоту ее несравненную смотреть было радостно, но сжалось у Добравы сердце, предчувствуя беду.

— Как Несмеяно? Все ему отдала? — степенно спросила она.

— Спасибо передавал.

— Скоро ль им отправляться?

— Еще не решено. Обещался прийти попрощаться.

— Ох, как бы с дядькой не столкнулся, — покачала головой Добрава. — Быстро нашла Несмеяно? Не приключилось ли чего с тобой по дороге?

— На воеводине дворе отроки показали, где Несмеяно найти.

— Отроки? — насторожилась тетка. — Не обидели тебя?

Вспомнила Милодара нежные глаза Горислава и покраснела еще сильнее. Разве может такой обидеть?

— Никто не обижал меня, тетушка.

Вздыхнула Добрава и отошла от племянницы. Поскорей бы замуж ее пристроить, пусть муж о ней печется да беспокоится! А ей на старости лет отдых от забот нужен.

Тетка подошла к иконам в углу, подлила маслица в лампадку.

— Ты помнить должна, Милодара, что главное в девице скромность и благоразумие, — глухо сказала она и перекрестилась. — Дурная молва скорехонько летит и навсегда погубить может. Злые языки грязью обольют, вовек не отмоешься.

Слушала тетку Милодара, покорно опустив голову, а в сердце ее ворочалась злоба.

— Тебе особенно осторожной надо быть. Ни одному жениху по нраву не придется, коли о тебе слухок пойдет. Ты и так пятном меченная, без отца рожденная...

— Не нужен мне никакой жених! — вспыхнула Милодара. — И разговоры мне такие не нужны!

Разъярилась Добрава, все Милодаре припомнила. И милость свою безмерную, что заставила сироток приютить. И терпение, с которым мирилась с ее выходками дикими и странными. И заботу, с которой растила красавицу, а не для кого-нибудь, а для самого купца Ходоты!

Плелись над теткой Добравой нити яркие, гневные, злобные. Как зачарованная смотрела Милодара и не могла ни слова вымолвить. И только когда вместе с именем Ходоты вспыхнула среди злобы гордость, поняла она, что говорит тетка не просто так, а о настоящем женихе, солидном, важном, для Добравы годном.

Своим гневом загорелась Милодара, своей ненавистью.

— Не бывать этой свадьбе! Не пойду я за Ходоту!

Тетка, понятное дело, разъярилась пуще прежнего, принялась допрашивать. Но Милодара сильнее сжимала губы и молчала. Решимость крепла в ней с каждым теткинским словом. Не бывать ненавистной свадьбе. Не будет она спать с Ходотой на пуховой перине, не

будет есть сласти заморские и носить сапожки сафьяновые. Только один муж ей надобен, и искать его нужно не среди купеческих рядов, а в воеводининых хоробах!

Но Добраве о своей боли сердечной Милодара говорить не стала. Снова раскричится тетка и, чего доброго, посадит ее под замок. А ей свобода нужна, чтобы на Болота сбегать, с бабкой Зораной посоветоваться. Лишь ей она может открыться. Мудрой Зоране многое ведомо. Придумает бабка и для нее спасение.

Только-только первые петухи пропели, а Милодара уже выбежала из городских ворот. Беспробудно спит тетка под теплым одеялом и не чует, что племянницы дома нет, что мчится она словно ветерок весенний по холмам и овражкам к гибельным Болотам и не оглянется ни разу.

Бабка Зорана хлопотала по хозяйству, когда Милодара влетела в ее избушку. Веник березовый выпал из скрюченных бабкиных рук.

— Что стряслось с тобой, деточка?

Милодара лишь тяжело дышала. Присмотрелась бабка к ней повнимательнее. Глаза пылают будто факелы во тьме кромешной, а щеки бледно-мраморные, как и не бежала она вовсе. Ойкнула Зорана, схватилась за сердце. Не это ли чудилось ей давным-давно, не об этом ли она тревожилась-печалилась? Любовью полыхала Милодара, но не нежной девичьей, с которой по приказу родительскому можно легко справиться, а огненно-обжигающей любовью, в которой и души бесследно сгорают, и целые города. Страшной любовью, мятущейся, бесконечной...

— А то и случилось, что меня замуж выдают за нелюбого, да только не пойду я за Ходоту! — воскликнула Милодара. — И никто меня не заставит!

— Погубишь ты себя, девка.

Потемнели светлые глаза Милодары.

— Ты ничего не знаешь, Зорана. Я... его видела. И другой мне не нужен.

Иного ждала Милодара. Верила, обрадуется Зорана, примется расспрашивать про Горислава, про встречу их нежданную. Научит, как покорить его, расскажет, что за нити цветные ей привиделись.

Но хмурилась Зорана, а не радовалась, ворчала, а не расспрашивала. И колыхался над ней плотный кокон страха и неодобрения.

— Его ты видела... и голову уже потеряла. Торопишься, деточка. А коли ты ему не надобна, что делать будешь?

— На то у меня умение от тебя есть, — улыбнулась Милодара. — Отварчик для него такой приготовлю, что без меня ему жизнь чернее черного покажется.

— Не всякого приворожить можно, к иному ключик не подберешь. — Бабка тяжело опустилась на скобленную деревянную скамью. — Кто ж он таков, молодец твой?

— Горислав, сын воеводы Остромира. Знаешь такого?

Помолчала бабка.

— Слыхивала имя это. Прибегали ко мне девицы, рассказывали о нем, тоже о любви толковали, плакались.

— Кто? — посуровела Милодара.

— Не беспокойся о них. Своя судьба у сына Остромирова, особая. Ее колдовским отваром не изменишь, ворожкой не возьмешь. Никому это не под силу, а не только мне.

— Особая судьба, — повторила Милодара, — с моей связана.

— Этого я не говорила. Ты со своей судьбой еще не определилась, сама сейчас на

распутье стоишь. Куда тебе чужими судьбами ведать. О себе подумай лучше. Вся жизнь твоя в один день решиться может.

— А что меня ждет?

— Неужто сама не видишь? Жизнь с Ходотой покойная и сытая...

— Нет.

— С мужем ласковым, внимательным, мудрым...

— Нет!

— Или тропы горькие неизведанные, до тебя никем неисхоженные.

— С ним? С Гориславом?

— С ним ли, одной ли... тяжело тебе будет.

— С Ходотой не лучше!

— Боюсь я, что погубишь ты себя, Милодара, — вздохнула бабка. — Как против воли теткой пойдешь?

Словно на блюдечке развернулись перед Милодарой потаенные бабкины мысли. Вот к чему ведет Зорана. Тетку Добраву боится, потому и несчастья предрекает.

— Ты с теткой Добравой одну песню поешь, осторожную да смиренную, а я знаю, что все будет по-моему!

— Зачем же тогда прибежала ко мне? Раз сама все знаешь...

Вспыхнула Милодара, словно небо перед грозой.

— Спасибо тебе, Зорана, многому научила меня. Да только не приду больше к тебе за советом. — Поклонилась Милодара низко, в пол, но благодарности и уважения мало было в ее поклоне. — Больше мне от тебя ничего не надобно. Сама буду решать, как мне дальше жить. Не ты и не тетка Добрава.

— Я добра тебе желаю, — устало сказала Зорана. — Но держать тебя не смею. Ступай с миром. И берегись.

Усмехнулась Милодара недобро.

— Некого мне здесь бояться, бабушка.

Вышла она из избушки, только дверь старая скрипнула ей вслед.

— Себя, берегись, себя, — прошептала бабка, когда Милодары и след простыл.

От избушки Зораны пошла Милодара не привычной короткой тропкой, а дальней дорогой, через весь лес. Птички озорно щебетали в ветвях, утреннее солнышко ласково припекало голову сквозь листву, тронутую осенним багрянцем. Скоро мягкий ковер из листьев устелет землю, а небо затянут снежные тучи, но пока еще царило благодатное тепло, и Милодара полной грудью вдыхала воздух, напоенный ароматами спелых плодов и прогретой земли.

Вот какой бабка оказалась. Пугливой. Трусливой. Бессильной. Всемогущие боги даровали ей знание, но не дали мужества этим знанием воспользоваться. Она, Милодара, не такая. Она сильнее. Хорошо, что не успела рассказать бабке про цветные ниточки. Сама разберется, сама научится.

Как чудесно в лесу, как покойно. Каждая кочка ей тут знакома, каждый кустик. Вон в той роще, скрытый надежно от любопытных глаз, бежит ручеек с незамутненной водой, и можно рассмотреть все камешки на его дне. Сладко напиток холодной воды в жаркий день и посидеть в тени раскидистого дуба, слушая журчание ручья.

Раздвинув ветви орешника, что пригибался к земле под тяжестью созревших гроздьев, Милодара спустилась с маленького пригорка к ручью и зачерпнула пригоршню воды. Зорана

рассказывала, что в каждом ручье и озере есть дух — водяной, который ревностно стережет свои владения и обижает неосторожных запоздалых путников. Но Милодаре думалось, что в этом лесном ручейке должен жить не коварный старичок с белоснежной бородой из брызг, а печальная дева с глазами как жемчуг и тугими косами до пят. В лунные ночи, когда мир застывает в сонной неподвижности, выходит она на поверхность и танцует свой призрачный танец, а на воде от прикосновения ее невесомых ножек расходятся крошечные круги...

Горе смертному, увидевшему, как танцует на прозрачной глади ручья водяная дева! Никогда больше не знать ему ни покоя душевного, ни радостей земных. Всю жизнь будет он обречен скитаться по земле и грезить о красоте девы с глазами словно жемчужины. Смех земных женщин покажется ему грубым, а их общество будет ему в тягость. Ни пир развеселый, ни любовь красавицы, ни почести воинские, ни богатства сказочные — ничто не обрадует его, ничто не пробудит надежду, потому что в сердце его безраздельно будет царить сумрачная светлоокая дева...

Я стану для Горислава девой ручья, улыбнулась Милодара про себя. Говорят, я красива, равной мне во всем Киеве не сыщешь. Недаром Ходота на все готов, лишь бы я замуж за него пошла. Горислав зачахнет от любви ко мне, и гордый воевода не посмеет погубить единственного сына.

Внезапно в кустах позади Милодары затрещали ветки, будто какой-то зверь с силой продирается сквозь них к ручью. Девушка вскочила на ноги. Страх она не испытывала, но хотела встретить неведомого гостя лицом к лицу. Но и ее бестрепетное сердце екнуло, когда на открытый пригорок выскочил крупный клыкастый кабан. Маленькие глазки его были налиты кровью, а из бока торчало копьё.

Милодара подалась назад. Не хуже заправских охотников она знала, как опасен раненый кабан. Свирепость его возрастает стократ, и тогда берегись безоружный, вставший у него на пути! Даже ее умение обращаться с бессловесными тварями не поможет ей спастись от разозленного зверя, жаждущего убивать. И все же Милодара протянула вперед руку и зашептала защитные слова древнего заклинания, которому научила ее бабка Зорана.

Кабан не шевелился. Милодаре показалось, будто он раздумывает, не повернуть ли ему назад в орешник. Милодара повторила заклинание, чувствуя, как руки-ноги наливаются силой. Кабан захрипел, наклонил голову... и в этот миг через кусты перемахнул всадник на вороном коне. Был он молод и хорош собой, непокрытые волосы золотились под лучами солнца. Сразу узнала Милодара того, кем были заняты ее думы, и затрепетала от ужаса. Копья у охотника не было, и поразить кабана с безопасного расстояния ему было нечем. От ее заклинаний тоже было мало толку. Завидев своего преследователя, кабан разъярился, и тонкий невидимый наговор, которым Милодара удерживала его от нападения, порвался...

Но молодому охотнику страх был неведом. Отвага сияла над его прекрасным челом.

— Не бойся! — крикнул он и спрыгнул с коня.

С одной лишь кривой печенежской саблей Горислав бросился на кабана и вонзил острое лезвие ему в глотку. Кабан попытался достать охотника клыками, но жизнь уже покидала его, и ловкий охотник легко уклонился от удара.

— Долго же пришлось с тобой повозиться, — сказал Горислав, вытирая саблю пучком травы.

Милодару он как будто и не замечал. Но видела она над его головой легкие нити изумления и восхищения ее красотой, но больше всего было смородинового горделивого самолюбования.

— Если бы не ты, он бы набросился на меня и растерзал, — тихо сказала она. — Спасибо тебе.

Горислав повернулся к ней. Упоение собственным успехом малиновой зарей вставало над ним.

— Я гнался за ним от самой опушки и рад, что успел вовремя.

Горислав снял с пояса рог и вертел его в руках. Хочет призвать слуг, чтобы они забрали кабана, догадалась Милодара. Неужто на этом все закончится? Не допустит она такого. Ее радость, ее любовь полыхала ясным огнем, потянулась к ней Милодара, зачерпнула пригоршню, да кинула в костер Гориславого самолюбования...

Только вот думал Горислав подуть в рог, призвать слуг и сотоварищей, пусть скорей посмотрят на его охотничью доблесть. Но тут задержался взгляд на тонком стане незнакомой девы, и пальцы сами отпустили рог. Успеется еще.

— Что ты здесь делаешь одна? — спросил он.

— Грибы собирала. От подружек отстала, заблудилась. Корзинку потеряла...

— Ты из Киева?

— Я племянница кузнеца Силана.

— Не знаю такого, — покачал головой Горислав.

— Мой брат Несмеянко служит у воеводы Остромира.

— А, так ты сестра Несмеянко... не ты ль давеча искала его воеводином дворе?

Милодара молчала.

— Хотя нет, та вроде была повыше... — Горислав смотрел-смотрел, да никак не мог понять, узнает он в сестре Несмеянко вчерашнюю девицу, закутанную в плат. И чем больше смотрел, тем больше прелести видел в ней. Косы черные, а глаза прозрачные словно льдинки, улыбка тихая, ласковая. Сразу видно, хорошая девушка. Достойная. Не каждый день такую встретить можно.

— Я Горислав, сын воеводы Остромира. А тебя как зовут, сестра Несмеянко?

— Милодара.

— Красивое у тебя имя.

Как и положено благоданной девице, Милодара глаз от земли не подымала, но все видела. И взгляд его восхищенный, и улыбку, и мысли его потаенные видела. Не просто видела — направляла, подогревала.

Сердце Милодары забилося в сладостном предвкушении.

— Пойдем, я покажу тебе дорогу до Киева, — сказал Горислав. — Хотя опасно девице одной в лесу... Подожди, я провожу тебя. Только слуг созову, чтоб прибрали добычу.

Он поднял рог и затрубил. Через секунду издали раздался ответный клич. Солнце играло в волосах Горислава, золотило жаркий рисунок на его рубахе и широкий, изукрашенный дорогими камнями пояс.

Горислав свистнул, подзывая коня, и улыбнулся девушке.

— Идем.

— Спасибо тебе, Горислав, — прошептала она еле слышно и заторопилась вверх на пригорок к статному воеводиному сыну.

Чувствовала Милодара, что забрезжила перед ней ласковым светом новая жизнь, и что к старому, постылому и скучному возврата для нее нет. Выбрала она для себя дорогу, по которой идет Горислав, сын Остромира, и к горю или к радости приведет ее этот путь, никому неведомо. Светло было на душе у Милодары. Горислав шел рядом с ней, и

откровенные взгляды выдавали его с головой. Никогда не встречал он никого, прекраснее Милодары. Если бы не брат Несмеяно и не дядька-кузнец, решил бы Горислав, что перед ним лесная дева, которая подстерегает охотников в чаще и сводит их с ума своей красотой.

К ручью выбежали слуги, вытащили копье из кабаньего бока, но Горислав и Милодара, неторопливо беседуя, уже скрылись за деревьями.

Ни он, ни она не видели, как тоненькая струйка крови убитого кабана стекла с пригорка в ручеек и замутила прозрачную воду.

— Ты дура, Смирнова. Феноменальная дура.

Светло-карие глаза Антона смотрели строго; презрительно кривились губы. Презрением сочились и темные кофейные нити вокруг его головы. Словно парик.

— Антон, не надо.

Аринэ потянула его в сторону. Над ее гладкими черными волосами пунцовело смущение. Не злость, а смущение. Кто бы мог подумать. Даже сейчас Аринэ была хорошей. Но Лере больше не хотелось с ней дружить.

— Еще как надо! Она не имеет права издеваться над нами!

— Я не издевалась!

— Откуда ты знаешь про нас с Аринэ? Отвечай! Следила за нами что ли?!

— Да ниоткуда я не знаю!

— Антон, пойдём... — повторила Аринэ. — Пожалуйста.

Ее смущение стало еще сильнее, еще ярче. Антон кричал, на них оборачивались. Аринэ все это очень не нравилось.

На плечо Антона легла рука Горелова. Сам Горелов стоял вполоборота, отвернувшись от Леры. Она не видела его лица, зато прекрасно видела его настроение: от него тянулись четкие, светло-серые ниточки скуки.

— Тоха, пошли. Звонок скоро, а мы еще в столовку хотели...

Но Антон смотрел только на Леру.

— Откуда ты узнала про нас с Аринэ?

Он злился, а все, о чем могла думать Лера, это то, что он впервые в жизни так долго с ней разговаривает.

— Наверняка вчера Ксю болтанула, — сказал Горелов. — Они же вместе тридцать седьмой драили, забыл?

— Ксю бы не стала!

— Ты так уверен, Чернецкий? — вырвалось у Леры.

Гнев Антона разбавился удивлением. Это было... забавно. Не ожидал, что она умеет говорить? О да, еще как умеет.

— Успокойся. Ксю ничего не рассказывала. Про вас с Аринэ все и так видно. Я же не слепая. — С каждым словом Лера чувствовала себя все увереннее. — Так что не ори, Чернецкий. У тебя очень пятна некрасивые на щеках получаются. Вот тут. И тут.

Чистое, воздушно-бирюзовое изумление окутало всех троих.

Неужели она только что нагрубилась Антону? И после этого земля не расступилась под ногами, а небо не обрушилось на голову? Он — обычный человек. Ему можно грубить. Над ним можно смеяться.

Он такой же, как все.

Лера рассмеялась. Искры веселья, видимые только ей, брызнули во все стороны. Они были такие яркие и нарядные, что захотелось поймать хотя бы одну. Лера потянулась к

искорке, и при том, что она не пошевелилась и по-прежнему стояла, сунув руки в карманы толстовки, ее руки — какие-то другие, призрачные руки — ухватили искру прямо в воздухе. Что бы с ней сделать? Почему бы не прицепить к гневному изумлению Антона...

А потом захватить пару прядей пунцового смущения от Аринэ, тоже вплести в узор...

И случилось чудо. Взгляд Антона резко потеплел. Уродливые красные пятна на скулах пропали, он улыбнулся открыто и искренне — так, как Лера особенно любила. Так, как он никогда ей не улыбался.

— Извини. Я и правда зря разорался. Тяжелый день.

— Ничего...

Горелов удивленно зыркнул на Антона. Аринэ заулыбалась, взяла Антона под руку. Втроем они пошли прочь по коридору.

Они шли, шли и шли, а Лера смотрела им вслед. Антон постепенно успокаивался, забывал, что только что произошло. Аринэ светилась радостью и и любовью. Лишь Горелов был насторожен и удивлен. Он обернулся на нее перед тем, как они свернули на лестницу. Лера быстро отвела глаза, как будто он мог что-то разглядеть, что-то понять.

Но что он мог разглядеть? Ничего.

Лера была счастлива. Так, как никогда в жизни. Счастье раздувалось внутри как воздушный шарик. Хотелось кричать, нет, хотелось вопить, прыгать, визжать.

Лера подошла к стене, уткнулась в нее лбом. Только не смотреть ни на кого, ни с кем не разговаривать. Как-то удержаться внутри себя. Нужно было отключиться от всего мира, чтобы переварить то, что случилось.

А ведь похоже, что она теперь супергерой.

Историчка Илона Маратовна была истеричкой. Она работала в школе второй год, выглядела как старшекласница и, видимо, страдала из-за этого. Как иначе можно было объяснить ее вечно суровый голос, готовый в любой момент сорваться на крик, а то и на визг. Отвечать на ее уроках было мукой. Она заваливала дополнительными вопросами, высмеивала и раскидывала тройки направо-налево. Даже Аринэ, безупречная Аринэ несколько раз выходила после истории с красными глазами.

К парням Илона придирались меньше. Тарусов, второй отличник класса, обычно получал не меньше четверки, Антону или Задорину она никогда не задавала каверзных вопросов. Но ее любимчиком был Горелов. Когда Илона вызывала его, можно было расслабиться. Они могли болтать, то есть дискутировать, весь урок, и тогда остальным было нечего бояться.

Сегодня такой удачи не предвидилось. Илона выглядела особенно злобно. Не нужно было изучать ее запавшие глаза, нахмуренные брови, некрасивую вертикальную складку на лбу. Лере было достаточно вихрей, бушевавших над ней. Нити крутились с такой скоростью, что Лера едва успевала выхватывать цвета... Багровый с пятнами аквамарина... Лимонно-желтый... Вспышки вишневого... И черный, очень много черного.

Илона злилась и бушевала, ненавидела всех вокруг, жалела себя, страдала, что ничего нельзя предпринять прямо сейчас, и жадно подыскивала, на кого бы выплеснуть бурю эмоций, которая терзала ее душу.

Герман, слишком громкий, слишком увлеченный разговором с Федей, плюхнулся на парту перед Лерой.

— ... А если на три очка больше набрать, то сразу выходишь на следующий уровень...

Он сразу привлекал внимание — как всегда, когда открывал рот. Илона напряглась,

хищно улыбнулась... Черные с салатовым нити как полосатые стрелы нацелились в сторону Германа.

Это была катастрофа. Герман признавал только технические предметы. История была для него пустым звуком, о чем он сообщил Илоне на первом же уроке. С прежней учительницей у него проблем не было, но Илона восприняла его заявление как личное оскорбление. Мама с трудом договорилась, чтобы Илона спрашивала его не чаще раза в месяц и заранее предупреждала об этом. Тогда Герман просто зазубривал параграф и отвечал, а Илона стабильно ставила ему четыре. Все были довольны. В последний раз он отвечал на прошлой неделе и теперь мог быть свободен до следующего месяца. Но сейчас... сейчас жажда мщения жадно тянулась к Герману.

Илона собиралась его спросить. Она радовалась тому, что может его спросить. Но Герман не готов. Он не может быть готов, ведь он знает о договоренности и помнит, когда отвечал. Но Илоне не нужен его ответ. Она хочет поиздеваться. Выплеснуть гнев и боль, в которых никто из них не виноват. А Герман — идеальная мишень.

Быстро, не думая о последствиях, не надеясь на успех, Лера потянулась к тоненькой ниточке жалости, которая аквамариновой слезой блестела в ураганном вихре вокруг исторички. Руки, те самые, невидимые никому, кроме Леры, ее руки, прозрачные, ловкие, необыкновенно проворные, бесконечно длинные. Они схватили голубую прозрачную нить, дернули ее резко, вплели ее в белоснежное спокойствие Германа...

Голубая нить стала расширяться на глазах, связывая Германа и Илону.

Выражение ее лица тут же изменилось. Теперь она смотрела на Германа не с хищной радостью, а с состраданием. И тут же ее взгляд скользнул мимо.

— К доске пойдет...

Лера быстро натянула на себя плотный кокон равнодушия. Глаза побежали дальше по рядам. Войцеховская, Задорин, Тарусов, Грибанов, Крюкова, Донникова...

Страх. Над Донниковой плавал багровый страх. Связать лимонную злость Илоны с багровым страхом Донниковой было делом одной секунды.

— Донникова! — объявила Илона на весь класс. — Надеюсь, вы в курсе, что мы сейчас проходим.

Донникова, ссутулившись, потащилась к доске.

Это был лучший день в жизни. Лера понимала все. Кто злится, кто влюблен, кто мечтает, а кто грустит. Она не видела, почему, но это было неважно. Какая разница. Ведь в любой момент она могла превратить грусть в радость, гнев в сожаление, отчаяние в спокойствие.

Она могла творить чудеса.

Но главным было даже не это, а ощущение абсолютной безопасности, которое растекалось по телу бодрящим теплом словно тот единственный бокал шампанского, который мама позволила выпить на прошлый Новый год. Теперь ей никто не мог причинить вред. Ни ей, ни Герману. Призрачные руки с каждым разом действовали все быстрее, все грамотнее. Чужие эмоции больше не представляли собой ни загадки, ни опасности. Они становились на защиту Леры не хуже крутых телохранителей.

Задорин, проходя мимо Лериной парты, уже занес руку, чтобы скинуть все со стола, но Лера проворно отмела неприязнь и злорадство, оставив одну любовь — хрупкую, эгоистичную, злую, но любовь. Проследить, к кому, было нетрудно — ниточка тянулась прямо к Войцеховской, которая задрав голову снимала потолок. Кто бы мог подумать.

Задорин влюблен в Войцеховскую... Впрочем, ничего удивительного в его выборе нет. Кто еще в классе равен ему в злобе и подлости?

Рука Задорина повисла в воздухе и медленно опустилась в карман джинсов. Он прошел мимо, игнорируя Леру, перешел на другой ряд, остановился рядом с Войцеховской. Сел на свободный стул, зашептал ей что-то на ухо. Над Войцеховской всколыхнулось недовольство. Лера отвернулась, усмехаясь про себя. Извини, Витенька, ничего у тебя не выйдет. Так тебе и надо.

Но настоящий подарок преподнесла Литвинова. После информатики Лера задержалась в кабинете — пыталась укрепить ручку рюкзака, которая грозила разорваться. Ей предстоял очень приятный поход домой: по средам Герман с Федей задерживались у информатика на курсах для продвинутых (или чокнутых, в зависимости от того, с какой стороны смотреть). А Лера могла идти домой какой угодно дорогой. Или не идти, а допустим, пошататься по торговому центру или посмотреть кино. В среду Лера была свободна как любой нормальный человек, и от того, что сегодня именно среда, ей было радостно вдвойне.

Но когда она вышла из кабинета, то забыла и про среду, и про торговый центр, и про кино. Прямо напротив двери Антон и Литвинова выясняли отношения. Она кричала, он был бледен и спокоен. За его спиной толпилась тусовка — Аринэ, Горелов, Рыжкова, Тарусов.

За спиной Литвиновой никого не было.

— Я сказала, не пойду я на это тупое кино! Идите, куда хотите, а меня оставьте в покое!

— Да никто тебя не трогает. Код только пришли мне.

— Ты перегрелся? Какой еще код?

— С билетами, Ксю... — Антон говорил терпеливо, как с неразумным малышом. Но Леру он не мог обмануть: над ним бушевало раздражение. — Ты же заказывала билеты на сайте. У тебя должна быть эсэмэска с кодом.

— Я тебе не Ксю!

Аринэ, дергаясь между преданностью и любовью, вышла вперед.

— Перешли мне сообщение, если хочешь...

Ярость вспыхнула над Литвиновой как ядерный взрыв. Она вытасила телефон и стала что-то набирать в нем. Ее руки дрожали от злости, и один раз она чуть не выронила телефон.

У Антона в кармане пикнуло — пришло сообщение. Литвинова, не говоря ни слова, зашагала прочь по коридору. Нити ревности, оскорбленного самолюбия и злости, невидимые никому, кроме Леры, развевались за ней словно на ветру.

— Лера! — закричала Аринэ и, источая сострадание и страх, рванула за бывшей подругой.

Антон хмурился и кусал губы.

— Один билет пропадает, — рассудительно сказал Тарусов.

— Плевать! — раздраженно воскликнул Антон. — Я за него ей заплачу.

— Если Литвинова вообще захочет с тобой разговаривать, — заметил Горелов.

— Можно кого-нибудь позвать... — сказала Рыжкова.

Руки начали действовать быстрее, чем Рыжкова закончила. Лера ухватила кусочек сострадания Аринэ, которая о чем-то говорила с Литвиновой в конце коридора. Обвила его вокруг Рыжковой, потянула к себе, сначала легко, потом все сильнее и сильнее...

— Смирнова! Лера... хочешь пойти с нами на «Мстителей»? Сегодня, через час.

Слова Рыжковой пригвоздили всех к полу. У Антона отвисла челюсть. Горелов вытаращил свои неестественно светлые глазницы. Тарусов растерянно заморгал.

— А почему бы нет? — пролепетала Рыжкова, удивляясь, смущаясь и не зная, что сказать. — Больше некого. Остальные все равно уже ушли.

Жуткая невежливость этого предложения привела Антона в чувство. Ему стало стыдно, и этого было достаточно. Лера проворно вплела в его стыд свою радость и нетерпение и не пожалела ни того, ни другого.

Антон улыбнулся ей — второй раз за день.

— Эээ... ну в принципе... я только за. Хочешь с нами?

— Хочу.

Это было так просто. Пугающе просто. Всего-то найти нужную ниточку и потянуть. Оставить то, что хочешь, выбросить лишнее. И вот он уже не против, чтобы она пошла с ними в кино. А если сыграть по-крупному? Взять любовь... Ее будет много, когда вернется Аринэ. Взять и забрать себе все без остатка. Что тогда? Антон бросит Аринэ прямо здесь и кинется перед ней на колени?

Хватит ли у нее сил на это?

Невидимые руки жадно потянулись к Антону. Он даже не поймет, что произошло. Бывает же любовь с первого взгляда. Десять лет не замечал Смирнову, а потом вдруг осознал, какая она прекрасная.

На секунду у Леры закружилась голова от восторга и предвкушения. Это было бы чудесно. Если бы не было гнусно, нечестно, неправильно.

Усилием воли Лера заставила руки вернуться. Каждый должен сам выбирать в любви. Как она выбрала Антона. Как он выбрал Аринэ...

И будь, что будет.

Город был на грани. Но и на грани он танцевал. Огоньки уличных фонарей извивались под арабский танец из Щелкунчика. Копыта пролеток отстукивали задорный трепак. В такт увертюре открывались и закрывались тяжелые двери Мариинки. Вальс цветов танцевали разноцветные перья на дамских шляпках. Где-то далеко, за пределами видимого и слышимого мира, шла война, но и там, Алечка не сомневалась, пушки ухали под испанский танец бессмертного Чайковского. Бодро, красиво, метко, и никак иначе.

Сердце Алечки трепетало вместе с городом. Блеск Луны в темных водах, ржание лошадей, редкое тарыхтение автомобиля, залиvistый женский смех — все было важно, все было загадкой для юной души. Даже война не пугала, а вдохновляла. Сама императрица выучилась на медицинскую сестру, так неужели она, Алечка, не сумеет проявить себя с какой-нибудь стороны, непременно яркой и героической?

Алечке хотелось танцевать вместе с городом, но танцевать, сидя в пролетке напротив родителей, было невозможно. Ей хотелось петь, но мелодия, рожденная в сердце, умирала на губах, стоило посмотреть на мрачные лица Матап и Рарап. Они не говорили ничего, кроме ох или ай, когда колесо пролетки попадало на камень или в ямку.

Алечка знала, о чем они думают. Рарап переживает о денежных делах. Прямо перед поездкой в театр, когда Матап поправляла пушистую соболиную муфту, вскрылось, что она взяла у Болина и Яна брильянтовый эсклаваж, причем когда за прошлый фермуар с изумрудами еще не было уплачено. Рарап вспыхнул, много было сказано горячих слов. Но в театр все равно поехали, ложа заказана, да и Львовы обещали быть, а ведь Егорушка Львов... И мысли Алечки, легкие, невесомые, точно кадрили, понеслись от изумрудного фермуара к ясным глазам молодого корнета.

Рарап первым вышел из коляски, подал руку Матап, затем Алечке. Должно быть, пока они ехали, прошел дождь: свет фонарей отражался в редких лужах на дороге. Матап нечаянно вступила в одну, что-то недовольно сказала по-французски. Алечка не расслышала.

Недалеко от парадных ворот стояли двое. Там фонарь не горел, и Алечке были видны лишь силуэты, да огонек папироски. Может, Егорушка, как грозился, опередил их, чтобы всю ночь нести дозор под ее окнами? Сердце кольнул трепет предвкушения. Приподняв край платья, Алечка устремилась за родителями. В сторону темных фигур намеренно не смотрела, так была занята тем, чтобы не вступить в лужу. И только у самых ворот, массивных, кованых по специальному эскизу Рарап, услышала смех, мужской, грубый, раскатистый.

Совсем не Егорушкин.

Дверь под трезвон телефонной линии открыла экономка.

— Звонят, Даниил Александрович, — пояснила она очевидное. — Который раз уже. С вами хотят беседовать.

— Кто? — бросил Рарап, скидывая пальто.

— Не говорят.

— Наверняка опять твои акции, — сказала Матап с легким презрением.

Алечка помогла ей расстегнуть тугую застежку манто. Ей деятельность отца на бирже казалась захватывающей. Угольные маленькие по двадцать пять, большие сельскохозяйственные по тридцать восемь, продавать не ниже пятнадцати, покупать не выше шести — была в этом своя, особая магия, ничуть не хуже, чем в брильянтовом

эсклаваже от Болина. Может, даже лучше, ведь именно благодаря звонкам отца Болину будет заплачено сполна.

Голос Рарап, доносившийся из открытой двери кабинета, зазвучал тревожно.

— ... Как уезжать? Куда?

Мамап, проходившая мимо кабинета, с раздражением захлопнула дверь. Алечка так и осталась стоять у большого зеркала. Она больше не слышала слов, только приглушенный голос Рарап, и оттого тревога только усилилась. Мамап неторопливо шла к лестнице. Хвост ее атласного платья волочился по полу, размазывая мокрые следы, которые оставлял ее ботинок на узорчатом паркете. Было что-то в этом следе неправильное, но что, Алечка никак не могла понять. И только когда Мамап стала подниматься по мраморным ступенькам лестницы, Алечка увидела, в чем дело.

Следы от ботинка были красного цвета.

Город сиял огнями. Пылали костры. Тысячи костров прошлой жизни. Горели дома, магазины, склады, театры, горело все, что было Алечке дорого и знакомо. А среди сверкающих огней вставал громадный, страшный, как из нянюшкиных сказок, призрак, и стелились по земле его узловатые руки с железными когтями; хватали они и девочек непослушных, и их родителей, и Егорушку Львова, и шепот его признаний под кустом сирени, и маменькины бриллианты с изумрудами, и прогулки в Таврическом саду, и катания на лодках, и все-все-все...

В своем будуаре Мамап истерически восклицала, что никуда, никогда, ни за что не тронется с места, и Слава Господу, есть на белом свете бравые городовые, чтобы защитить их от бесчинств и беззакония, а она будет спать на своей постели в своей спальне. Алечка слышала уставший голос Рарап, и причитания экономки, и всхлипывания горничной Марьяны, слышала, но не понимала, не вникала. Не могла. Потому что над городом несся крик, и то, что в этом крике слышала Алечка, лишало ее сил думать.

Слишком страшно.

Страх пропитался весь город. Страхом сочился голос Мамап, которая никак не могла выбрать, что оставить — драгоценности или меха. Страх звучал в уговорах Рарап, который отчаялся убедить ее взять только самое необходимое.

Страх стискивал Алечку, стискивал от пальцев ног до кончиков волос. Сквозь приоткрытое окно до нее доносились выстрелы, взрывы, звуки погрома: взламываемые двери, разбитые стекла, вещи, с грохотом падающие из окон на брусчатку... Скоро, очень скоро эта волна докатится до их дома, нахлынет... и что оставит после себя? Бог весть.

— Эжени, мы не можем больше оставаться! — взмолился Рарап. — Подумай о дочери!

Алечка почувствовала, что щеки стали мокрыми. Она торопливо промокнула глаза. Она будет сильной. Ради Рарап. Ради себя.

Они пришли, когда Мамап, напудренная, в парижской шляпке с пером райском птицы вышла наконец из будуара. Расстроенный Рарап выкатил следом два чемодана и ридикюль. Страх, злость, бессилие — Алечка с трудом разбирала вихрь его эмоций. Зато Мамап успела успокоиться и излучала безмятежность всем своим красивым надменным лииом.

Ненадолго.

Сначала содрогнулся дом.

Бум. Бум. Бум.

Казалось, мощный кулак великана хочет пробить стену.

— Что это? — наконец встrepенулась Мамап.

— Ломают входную дверь, — вздохнул Рарап обреченно.

Все, что было дальше, разрывалось на отдельные картинки, смешивалось хаотично в единую, непонятную кучу, снова разваливалось на куски. Что было сначала, что потом, ничего не сохранилось в памяти.

Мамап бежит вниз по лестнице, подскользывается на последней ступеньке, падает на паркет и замирает словно слишком большая, слишком дорогая кукла...

Рарап осел на перилах, лицо мучнисто-бледное, по виску течет кровь...

Парадная дверь дрожит под ударами и слетает с петель...

Кухарка Агаша визжит так, что ушам больно, а чей-то голос, незнакомый, грубый, пытается ее перекричать...

Черный ход, заставленный корзинами. Алечка расшвыривает корзины, хватается за тяжелую щеколду, распахивает дверь, но в ту же секунду крепкие руки стискивают ее сзади за локти и тащат, тащат, тащат, как невесомое перышко, а скорее как тряпку, ненужную, грязную тряпку...

Алечку выволокли к лестнице. В доме что-то разбивалось, трещало, хрустело, ломалось, но происходило это где-то далеко, на задворках сознания, в чужом, уже прошлом мире.

В нынешнем Алечкином мире были только рожи. Три. Небритые, с мясистыми губами, кривыми носами. Они воняли — табаком, потом, водкой. Кровью. Они гримасничали, хохотали, что-то говорили, но смысл их слов ускользал от Алечки. Одна рожа — с рассеченной щекой и кустистыми рыжеватыми усами — была Алечке смутно знакома. Никон... повар... или угольщик... или кто-то еще. Алечка мучительно пыталась вспомнить, но не могла, а в это время чьи-то руки, то ли этого Никона, то ли нет, мяли ее, рвали платье, щипали руки и ноги. Рожа ослабилась прямо в лицо Алечке, обдав невыносимым смрадом. Между гнилыми передними зубами была щербинка. Рожа засмеялась, сквозь щербинку на Алечку брызнула зловонная слюна.

И тут она пришла в себя.

Как будто до сих пор это не она была, а кто-то другой, не ее тискали, прижимая к полу, мужские руки, не ей в лицо смеялись, не ее тело ощупывали грубо и нагло. Но теперь она очнулась. Боль, страх, унижение нахлынули разом. Но сильнее всего была ненависть. Весь ужас последних часов сосредоточился в ненависти, и это помогло. Страх отступил, унижение стерлось, а боль больше не ощущалась. Лишь ненависть. Холодная, острая как закаленный клинок.

Ненависть помогала видеть. Рожа с усами — Никон — горела скотским вождением. Рожа за его спиной, с вскокоченными черными волосами и шишкой на лбу изучала зависть и неприязнь... Неприязнь тянула к Никону тонкие оливковые щупальца, едва заметные среди бушевавших страстей. Третья рожа, с рябыми оспинами, была больше поглощена жадностью, чем похотью. Жадностью и страхом, что его доля добычи окажется меньше, чем у других.

Этого было достаточно. Этого было вполне достаточно.

С гнусной ухмылкой Никон развязывал веревку на штанах, но Алечка оказалась быстрее. Она подхватила неприязнь Чернявого, раскатала ее, растянула, отмела в сторону зависть, страсть, упоение убийствами, возбуждение. Неприязнь в миг выросла в ее руках, стала плотной, густой, удушающей... Издав дикий рев, Чернявый врезался в бок Никона, нависшего над Алечкой. Никон рухнул как подкошенный, и в следующую секунду они клубком покатались по полу.

Алечка посмотрела на Рябого. Жадность боролась с плотским желанием. Недолго. Из

кармана то ли Чернявого, то ли Никона с отчетливым бряканьем выпала безделушка — что-то, украденное в их доме, или же в одном из тех несчастных домов, где они побывали до них. Рябой нахмурился. Алечка стерла последние нити вожделения, оставив лишь неприкрытую алчность. Она нашла крупица злости, каплю обиды и раздула их в неугасимое пламя. Молча перешагнув через Алечку, словно через скатанный ковер, Рябой вытащил из-за пояса тесак и двинулся к своим товарищам.

Один точный удар, и из глотки Чернявого забил алый фонтан. Он захрипел, хватаясь за жизнь, утекавшую из него, а его убийца уже бился с Никоном. Они рычали, ругались, они выплескивали ненависть, которой умножалась сама по себе, без всякой помощи. Алечка, приподнявшись на одном локте, спокойно наблюдала за ними. Остановить сострадание, задушить раскаяние — она была готова в любой момент расправиться с любой человеческой эмоцией, которая могла возникнуть в этих зверях.

Но ничего не понадобилось. Они хотели убить друг друга, хоть зубами, хоть голыми руками. Когда Никон со смертельной раной в боку из последних сил колотил Рябого головой о край мраморной ступеньки, Алечка поднялась. Легко, изящно, как будто ее тело не было избито и унижено. Она подтянула разорванное платье, убрала с глаз растрепавшиеся волосы, смахнула на пол порванное жемчужное ожерелье.

Неторопливо, не оглядываясь, не останавливаясь, Алечка пошла к выходу из дома, который больше не принадлежал ей.

На кухне гудел блендер, взбалтывая молочный коктейль. Пахло булочками и жареными сосисками. Герман сидел за столом, на своем обычном месте у стены. Мама раскладывала по тарелкам омлет с сосисками. Нити отчаяния заполняли кухню. Лера глянула на Германа. Мамино отчаяние всегда было связано с ним. Но сейчас вокруг Германа было одно белое спокойствие. Он намазывал масло на кусок ржаного хлеба и был полностью поглощен этим простым делом. Не похоже было, что они поссорились. Тогда раз мама не расстраивается из-за Германа, она расстраивается из-за него...

— Опять поругались? — спросила Лера, доставая из холодильника молоко для какао.

— С кем?

Мама улыбнулась. Она выглядела совершенно обычно. Точнее, она выглядела даже здорово, особенно для человека, который почти месяц сидел на больничном с двухсторонним бронхитом. Но Лера видела мамино настроение, мамину печаль, отливающую жемчугом, и ее не могли обмануть ни улыбка, ни бодрый голос.

— Это ты мне скажи. — Лера взяла тонкую руку матери. — Кто тебя обидел?

— Господи, Лерочка, с чего ты взяла?

Парочка нитей бронзового любопытства прорезались сквозь отчаяние.

— Я вижу. Ты какая-то другая. Не такая, как обычно.

— Я просто не хочу на работу, — засмеялась мама. — Но мой больничный закрыт, и нужно идти в школу. Ты же знаешь, как я не люблю школу. Ты унаследовала это от меня.

— Неправда, — сказал Герман. — Ты любишь свою работу. Мы тоже любим школу.

— Говори за себя, — буркнула Лера, пододвигая к себе тарелку.

Омлет был прекрасен как всегда. Мама умела готовить даже самую простую еду так, что оторваться было невозможно. Лера не умела, хотя знала все мамины рецепты. Здесь нужно было нечто большее, чем набор ингредиентов. Здесь было нужно сердце. И руки, вставленные так, как надо.

— Я и говорю, — спокойно продолжал Герман. Никогда он не умел заткнуться вовремя.

— Мам, ну а все-таки? — снова спросила Лера. — Это из-за него?

— Нет, моя дорогая. Из-за тебя. — Мама лукаво улыбнулась. — Разве мы не хотели в воскресенье сходить на «Мстителей»?

— Хотели. — Лера насторожилась. — И что?

— А кто тогда вчера ходил на «Мстителей» без нас?

— Откуда ты знаешь?

Лера никому не говорила про вчерашнее. И не собиралась. Это было слишком личное, слишком ее. Она сидела с краю, рядом с Тарусовым, но это было неважно. Через два кресла от нее сидел Антон, и только это имело значение.

— Герман сказал.

— Герман???

Брат невозмутимо ел свой бутерброд с маслом. Внешне в нем ничего не изменилось, он был спокоен и даже равнодушен. Но над ним без всякого сомнения сверкало желто-зеленое ехидство. Герман способен ехидничать? Вот это сюрприз.

— А ты откуда знаешь?

— Федор живет рядом с торговым центром. Он видел, как ты выходила вместе с Чернецким и Гореловым. А они собирались вчера на «Мстителей». Два плюс два равно четыре.

— Твой Федор сует свой нос, куда не надо!

— Ты сердишься? Разве это секрет?

Иногда Герман пугал своей проницательностью.

— Нет, — буркнула Лера.

— Я так рада, что у тебя появились друзья, — рассмеялась мама. — Но на «Мстителей» тебе придется идти второй раз.

Только по дороге в школу Лера сообразила, что так и не выяснила, почему грустила мама.

На первом уроке Лера залезла на школьный сайт и под монотонный рассказ англичанки о предлогах и глаголах принялась смотреть ролики, загруженные для конкурса. В одно ухо был вставлен наушник, прикрытый волосами, звук был поставлен на минимум. Тратить свободное время на ролики — наверняка трэшовые — было жалко. А вот тратить на это урок английского — самое то.

Предчувствие не обмануло. Ролики и правда были в основном отстойные, в стиле «это моя школа, это мой класс, а это я». С такими и думать нечего выиграть конкурс. Самым нормальным оказался ролик юзера под ником Мерц — он снимал школу откуда-то сверху, с крыши соседнего дома и с крыши самой школы. Взгляд сверху был неожиданный и свежий. Заканчивался ролик энергичным возгласом Скакалки «а ну слезай отсюда быстро!», из которого сразу было ясно, что Мерц — это злополучный Голицын.

Англичанка вызвала Кузнецова, который бодро принялся что-то лопотать. Лера поставила Мерцу лайк и сунула телефон в рюкзак. Лайки были всего лишь лайками. Они, конечно, таили в себе какие-то эмоции. Люди, которые писали их, что-то чувствовали, о чем-то думали. Но о чем именно, Лера не знала. А она уже привыкла знать.

Лера оглядела класс. Голицын лопался от внутреннего хохота, просматривая что-то в телефоне. Шестаков на кого-то злился, Романова излучала нетерпение. В туалет что ли хочет. Горелов — единственный из тусовки Антона, кто был в Лериной группе на английском — скучал. Его соседка Соня Ильченко впустую источала симпатию. С

Гореловым ей ничего не светило: он был окружен стеной железобетонного равнодушия. Соня, похоже, что-то почувствовала: в розовых нитях появились бутылочно-зеленые вкрапления. Разочарование.

И что они нашли в Горелове? Рыжкова, Ильченко. В классе полно ребят гораздо красивее. Да, он вроде бы прикольный, и Антон не стал бы дружить с кем попало. Но влюбляться то зачем?

Ильченко наклонилась к Горелову и что-то зашептала ему на ухо. Его равнодушие тут же сменилось раздражением. Вот паршивец. Соня нормальная девчонка. Может, помочь ей? Одолжить у нее немного симпатии, протянуть розовые нити к Горелову. Кто говорит, насильно мил не будешь? Еще как будешь. Неприязнь и раздражение тут исчезнут, сменятся любовью. Ильченко будет счастлива, Горелов тоже. Наверное.

Руки сами по себе потянулись вперед, зацепили розовую нить. Лера уткнулась взглядом в парту. Нельзя. Горелов не Антон, но распоряжаться его чувствами она тоже не должна. Пусть Ильченко сама разбирается, как покорить его сердце.

Ильченко снова что-то прошептала ему, он что-то негромко ответил.

— Дурак! — воскликнула она.

Горелов сгреб все свое со стола и пересел на соседний ряд.

За парту Леры.

— Горелов!

— Можно я тут посижу, Наиля Рафаиловна?

— Ну не в середине же урока пересаживаться, Тимур.

— Я просто никак не мог дождаться конца урока.

Он так это сказал, что все в классе засмеялись. Даже кругленькая Наиля улыбнулась.

— Хорошо, сиди со Смирновой. Если тебе так не терпится...

Все уже откровенно ржали. Лера отодвинулась на самый край парты. Горелов бесил ее невероятно. И при этом было забавно наблюдать за всплеском ревности у Ильченко, за недоумением Романовой, Аркадьевой и других сплетниц. Английский больше не был самым скучным уроком. Всем надо было решить вопрос мирового значения: прикалывается Горелов или на самом деле захотел сесть с этой придурочной Смирновой?

Лера искоса глянула на Горелова. Что все-таки они в нем находят? Профиль, далекий от классического идеала... прическа, напоминающая газон: слишком длинные волосы на макушке, а виски и затылок обритые почти под ноль... Разве что глаза красивые. Слишком светлые для такого смуглого парня, с длинными густыми черными ресницами. Эти глаза совсем ему не подходили...

— Что смотришь, Смирнова? Нравлюсь?

Черт. Лера склонилась над закрытым учебником. Он ее поймал. Теперь решит, что она тоже влюбилась, как Ильченко и Рыжкова. Сиреневая досада заструилась между пальцев. Сейчас она ему покажет, кто в кого влюбился...

Но эмоции Горелова были просты и безобидны. Он не смеялся, не испытывал самодовольства. Он слушал англичанку и был полностью поглощен тем, что она говорила. Он был спокоен, уверен в себе. Немного скучал. И совершенно не думал о Лере.

Это было даже немного обидно.

Последним уроком была физкультура. Обычно там творился ад, даже несмотря на справедливость Скаалки. За ад отвечали Задорин и Войцеховская: подножки, тычки, мячом в голову и прочие безобидные шалости были вполне обычным делом. Но сегодня — бывает и

в Лериной жизни везение — они дружно исчезли после геометрии и до физкультуры не дошли. Одного этого было достаточно, чтобы чувствовать себя окрыленной и нормально выполнять упражнения.

После разминки Скакалка поделила их на команды для волейбола. Герману традиционно досталось место на скамейке запасных, а Лере предстояло отдуваться за двоих. Как обычно. Волейбол не входил в список Лериных любимых занятий. Играла она паршиво, и никакая сила в мире не могла заставить ее играть лучше. Как надо бить по мячу, чтобы он летел в нужную сторону? Кому пасовать? От кого принимать? Правила пугались в голове, мяч был фашистским снарядом, который метит прямо в голову.

Но сегодня все было иначе. Сегодня — волей то ли судьбы, то ли удачи, то ли хорошего настроения Скакалки — Леру поставили в команду Антона. Это изменило все и сразу. Антон иногда смотрел в ее сторону. Иногда орал «Смирнова, пасуй!» А когда ей чудом удалось перекинуть мяч на другую сторону и заработать очко для команды, он даже назвал ее по имени.

Мелочи. Какие же мелочи. Но зато настоящие.

— Аринэ, лови! — крикнул Антон и коротким точным движением послал мяч черноволосовой красавице. Мяч взлетел красиво, высоко.

Вместе с мячом от Антона к Аринэ полетел мощный поток любви. Искрящиеся нити всех оттенков красного, они переливались, переплетались, неслись наперегонки к черноглазой Аринэ, которая застыла сцепив ладони, не замечая ни мяча, ни одноклассников, видя только его, Антона.

Лера застыла, запрокинув голову, стараясь не пропустить ни крупинки, ни искорки. Вот какая она, любовь. Нежная и бурная, ласковая и волнующая. Она убаюкивает, она будоражит, она кружит голову. Заставляет плакать и смеяться одновременно. И всегда, всегда, в любой момент она прекрасна...

Вдруг пламенеющий поток Антона застопорился, изогнулся, сменил направление. Тонкие призрачные руки неуверенно тянули его любовь в сторону, рвали нити страсти, вплетали в них горечь, отвращение, холод, подталкивали новые нити к Аринэ. Взгляд Антона затуманился. Медленно, очень медленно, но он отворачивался от Аринэ.

Лера вздрогнула, попятилась, спрятала руки за спину. Это не она! Она ничего не делала! Не хотела!

Но разве такое может происходить само по себе. Должен быть кто-то другой...

И этот другой был.

Игрок команды противника. Стройная высокая девушка с копной каштановых волос, в обтягивающем черном спортивном костюме и белых кроссовках на толстой подошве, которые были так мало похожи на обувь для занятий спортом. Она стояла у самой сетки, впившись глазами в Антона, и ее руки пытались переиграть его чувства.

Ксю Литвинова.

Ну конечно. Она тоже читала тетрадь в черной обложке.

С ней должно было случиться то же самое, что и с Лерой. Нужно быть идиоткой, чтобы не сообразить.

Но ведь так нельзя.

Это подло! Это слишком просто.

Это запрещено!

Кем?

Мысли метались, прыгали как теннисные мячики на корте. Никто ничего не запрещал. Она сама придумала себе правила. Но это не значит, что Литвинова будет им следовать.

Она тянула и тянула на себя нити. Ей было тяжело. Оказывается, морально может быть так же тяжело, как и физически. Лера отчетливо видела пот на лице, закушенную губу. Красавица Ксю сейчас выглядела совсем не красавицей.

Зато на лице Антона расцветала ласковая улыбка. Улыбка для его Ксю...

От несправедливости Леры перехватило дыхание. Это надо прекратить. Как угодно, чем угодно. Немедленно.

Она подбежала, подняла тяжелый мяч, который так и не поймала Аринэ, и изо всех сил запустила его в Литвинову.

Снова черный с золотом кабинет, снова разъяренное лицо Димы, снова охающие Евгеша и Лариса. Из новеньких только Скакалка и мама. Нет Литвиновой — ее отправили в медпункт, и Войцеховской — она, к счастью, тут вообще не причем.

Маму очень жалко. Она перепуганная, бледная, волосы растрепались. Еще бы не испугаться. Когда Дима орет как ненормальный.

— Драка на уроке! В одиннадцатом классе! Девушки! Взрослые люди! Чем вы вообще думаете!? Смирнова! Ты меня слышишь?

Не услышать его было невозможно. Его наверняка слышала вся школа, от первого до последнего этажа. Лера рассматривала носки своих кроссовок. Заткнуть бы уши. А еще лучше сбежать отсюда и больше никогда не возвращаться.

— Что ты не поделила с Литвиновой? Что она тебе сделала? Отвечай, Лера!

— Она первая начала, — пробормотала Лера. И сказала совершеннейшую правду. Но только ей все равно никто не поверил.

— Смирнова кинула в Литвинову мяч, — сказала Скакалка.

— Неудачная подача, — быстро сказала мама. — Они же играли. В волейболе всякое бывает.

— Она специально это сделала.

— Смирнова, ты собираешься отвечать? Почему ты полезла к Литвиновой?

Когда не можешь заснуть, рекомендуют считать овец. А кого считать, когда хочешь выключить чей-то голос? Когда хочешь выключить целую комнату?

— Лера, скажи мне, пожалуйста.

Вот оно, худшее. Мама встала с дивана, подошла, взяла за руки. Беспокойство сидело над ней как изысканная синяя шляпка. Главное, не смотреть ей в глаза. Еще не хватало разреваться при всех.

— Я бы поняла, если бы на месте Литвиновой была Надя Войцеховская, — сказала Скакалка. — Она постоянно задирает Смирнову. Но с Литвиновой они вроде бы всегда нормально общались.

— Лера... что же это такое было... — растерянно пробормотала мама.

Это было больно. Когда Литвинова накинулась на нее, вцепилась в волосы и принялась пинать ногами, это было очень больно. Злость была фонтаном. У них обеих. Уже не было времени разбираться, где чья, не было желания на что-то влиять. Хотелось что-то делать, бить мягкое тело, выплескивать все, что накопилось в душе. Боль подстегивала, придавала сил, боль возносила на самую вершину горы, где она была повелителем мира...

Их растащила Скакалка, красная от ярости. Она что-то орала, но Лера не слышала ни слова. Вокруг было немое кино. Растрепанная Литвинова с расцарапанным лицом...

Пораженные лица одноклассников... Глаза Аринэ, ставшие от ужаса в два раза больше... Остолбеневший Антон... Герман, так и не поднявший голову от своего смартфона...

И дикая злость, которая плетками била пространство. Злостью был наполнен весь зал. Она мешала видеть, дышать, она не давала говорить.

Скакалка выпихнула их в коридор и потащила к директору. Литвинова сильно хромала, и ее отправили в медпункт. На судилище к Диме пришлось отправляться одной Лере.

А он уже вызвал маму и Ларису. Евгеша, кажется, прибежала сама. Они трещали как сороки, возмущались, требовали отвечать на вопросы. Но что она могла сказать? Что Литвинова вздумала вернуть себе любовь Антона? Что она нарушила выдуманное Лерой правило, и ее было нужно остановить?

Лера представила себе лица взрослых, если она вздумает рассказать им про дневник и нити. Да они тут же скорую вызовут. И кто их обвинит?

— Если бы не выпускной класс, я бы подняла вопрос об отчислении Смирновой, — отчеканила Евгеша.

— Какое отчисление? — встрепелась мама. — За что? Всякое бывает.

— Вы оправдываете драку вашей дочери, Мария Игоревна.

— Ни в коем случае, но все-таки отчисление за одну провинность-

— Никто не говорит об отчислении! — рявкнул Дима.

— Почему одна провинность? — упорствовала Евгеша. Ее брови были сурово сдвинуты, но она радовалась, и в этом не было никакого сомнения. Она ликовала. Почему-то ей было выгодно, чтобы у Леры были неприятности.

— На этой неделе ваша дочь уже была наказана за безобразное поведение на улице. Или вы забыли?

Мама опустила голову. Не забыла, конечно. И это ее угнетало. Лера отвела взгляд. Подглядывать за мамой было неудобно и даже стыдно.

— Придется Смирновой с Литвиновой снова где-нибудь прибраться, — вздохнула Лариса. — Раз тридцать седьмого в прошлый раз не хватило.

— Что? — с тревогой воскликнула мама. — Они прибирались в тридцать седьмом кабинете?

— Да! — с вызовом ответил Дима. — Там давно нужно было навести порядок.

— Разве вы не собирались вызвать клининговую фирму, Дмитрий Александрович?

— Мне надо беречь фонды, Мария Игоревна.

— Но разве можно было отправлять туда девочек?

— С ними ничего не случилось! Они отлично справились!

Лера не верила своим ушам и глазам. Мама нападала, а Дима оправдывался. И даже немного боялся. Дима никогда не оправдывался. Что было не так с этим тридцать седьмым?

— Жаль только, что наказание не помогло, — проворчала Лариса.

— Займитесь наконец воспитанием дочери, Мария Игоревна! — подхватила Евгеша. — Она позволяет себе черт знает что!

— Моя дочь — очень хорошая девочка, к которой отвратительно относятся в этом классе!

— Она первая напала на Литвинову, не забывайте.

— Я не забываю! И я собираюсь во всем разобраться! Но я не хочу, чтобы мой ребенок подвергся-

— Мария Игоревна! — рявкнул Дима.

Мама глубоко вздохнула.

— Простите, Дмитрий Александрович. Я обещаю, к Лере больше не будет претензий. Она будет вести себя так, как нужно.

— По-моему, вы переоцениваете свое влияние на дочь, Мария Игоревна — процедила Евгеша.

Мама даже не посмотрела в ее сторону. Она пылала негодованием и уверенностью в своей правоте, и это было видно даже тем, кто не знал ни про какие нити.

Вечером мама зашла к Лере в комнату. Лера как раз закончила играть и сидела с гитарой на коленях. Она была недовольна. Всем. Своей игрой, сегодняшним днем, жизнью. Все так усложнилось. Если бы она могла, она бы написала об этом хорошую песню. Но она могла только играть чужие, да и то бездарно.

— Можно? — мамина голова возникла среди темных мятных облаков недовольства.

— Ага.

Мама села рядом.

— Что ты играла? Такая грустная мелодия. Я раньше ее не слышала...

— Мам. Ты пришла о чем-то спросить. Спрашивай.

Мама смущенно рассмеялась.

— Ты стала очень проницательной.

Лера даже не улыбнулась. Нетрудно быть проницательной, когда все, что чувствует человек, как на ладони перед тобой.

— Я бы хотела помочь тебе. А я не могу помочь, если не знаю, что происходит.

Лера молча ждала продолжения.

— Что у тебя произошло с этой девочкой? Не хочешь рассказать?

— Не хочу.

Нити маминой грусти стали толще.

— Но расскажу. Если ты расскажешь, что случилось в тридцать седьмом кабинете.

Перламутровое сострадание мамы сменилось изумлением.

— Ультиматум?

— Деловое предложение.

Маленькое облачко сомнения.

— Я никому не скажу, честно.

Мне некому, добавила Лера про себя.

Сомнение плавно перетекло в решимость.

— Договорились, — кивнула мама. — Ты первая.

Лера вздохнула. Теперь главное — найти приемлемый компромисс между правдой и враньем.

— Литвинова влюблена в Антона Чернецкого. А он бросил ее ради Аринэ Богосян.

— Понятно, — осторожно сказала мама. — А причем тут ты? Аринэ твоя подруга?

— У меня нет друзей.

— Я уверена, это не так.

Лера усмехнулась.

— Герман не считается.

— Я не имела в виду Германа, — нахмурилась мама. — Но не уклоняйся от темы, пожалуйста. Какое ты имеешь отношение к их любовному треугольнику?

— Литвинова хотела... хотела побить Аринэ. А я стояла рядом. Я заступилась за нее.

И это тоже было правдой. Она встала на защиту Аринэ, даже если этого не понял никто, кроме Литвиновой.

— Тебе не кажется, что роль защитника лучше подошла бы этому мальчику? Антону?

— Чтобы он стал драться с Литвиновой? Как ты себе это представляешь, мам?

Мама хмурилась и не понимала до конца.

— Значит, Антон попросил тебя разобраться с Литвиновой?

Лера мотнула головой. Чем дальше, тем хуже.

— Аринэ очень хорошая. А Литвинова так себе. Аринэ всегда хорошо разговаривает с Германом. А Литвинова его не замечает. Как будто он грязь под ногами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Вот тут она задела верную струну. Бывает даже с неумелыми музыкантами вроде нее. Герман был маминым слепым пятном, ее Ахиллесовой пятой. Когда дело касалось Германа, мама теряла способность рассуждать здраво. Вот и сейчас все, и сомнение, и интерес, и волнение — все затянула беспросветная печаль.

— Так здорово, что ты заботаешься о брате. Но я буду рада, если ты будешь решать проблемы без кулаков.

— Прости, мам, — искренне сказала Лера. — Столько всего накопилось в последнее время...

Мама внимательно посмотрела ей в глаза.

— Этот мальчик тебе тоже нравится? Антон?

Внутри Леры все сжалось в тугий комок. Но она храбро выдавила из себя улыбку.

— Договорились только про Литвинову.

— Точно. — Мама улыбнулась и встала. — Тогда я пойду. Спокойной ночи...

— Мам! Читерство!

Мама тут же села обратно.

— А я думала, мне удастся ускользнуть.

— Нельзя нарушать свое слово. Ты сама нас учила.

— Просто я не люблю пересказывать слухи. А с тридцать седьмым кабинетом связано очень много слухов... Это кабинет химии. Там работала Елена Владимировна, не помню фамилию. У вас она, кажется, не преподавала.

— Неа.

— Эту комнату сделали кабинетом недавно, раньше там сидела завхоз, хранилось всякое. Елена Владимировна пришла в школу года три назад.

— Мам, ты про кабинет рассказывай.

— Я и рассказываю. Эта Елена была, знаешь... я не люблю таких слов, но все-таки... Она была немного странная. Ни с кем не общалась. Было такое ощущение, что она всех избегает. Ее право, конечно, никто не навязывался. А потом как-то внезапно выяснилось, что она изумительный педагог. Потрясающий химик. Дети за ней толпами ходили. Оба одиннадцатых класса в прошлом году выбрали сдавать химию, представляешь? Все пятьдесят три человека. Сдали блестяще. Настоящий педагогический талант...

Мама задумалась. Ей было завидно — совсем чуть-чуть.

— А дальше?

— А дальше все очень быстро закончилось. В начале года она еще работала, как раньше. А потом, в ноябре, кажется, написала заявление об уходе. Даже две недели не отработала. Дима... директор ужасно разозлился. Она отдала заявление секретарю, отвела уроки, ушла.

Утром на следующий день уборщица пришла в ее кабинет, а там... ну ты должна была видеть.

— Ага. Полный хаос. Что она там делала вообще?

— Никто так и не знает. Евгения Макаровна не смогла до нее дозвониться. Решили, будет проще прибраться и забыть.

— Тогда почему не прибрались?

— Потому что три уборщицы уволились после того, как пытались это сделать.

— Чего?

— Да, представь себе. Внезапный кадровый кризис.

— А почему? Они что-нибудь сказали? Может, это просто так, совпадение? Никак не связано с кабинетом?

— Может быть. Но уж очень странное совпадение. Говорили, в кабинете творится что-то нехорошее. В результате целый месяц тридцать седьмой никто не заходил. Директор решил, он лучше обойдется без кабинета, чем без уборщиц. Я не думала, что он вас туда отправит. Он сказал, что оставил тебя на общественные работы, но не уточнил.

— Да ничего там не было страшного... — начала Лера и осеклась.

Ничего, кроме той тетради.

— Лера. — Мама смотрела внимательно, настороженно. — Там было что-нибудь, о чем бы ты хотела мне рассказать?

Теперь собрать всю волю в кулак, посмотреть маме в глаза, сказать как можно естественнее.

— Неа. Обычный хлам. Понятия не имею, чего они там напугались. Диме просто стоило не жадничать на зарплате уборщиц.

Мама рассмеялась.

— С этим точно не поспоришь.

Ее настороженность рассеялась, появилось спокойствие. Удовлетворение после доверительного разговора с дочерью.

Зато у Леры после этого разговора стало беспокойней на душе.

Каждый хочет чтобы его любили.

Нужна ли любовь учителю?

А как же. Приветливые улыбки и искренний интерес вместо кислого «а, это вы, Леночка» в учительской. Выученные наизусть параграфы вместо «а вы нам ничего не задавали» в классе. Восхищение вместо равнодушия, преклонение вместо насмешек. Вот что такое любовь. Ее не бывает слишком много.

— Здравствуйте, Елена Владимировна!

— Еленочка Владимировна, дооброе утрооо!

— Вы сегодня такая красивая!

— А я выучила весь учебник до конца!

— Мы хотим ходить на факультатив по химии! Весь класс! Можно?

— Леночка, как вам к лицу этот цвет.

— Где вы покупали это платье?

— Я перепутала вас со старшеклассницей! Подумала, что какая у нас симпатичная новенькая.

А ведь совсем недавно они не знали, как ее зовут. «Эта по химии». «Химичка». Наверное, стоит сказать спасибо, что хоть предмет запомнили. Невзрачная, незаметная, ненужная. Была когда-то. Теперь все изменилось. Любовь — красная, яркая, бурная — потоки любви лились отовсюду. Управлять ими было совсем легко. Поначалу, да, это требовало концентрации и усилий. Но кто старается, у того получается — ей ли этого не знать. Эту незамысловатую истину она давно пыталась вдолбить в тупые головы учеников. Но они не были способны понять даже это. Зато любить — о да, любить — они все оказались способны. И дети, и взрослые. И отличники, и двоечники. У каждого был запас любви и восхищения, который было так легко вытащить из них и забрать себе.

— Елена Владимировна, это вам!

Перед глазами возник огромный букет из роз. Саша Черепков, 10 «В». Главный хулиган школы, состоит на учете в полиции. Теперь наивный влюбленный мальчик, который боится вздохнуть на ее уроке. А ведь совсем недавно ей приходилось стирать с доски матерные слова, написанные его рукой.

— Спасибо, Саша. Но ты понимаешь, я не могу принимать такие подарки.

Отчаяние горящей веткой вспыхнуло в бурном пламени любви. По щелчку пальцев оно разгорелось сильнее. И сильнее. И сильнее. И вот уже голубые глаза бывшего хулигана наполняются слезами. Он разворачивается... Несется по коридору, размахивая руками и рыдая как институтка.

Что за дурацкое выражение — как институтка.

Но Черепкову подходит. Он больше не гроза всей школы, а просто влюбленный истеричный мальчик.

— Елена Владимировна, можно сегодня пересдать тест?

Большие испуганные карие глаза на худеньком личике. Лица Селиванова из 9 «А». Девочка, которая на первом уроке заявила, что химия отстой, ей не сдалась и что после девятого она уходит в колледж искусств, где ее уже готовы принять. Что ж, за последние две недели Лица ни разу не взялась за карандаш и краски. Она проходила дополнительный курс

по химии. И не только она.

Интересно, что скажут родители по поводу безумного увлечения химией, вспыхнувшего в этом году. Скоро собрание, там и узнаем. Весь педсовет ей вчера пели дифирамбы. На олимпиаде все призовые места у ее учеников... Дисциплина на уроках идеальная... Самые сложные ученики исправляются на глазах... В чем ваш подход, поделитесь опытом...

Уши до сих пор краснели от директорской похвалы. Если б только захотеть... Но зачем ей этот губошлеп? Пусть прячется по углам со своей Машенькой (как будто вся школа не в курсе их отношений). Ей нужен кто-нибудь получше. И она его обязательно получит. Ведь это так просто. Достаточно только выловить нужную эмоцию.

— Здравствуйте, Елена Владимировна.

Приветствие грянуло дружно, громко, как будто отрепетировано. 10 «В». Класс, который в прошлом году довел ее до больницы. Инсульт, к счастью, не подтвердился, но они заплатили за все. За разбитые очки, за кнопки на стуле, за порнографические фотографии, намертво приклеенные к доске, за кражу денег, которые она собирала на интерактивную доску... О, к 10 «В» накопился особенно длинный счет. Совсем недавно она всерьез думала увольняться из-за них. Как работать, когда каждый ученик в классе — проблема?

Но проблем больше нет. Есть двадцать восемь пар глаз, которые смотрят с обожанием и восторгом. Ловят каждый жест, каждое движение брови. Готовы сделать все, что она скажет. Ну а если пока еще не готовы, то взмах руки, и сомнений больше нет, а есть только слово обожаемой учительницы.

— Так, кто сегодня отсутствует?

От привычки проводить переключку пора было избавляться. Зачем тратить время зря? Ее уроки больше не прогуливали. Никто.

— Все на месте, — тихо сказала Ангелина Рыбакова. Та самая, что снимала на видео, как у нее загорелся реактив во время опыта. Рыбакова раздражала. Даже сейчас, когда она то краснела, то бледнела от желания понравиться любимой учительнице.

— Хорошо. К доске пойдет...

Руки подняли все. А первым Грымов, который в свое время разговаривал с ней исключительно матом и, если перевести его слова на нормативный язык, считал химию самым бесполезным предметом в программе. Сейчас Грымов зубрил день и ночь. С его скудными способностями только и оставалось, что зубрить.

— Рокотова.

Настя Рокотова была похожа на инопланетянку или топ-модель. Выпуклые, широко расставленные глаза, кожа, такая гладкая и прозрачная, что видны вены на щеке. Длинная, тонкая, кажется, дунешь — и переломится. Настя ходила на курсы в модельное агентство и посещала школу только по инерции. С ней пришлось возиться дольше всех. Она не была ни в кого влюблена, ничем в школе не интересовалась. Ее окружало плотное облако скуки, сквозь которое ничего не просачивалось. Ни досада на одноклассниц, ни злость, ни симпатия к самому красивому мальчику в классе. Ничего. Перекидывать на Рокотову чужие нити было бесполезно — они не цеплялись. Приходилось ждать, хоть искру, хоть проблеск, но свой собственный, чтобы сформировать из нее то, что нужно.

И она дождалась. Иванецкий, местный шутник и болтун, назвал ее Водяновой, и вокруг Насти тотчас вспыхнуло гранатовое облако удовольствия. Иванецкого она, конечно, презрительно отбрила, но это было неважно. Удовольствие есть удовольствие, и нужно было только прицепить его к химии. В тот день на уроке Настя впервые смотрела

заинтересованно и ловила каждое слово как откровение. Дальше все было просто. Она стала частью единого организма, который был полностью предан-

— Я не готова, Елена Владимировна.

Она не готова. Да Боже ж ты мой.

— У меня вчера была съемка, я не успела.

Немного раскаяния, страха, вызов и очень мало любви. Собственная злость взвилась вулканической лавой, наотмашь хлестанула Настю. Вызов, раскаяние, любовь — все исчезло, уступив место страху. Она боялась, она не хотела. Бунт?

Что ж, пожалуйста. Пусть будет страх. Больше и больше, когда страх становится паникой, душит, выгрызает внутренности острыми зубами так, что тело и душа становятся одной сплошной раной, ноющей не от боли — от страха...

Ах, как это было увлекательно. Вытягивать нити ужаса, извлекать все новые и новые оттенки, плести из них сеть. И вот уже рот кривится в беззвучном крике, глаза теряют осмысленность, вот уже не человек перед тобой, а перепуганная протоплазма, у которой одна только цель — прекратить страдание во что бы то ни стало.

С всхлипом Настя кинулась к окну. Новая пластиковая фрамуга распахнулась быстро и легко. Тонкая фигурка взлетела на подоконник...

И вдруг наступила тишина. Такая, какой не может быть на земле. Ведь здесь никогда не бывает полностью тихо. Все равно где-то тикают часы, или гудит виброрезонатор, или машины шуршат, или дворники орут. Но сейчас было абсолютно тихо. Застыло все: Настя на подоконнике, рванувший к ней Иваницкий, рот Рыбаковой, перекосившийся в крике, неестественно изогнутая рука Грымова. Цветное облако переплетенных нитей погасло, будто выключили огоньки на новогодней елке; повсюду висели серые бесформенные ключья. Они окутывали головы ребят плотным покровом, и постепенно, еле заметно, сползали все ниже и ниже. Слово густое серое тесто заполняло кабинет. Оно пухло, раздавалось вширь, вверх и вниз, и вот уже парты, стулья, шкафы — все скрылось в бесконечной непроглядной серости. Ничего не было слышно, ничего не было видно. Само ощущение того, что ты есть, терялось в сером тумане.

— Э...

То ли вздох, то ли стон застрял в сером облаке. Стоило, наверное, набрать побольше воздуха и крикнуть, но кричать не хотелось. Наоборот, хотелось поглубже зарыться в туман, спрятаться, исчезнуть вместе со всеми.

Потому что где-то там, в неведомой тишине, вдруг открылись серебряные глаза, которые смотрели прямо на нее.

Федор перехватил их в холле первого этажа, когда они только сняли куртки.

— Вы видели? Это же просто чума! Первоместогарантировано!

Он был сам на себя не похож. Глаза горят, слова выскакивают из рта так быстро, что спотыкаются друг о друга. Несмотря на свой рост и размеры, Федор всегда был тихим, застенчивым на грани придурочности. Герман и не стал бы дружить ни с кем громким и вызывающим. Но сейчас Федор захлебывался от восторга, а Герман, наоборот, насторожился и испугался.

— Что мы должны были видеть?

— Ну вы даете! Вся школа в курсе, уже сто лайков, ни у кого столько нет! — Не замечая ничего вокруг, Федор что-то набирал в своем телефоне. — У Мерца только двадцать два, так что он в полете.

— Федь, ты о чем? — Лера протянула руку, чтобы щелкнуть пальцами у него перед носом. И вовремя убрала ее за спину. Еще не хватало быть как Войцеховская.

— Видимо, он про городской конкурс видеороликов, — отчеканил Герман.

— Точно, — кивнул Федор. — Смотрите!

Он протянул Лере свой телефон. На школьном сайте последним был загружен ролик пользователя Мюмла. Лера нажала на треугольник.

Сначала появилось здание школы крупным планом.

— Наша школа.

Закадровый голос был обработан, и узнать его было невозможно.

— Место, куда тысяча людей от семи до восемнадцати лет каждый день приходят, чтобы учиться... дружить... познавать себя... искать свою дорогу в жизни...

Длинные пустые коридоры — должно быть, ролик снимали во время урока.

— Тадам!

От неожиданно громкой темы из Космической одиссеи Лера чуть не выронила телефон.

— Самое отстойное место на земле.

Илона Маратовна беззвучно орет под We don't need your education.

— Место, где унижают.

Баскетбольный мяч с грохотом врывается в стену спортзала.

— Где могут в любой момент ударить.

Дверь кабинета отлетает в стену...

Лицо Димы, искаженное от гнева...

Рюкзак переворачивают вверх дном, на парту валяются учебники, тетради, пенал, ручки, ключи, бутылка газировки, яблоко...

— Где нигде нет безопасности и уважения к другому человеку.

Герман бьется в истерике на детской площадке.

— Где мы должны терпеть невменяемых одноклассников.

Кусок льда с неестественно медленной скоростью летит прямо в камеру.

— Где мы рискуем жизнью каждую минуту.

Лед замирает в паре сантиметров от камеры.

Лера нажала на паузу и быстро закрыла видео. Руки дрожали. Она сунула телефон обратно Федору.

— Что в этом особенного? — спокойно спросил Герман. — Ничем не примечательное видео. Музыкальное сопровождение могли бы подобрать более оригинальное и выразительное.

Он почти ее обманул. Если бы не нити обиды, которые потянулись от него, Лера решила бы, что Герману как обычно все равно.

Она сжала его руку и прошептала еле слышно:

— Я с этим разберусь, Гер...

— Но правда классно? Вы досмотрите до конца, это шедевр! Никто не знает, кто такая Мюмла, из нашего она класса или нет, но стопудово, кто-то из старших. Малышам такое не снять, — продолжал Федор с идиотской усмешкой.

Сейчас он был похож на большого щенка, добродушного и очень глупого. Восхищение било из него сверкающим фонтаном. Что было ему совсем несвойственно и очень странно.

— А Иванов прав. Это стоит посмотреть до конца, — сказал кто-то за спиной.

Лера обернулась. На скамейке сидел Горелов и зашнуровывал кроссовку.

— Оно мне надо? Тратить время на трэш...

— Уже сто пятнадцать лайков, — пробормотал Федор, не сводя сияющих глаз со своего телефона. — Сто шестнадцать.

— Разв тебе не интересно, Смирнова? — Горелов подошел ближе. — Всю школу бомбит от этого видоса, а ты не хочешь посмотреть?

Он был спокоен и как будто ждал чего-то, но Лера не была до конца уверена. Нити ожидания были слишком тонкими, невыразительными. Может, он ждет начала урока. Или Антона. Или...

— Глупо делать что-то лишь потому, что большинство находит это интересным, — сказал Герман.

— Глупо этого не делать, — резко сказал Горелов. — Можно упустить важную информацию.

Герман не мог упустить такой повод порассуждать. Под его размеренную болтовню Лера быстро нашла ролик Мюмлы на своем телефоне. Уже сто двадцать восемь лайков. Она промотала начало, включила.

До конца ролика оставалось пять минут. Так мало, когда с утра хочется поспать, а мама говорит, что через пять минут вставать. Но Мюмла за пять минут очернила всю школу. В столовой тараканы, в компьютерном классе сломанное оборудование, стулья рассыпаются под учениками, стекла из окон выпадают на головы бедных школьников. Зубрилки-отличницы режут, чтобы заработать хорошие оценки (Аринэ), мажорки с помощью влиятельных родителей командуют директором (Литвинова, ее мама и Дима на фоне литвиновского Мерседеса), слабаки дают взятки, чтобы получить зачет (Тарусов вручает Скакалке роскошный букет). Досталось всем. Или почти всем. Кого-то в этом ролике точно не было. Войцеховской. Задорина. И еще Антона...

— Это Войцеховская, — сказала Лера уверенно.

Все сразу встало на свои места. Войцеховская помешана на видео, вечно таскается с телефоном, мечтает о славе и ненавидит всех. Она снимала Германа на площадке. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, кто такая Мюмла.

— Я тоже так думаю, — сказал Горелов.

— Сволочь...

Он усмехнулся.

— Смешно? — вскинулась Лера. — Ты тоже в восторге от этой гадости, как остальные? Лайкнуть не забыл?

Горелов даже не разозлился. Он был по-прежнему спокоен и по-прежнему чего-то ждал.

— Я не в восторге. Тупой мерзкий ролик. Но тут другое интересно. Почему из-за него вся школа сходит с ума?

— Сто лайков — это еще не вся школа.

— Окей. Пусть не вся. Пока. Но все наши. Целый класс.

Над Гореловым по-прежнему не было ни удивления, ни негодования. Только ожидание. Как будто он думал, что Лера знает ответ.

— Допустим, сайт можно хакнуть, лайки накрутить. Но ты посмотри на него. — Он кивнул на Федора, который пересматривал ролик все с тем же выражением щенячьего восторга на широком лице. — Ему реально нравится. И всем остальным тоже.

Сайт можно хакнуть.

Точно.

И Войцеховская хакнула. Только не сайт. А людей.

Лера бежала по лестнице — не бежала, неслась. Врезалась в кого-то, пару малявок сшибла с ног. Вслед ей неслись возмущенные крики, ругань. Она не оборачивалась, не останавливалась, не извинялась. Она едва замечала, что творится вокруг.

Дура. Сто тысяч раз дура. Литвинова — пустяк, Войцеховская — вот главное чудовище. Вот кому хватит подлости поставить на колени всю школу. Мораль, уважение к личности — что там еще она говорила в своем чертовом ролике? — ничего для нее не значат. Войцеховская прочитала дневник. Она может то же самое, что и они с Литвиновой. Менять эмоции, направлять мысли. Феноменальная идиотка... Даже после драки с Литвиновой не вспомнила про Войцеховскую. Да про нее надо было думать сразу, как только увидела нити в первый раз!

Скрежеща зубами, Лера прыгала через две ступеньки. Понятно, почему. Она была так занята своими новыми волшебными возможностями, что башка полностью отключилась. Валерия Смирнова, повелительница эмоций! Еще и правила себе выдумала, курица несчастная. Любовь не трогать, чужую волю уважать. Вот бы посмеялась Войцеховская, если бы узнала. Для нее нет никаких правил. Только одно — собственная выгода.

Сегодня первой была литература. Дверь в кабинет была открыта, значит, Ларисы там еще не было. Она всегда закрывала за собой дверь. Задыхаясь, Лера влетела в класс. Зацепилась карманом кофты за дверную ручку, краешком сознания отметила характерный треск. Плевать. Тяжелый рюкзак давил на плечи, мешал. Его надо было бросить в раздевалке с Германом. Но у нее не было лишней секунды даже для такого простого действия. Нужно было что-то предпринять, и как можно скорее.

Лера остановилась в дверях, жадно глотая воздух ртом. В классе было потрясающе красиво. Все пространство искрилось обожанием и восхищением. Одноклассники — их было много, наверное, весь класс — сидели за партами и что-то делали в своих телефонах. Что делали? Одно и то же. Лайкали, репостили, писали комменты, смотрели снова и снова дурацкое видео Мюмлы, накручивая число просмотров.

Войцеховская хорошо знала, чего хочет.

Она сидела на Ларисином столе, сложив по-турецки ноги в грязных гриндерсах. Ее руки — настоящие — были широко расставлены, в правой она держала длинный карандаш и размахивала им словно дирижер. Этим хаотичным, издевательским движениям подчинялась невидимая сила, извлекавшая из ребят восхищение до последней крупинки. Никто из них не стал бы голосовать за ролик по доброй воле. Он унижал не только Германа, не только учителей. Он унижал их всех. Но доброй воли не осталось ни у кого. Мечта Войцеховской — повелевать всеми, а не группкой уродов — сбывалась на глазах.

Но это ненадолго.

Стоя у входной двери, Лера потянулась к Войцеховской. Не руками, а руками, нетерпеливо расталкивая розовые и красные нити. Схватила ее крепко за тонкое призрачное запястье и сжала так, что реальная косточка хрупнула бы. Но здесь не было косточки, а был дым, туман, призрак, что-то, что не могло существовать.

Рука Войцеховской дернулась, расплылась, просочилась сквозь пальцы Леры. Но Лера была готова. Она выцепила крепкую, графитовую нить ненависти из своих эмоций, накинула на руки Войцеховской, скрутила их в один миг, а остаток черного жгута швырнула в пространство. Он вспыхнул как уголек и с шипением растворился в красно-розовом облаке

восторгов, словно таблетка в стакане воды. Но не зря. Он и подействовал как таблетка. Отрезвляющие частички черноты проникали в одного, второго, третьего. Фальшивая любовь лопалась на глазах. Тарусов оторвал недоумевающий взгляд от телефона. Голицын громко выругался. Растерянно заморгала Аринэ.

Войцеховская больше не дирижировала. Она смотрела на Леру. Шок, паника, страх, отвращение, злость. Не ожидала, Наденька?

— Сюрприз, да? — хмыкнула Лера.

— Какого хрена, Смирнова??? Откуда ты...

— Оттуда, откуда же и ты.

— Но у тебя не было файла с дневником! Это Литвинова? Она тебе скинула?

— Неа.

— Ты сперла дневник? Мы же договорились ничего не трогать! Ты первая говорила—

— Я взломала твой аккаунт вконтакте.

Это было полуправдой. Но звучало эффектнее, чем «Герман взломал».

— Убьюуюю!

Войцеховская кинулась на Леру. Она была быстрой и сильной. Но Лера увидела ее намерение еще до того, как она сдвинулась с места. Всего-то нужно было вовремя шагнуть в сторону и поставить подножку. Войцеховская полетела головой в дверной проем и врезалась в живот Литвиновой.

— Эй!

Литвинова ударилась спиной о стену. Войцеховская отпрыгнула от нее.

— Смирнова взломала мой контакт и прочитала дневник!

— Я знаю, — спокойно сказала Литвинова. — И не надо так орать. На нас все смотрят.

Лера вздрогнула. Одноклассники смотрели на них раскрыв рты. Бесплатное кино. Не совсем понятное, но очень увлекательное.

— А ну пошли все!

Два взмаха невидимых рук Войцеховской, и ребята послушно вернулись к своим телефонам, источая облака обожания и восторга.

— Заканчивай с этим!

Быстрым взмахом руки Литвинова разогнала плотное красное облако рядом с собой. Войцеховская хищно усмехнулась.

— Тебя не спросила!

Она зачерпнула розовые нити, собирая их в единое целое. Лера ухватила черную неприязнь, швырнула ее в Войцеховскую, но та отбила ее розовым комком. Литвинова рассеяла еще одно облако, превратив любовь в скуку.

— Двое на одного? — ухмыльнулась Войцеховская. — Не по-пацански, девочки.

— Твой фирменный стиль, — жестко сказала Лера.

— Вам жалко, что хомячки поставят мне пару лайков?

— Твой ролик полный отстой. Ты не сможешь победить!

— Я уже победила, Ксю. Пока ты щелкала клювом и слезки лила из-за Антона, я стала звездой школы.

Литвинова хлестанула баклажановым презрением как кнутом. Войцеховская уклонилась, перехватила кончик, сплела его с алым восторгом. Презрение превратилось в восторг, поплыло к Литвиновой, раздуваясь как капюшон кобры.

— Даже не думай! — Литвинова отпихнула от себя кобру, метнула в Войцеховскую

стрелу ненависти.

Лера больше не вмешивалась. Пользуясь тем, что Войцеховская поглощена Литвиновой, она распутывала красные сети вокруг Ильченко и Кузнецова. Они сидели ближе всех к ней, так было проще. Но получалось плохо: слишком медленно, неаккуратно. Красные обрывки остались висеть, новые самостоятельные эмоции, которые принадлежали бы не ей, а ребятам, никак не хотели появляться.

Но вот Кузнецов оторвался от телефона и стал тереть глаза.

— Смирнова, ты чего?

Слабенькое удивление было едва различимо над ним, но это было хоть что-то.

Что-то тяжелое ударило Леру в спину. Учебник по литературе. Пролетел через полкласса, врезался в нее, шлепнулся на пол. Кто это? Донникова со второго ряда. Она всегда плохо относилась к Лере, но сейчас ее лицо было искажено ненавистью настолько, что больше не походило на человеческое. Густой столб ненависти бил из нее как нефть, и как нефть, пачкал все, на что попадал. Все новые лица поворачивались к Лере. Кириллов. Тимченко. Голицын. Крюкова. Аринэ. Черные щупальца тянулись к ним от Донниковой, но управляла всем Войцеховская. Она легко отбивала атаки Литвиновой, тянула любовь и лайки, и она же вливала ненависть в тех, кто сидел ближе, до кого было проще дотянуться. Одна призрачная рука, две, три, четыре... Войцеховская плела сети, точнее, они плелись сами по себе, а она... она была просто передатчиком ненависти, неисчерпаемым источником злобы.

— Что уставилась, Смирнова? Нравится моя армия?

— Отпусти их! — закричала Лера.

— Чего ты опять орешь на всю школу, Смирнова? — пробухтел за спиной голос Ларисы. — Что у вас тут происходит? Литвинова? Войцеховская?

А происходило что-то страшное. Вдруг наступила тишина, какой никогда не было и не могло быть. Мир больше не был реальным. Он был тут, без сомнения — парты, стулья, доска, шкафы, окна, пол, потолок. Одноклассники. Лариса. С этим все было в порядке. А вот с ними... Они были здесь и не здесь одновременно, отделенные стеной, которой не было, в мире, о котором никто не знал. В мире абсолютной тишины и ярких, переливающихся эмоций.

— Что за фигня... — прохрипела Войцеховская.

Черноты вокруг нее поубавилось. Чернота словно обрела самостоятельность. Она больше не зависела от Войцеховской, как от Литвиновой не зависело ее презрение, а от Леры — ее решимость. Эмоции сплетали собственный узор, красивый, странный, чужой. Они приглашали... но кого? Не их.

Чье-то дыхание... Чей-то взгляд... Лера напряглась, быстро обернулась. Никого. Здесь с ней только Войцеховская и Литвинова.

— Вы слышите? — прошептала Лера.

— Тихо...

— Заткнитесь.

— Так слышите или нет?

— Да помолчи ты.

— Сама тише.

— Оно нас сейчас услышит...

— Кто оно?

— Заткнитесь вы уже!!!

Крик Войцеховской был ужасен. Узор из разноцветных нитей заколебался. Как будто ветер подул с той стороны. Ветер не просто дул. Он стучался. Колотил в тонкую ткань из переливающихся нитей. Он хотел порвать ее, проникнуть к ним. Откуда-то Лера точно знала, что если у него получится, если для него откроется хоть крошечная лазейка сюда, для них все будет кончено.

Лера заорала. Услышала, как крик подхватили девчонки.

А потом все пропало.

Высокая трава больно хлестала голые икры, ветки царапали лицо и цеплялись за волосы, но Милодара бежала, не разбирая дороги. Беззвучный крик рвался из груди; крик, который заставил бы листья облететь с деревьев раньше времени и который принес бы ей облегчение. Но он застревал в гортани, и Милодара давилась невысказанными словами и невыплаканными слезами и бежала, лишь бы заглушить боль.

Раскидистое дерево перегородило ей путь. Милодара обхватила его руками, прижалась щекой к жесткой сухой коре и закрыла глаза. Прежде в лесу печали отступали сами собой, но больше нигде не было ей покоя. Она избрала свой путь, желая счастья, но не успела сделать и пары шагов, как дорога оборвалась пропастью боли и отчаяния...

Ласковы были слова Горислава, когда провожал он ее из леса до Золотых ворот. Видела Милодара, что любит ее красой, улыбалась чаще обычного, завлекая Остромирова сына. Ради него спрятала она гордыню и своеволие, ради него была мила и приветлива, словно теплый вешний ветерок.

Распрощались они у Золотых ворот. Гориславу нужно было остальных дожидаться; Милодара поспешила домой. Как на крыльях летела она к теткинскому дому, а прощальный взгляд Горислава огнем жег ее сердце. Много разглядела в нем Милодара — восхищение и надежду, обещание и тайное желание... Не забудет Горислав спасенную красавицу, разыщет ее в Киеве, избавит от ненавистного Ходоты.

Только этой верой и жила Милодара. Тетка Добрава чуяла неладное, но помалкивала, лишь работу подкидывала юной красавице. Милодара не прекословила, делала все, что скажут, и даже улыбалась. Видела, как расцветает в теткинском сердце довольство, как пускает корни спокойствие. Пусть думает, что Милодара мечтает о свадьбе. Пусть верит, что нет для нее ничего сладостнее, чем стать женой старого Ходоты и почивать с ним на пуховых перинах... Тетка Добрава верила и с каждым днем становилась все мягче, все добрее.

Шло дело к вечеру. Тетка отдыхала на лавке после трудов дневных, а Милодара при свете свечи дошивала жаркий молодой узор на рубахе, что старому жениху в подарок предназначалась.

— Жаль только, тетушка, что не подумали мы такую же рубаху для Несмеянку вышить, — сказала Милодара вполголоса. — На чужбине она бы ему сердце грела, о доме родном напоминала.

— Не очень то хотел он о доме помнить, — проворчала тетка, — раз с дружиной Остромира связался.

— Не верю я, что Несмеянку нас позабыл... Прибежит перед походом попроситься с нами, а мы ему даже подарочка не приготовили.

Покраснела тетка Добрава, засопела. И без Милодариных слов совесть по ночам мучила. Прибегал Несмеянку попроситься, да не стала она Милодаре говорить, не стала звать, чтоб не бередил он девку, не смущал рассказами о дальних походах.

— Приходил уже Несмеянку, — буркнула тетка. — Ушли дружинники из Киева, дня четыре как ушли. Забегал Несмеянку проститься, да поздно было и не стала я тебя тревожить.

Чуя вину свою, Добрава Милодаре в лицо не смотрела, но если хоть на миг оторвала б

она глаза от дощатого пола и взглянула бы на племянницу, то испугалась бы до смерти. Побелела Милодара страшно, стала цвета полотняной рубашки, которую расшивали ее ловкие пальцы. Посинели губы алые, ввалились глаза, потемнели.

— Все ушли? — прохрипела Милодара.

— Все, все, — закивала Добрава, радуясь тому, что племянница не кричит, не плачет. — Несмеянко ушел. Милица бегала на городские ворота и рассказывала, что он скакал прямо за воеводиным сыном...

— Горислав ушел, — выдохнула Милодара чуть слышно. Только пламя свечи качнулось от ее слов.

— Что? — не расслышала тетка. — О чем ты толкуешь?

— Жаль, что с братом не попрощалась, — через силу проговорила Милодара. — Но ничего, не навечно ушли они. Вернется когда-нибудь он из похода, войдет в нашу избу, поклонится...

— Ох, не знаю, вернется ли, — покачала головой Добрава. — Отряд Остромира не дань собрать должен, а с вятичами навеки поселиться, чтобы править ими. Несмеянко слышал, хочет князюшка всеумудрый владения свои укрепить, вот и послал верных людей на север. Но о чем князюшка наш мыслит, не нашего ума дело. Может, когда и вернется Несмеянко. Может, и нет.

Невыносимая боль стиснула грудь Милодары. Пламя свечи заплесало, засеребрилось перед глазами. Повяло на нее странным запахом... Все вокруг потемнело...

— Милодара! Девочка, да что ты? — завизжала тетка, но Милодара этого уже не слышала.

Вскочила Добрава на ноги и с ужасом смотрела на тело племянницы, распростертое на полу.

Свадьба не то чтоб недалеко была, а уж на порог взошла да в сенях показалась. Давно обо всем было сговорено промеж Ходоты и дядьки с теткой, и о приданом хорошем речь шла, и о красоте и покорности невесты. Сама Милодара к жениху не выходила, обычай не позволял, и только слушала, как тетка Добрава восхваляет мудрость и зажиточность Ходоты. Иной бы и позарился на обильное приданое, что давал за Милодарой кузнец Силан, восхитился утварью домашней, холстинами без счету, сундуками затейливыми, собственноручно старым кузнецом коваными, подушками пуховыми да одеялами беличьими.

Да только втрое больше было всякого добра у Ходоты, и будь живы его мать да отец, непременно воспротивились бы, чтоб сын этакую бесприданницу в дом вводил.

Но никто не стоял над Ходотой, никто не противился его выбору. Приготовливал он в доме палаты для будущей жены, камень самоцветы в шкатулки складывал, шубы куньи да лисьи выбирал. Все представлял себе, как заиграет необычайная красота Милодары, когда она хозяйкой войдет в его богатые хоромы.

Гордым соколом прогуливался Ходота по лавкам с товарами, нетерпение еле сдерживал. Когда ж лебедушка белая наконец на постель к нему взойдет, ночи его длинные, мучительные скрасит?

Тяжко спалось Ходоте в последние ночи неженатые. Засыпал с трудом, просыпался без причины, затемно, а в промежутке грезилось ему нехорошее. Будто плачут где-то женщины, громко, надрывно, как близкого и любимого оплакивают. Плачут рядом, так что сердце от муки разрывается, но разглядеть их нельзя. Кругом все черным-черно, дымно так, что аж горло дерет, и бродит Ходота словно старик безглазый, тыкается в чаду, чтоб найти тех, кто

плачет, а найти никак не получается.

Это все оттого, что непомерно долго один живу, толковал свои сны Ходота. Истосковался по хозяйюшке, по деткам, по радостям домашним. По ком стонут плакательщицы? Да по жизни моей бесплодной, бесталанной... До седого волоса в бороде дожил, а главного постичь не сумел. Не в закромах счастье, и не в сундуках, добром набитых, а тепле и благодати домашнего очага, что дарует его созидательница и охранительница женщина.

В день свадьбы набежало-наехало к кузнецу Силану столько народу, что не протолкнуться было в горницах. Подружки веселые прискакали, сестрицы мужние собрались. Только и слышны были песни звонкие да хохот девичий, залиvistый. Каждой лестно побыть в доме с невестой, за рукавчик пышный на счастье подержаться, поясками расшитыми полюбоваться. Всем ведомо, что ежели увидишь первой невесту в полном свадебном облачении, то скорехонько замуж выскочишь. И потому толпились хохотушки у дверей горницы, где одевали Милодару, и толкали друг друга острыми локотками, гадая, как далеко поезд жениховский и кто с ним дружками приедет.

Длинную белую рубаху с голубыми и красными полосками на рукавах разложили на лавке перед Милодарой, сарафан красный, весенними цветами по подолу вышитый. Тетка Добрава известная мастерица, сама корпела над свадебным нарядом племянницы, глаза по вечерам портила. На деревянном блюде поблескивали серебряные монетки, нанизанные в ряд. Обовьют мониста лилейную шейку невесты и будут позвякивать при каждом ее шаге, смущая безусых отроков.

Сама не своя от волнения металась тетка Добрава по горнице. Все ли успели, все ли сделали? Сраму потом не оберешься перед добрыми соседями, если что не так пойдет. Ходота простит, не заметит, а кумушки длинноязыкие все косточки перемоют, коли хмельного меда кому не хватит или курник мал покажется. Скажут, не выдала Добрава достойно племянницу замуж, а с рук спихнула. А кто как не она Милодаре мать родную заменила и в лепешку расшибиться для нее готова? Все чин-чином на ее свадьбе будет, гостям на погляд, подружкам на зависть. Только сама невестушка очнулась бы, показала б глазки свои ясные, поплакала бы для приличия... Так нет же, стоит как каменная, лицо тусклое, безжизненное, по родному дому не убивается, по девичьей жизни вольготной не сокрушается. Непристойно девке так себя вести. Белавя с Веселинкой все глаза себе проплакали, с матушкой да батюшкой расставающихся, у этой же ни одна ресничка не дрогнет.

Неспокойно было на душе у Добравы. Сейчас тиха Милодара. Не дерзит, не прекословит. Ручки для рубашки послушно подымает, под гребенку головку подставляет. Хорошо оно хорошо, но лишь бы штуку какую потом не выкинула, когда жених с дружками подъедет да венчаться повезет. Опозорит на весь город, и глазом не моргнет.

Но напрасно волновалась тетка Добрава. Знала Милодара, что не сбежать ей ни по дороге в церковь, ни на пиру. Когда подкатил Ходота с дружками к воротам, сидела Милодара, причесанная и снаряженная, на лавке, крытой куньими шубами. По обе стороны сидели сестрицы, у каждой в руках по блюду, завязанному платками вниз. Милодара лишь мельком глянула, что на Белавином блюде. Две ложки да краюха хлеба. На руки Веселинки она и смотреть не стала. Без разницы, без радости, как ее мужу продавать будут, что с него требовать. Быстрее бы закончилось все. Силушки нет терпеть.

А терпеть приходилось многое. Шутки-прибаутки, тетка Добрава, сидит важная,

краснощекая... дядька от гордости лопается... свечи зажженные, что горят и не гаснут, глаза Ходоты, ополоумевшего от счастья, хмель и зерно, сыплющиеся с небес, крики гостей... Ничего не видела Милодара. Куда ее ведут, зачем, кто держит ее за руку... В церкви темно, ладан в золотых курильницах возносится к небу, и голове от него тяжело и больно становится...

Смутно слышала Милодара, как на их с Ходотой союз легло божье благословение. Вывели ее из церкви, посадили в свадебный поезд мужу под бочок и повезли пировать. На подходе к хоромам дернул Милодару кто-то за рукав, и она пошатнулась, чуть не упала, но Ходота крепко прижал ее к себе, так что дышать трудно стало, и удержал. На миг крошечный заглянула она в его глаза и сама испугалась ненависти, что вспыхнула над нею. А вместе с ненавистью всколыхнулась и сила. Давно не чуяла ее Милодара, с тех самых пор, когда узнала, что уехал ее ненаглядный Горислав к диким вятичам. Думала, что не почувствует больше, как наливаются тяжестью кончики пальцев, как сочится сквозь них сила, перед которой не устоять ни зверю, ни человеку. Нет и не может быть для нее страха... Те должны бояться, кто идет наперекор ее воле...

Шумно и весело было на пиру. Кубки никогда не пустели, потому что слуги выносили из бездонных кладовых Ходоты все новые и новые бочонки браги. Молодых осыпали непристойными шутками, от которых краснели даже замужние тетки, но на бледном лице Милодары не заалело и крошечного пятнышка. Ходота голодными глазами взирал на жареную курицу перед собой. Милодара ощущала его голод и смятение. Есть пока было нельзя, и не разберешь, чего сильнее хотелось молодому мужу — уединиться в палатах с красавицей женой или вгрызться в сочный куриный бок.

Милодара была неголодна, и нетерпение Ходоты ее забавляло. Сила вызревала в ней, даруя сладостное долгожданное ощущение власти. Она знала, что не оплошает, и потому потешалась над Ходотой, который торопил время, приближаясь, неведомо для себя, к роковому...

На свадебный стол выставили курник, и промеж гостей зашептали, что молодая жена захотела спать. Ходота встал, Милодара поднялась вслед за ним, и под напутственные крики они чинно направились к двери. В клету, что была специально пристроена к дому, ждало их брачное ложе, приготовленное умелыми руками свахи Огняны. Стелила Огняна на пол снопы, сверху клала одеяло с периной, покрывала все шкурками проворных куниц, чтоб сладко спалось молодым и чтоб принесла жена в положенный срок крепких здоровеньких ребятишек.

Одной рукой прижимал Ходота к груди завернутую в рушник снедь, другой держал руку Милодары. Она шла, не соблюдая обычая, не сопротивляясь, не опуская гордой головы. Завтра кумушки и не вспомнят о том, как нескромно вела себя молодая жена. Будет им о чем посудачить и без того.

Милодара вошла в клету за Ходотой, оглядела убранство, улыбнулась. У дверей встал дружка с обнаженным мечом охранять их покой. Милодара знала, он не помешает. Дверь закрыта, поди разбери, что у молодых творится. Главное, чтоб отскочить успел. А не успеет, ничего. Ей уже ничего не страшно. В церковь грехи замаливать она все одно не побежит.

— Уф, притомился я, — пропыхтел Ходота и, развернув рушник, выложил курицу и каравай прямо на стол. — Голодная, небось?

Благонравной деве полагалось молчать, но Милодара не потому не ответила. Она осматривалась по сторонам. Столик под крошечным окошком, брачное ложе, устланное

зверинными шкурами. Подле кадки с медом и ячменем... А окошко то, должно быть, на задний двор выходит. Значит, бежать в ту сторону, пока сил хватит, а потом забиться в угол в каком-нибудь сарае и схорониться до утра...

Ходота не удержался, оторвал от курицы ножку, стал жевать. Протянул часть Милодаре, но она словно и не заметила. Стояла перед кроватью, смотрела перед собой. Пусть жених думает, что от волнения она и слова вымолвить не может.

— Поешь, — сказал Ходота мягко. — Легче станет.

Милодара не шевелилась. Одно лишнее движение, и сила вырвется из нее, натворит бед. Не время еще. Слишком рано. Она недостаточно зла, недостаточно отчаялась, еще надеется на что-то. Купец может передумать, оставить ее в покое. Может понять, что она молода для него и что в ее сердце живет другой...

— Хорошо. Как хочешь, — вздохнул Ходота. Грузно ступая, подошел к ложу, сел на ложе. Он исподлобья разглядывал Милодару, и иной, похожий на голод огонь разгорался в его жилах.

Она сразу почуяла разницу и обрадовалась. Ничего он не понял. И ей выбирать ничего не нужно. Только один выход есть для нее есть, скорей на свободу, к Гориславу...

Ходота выставил вперед ногу. Темно-зеленые ремни обуви крепко обвивали его широкую икру. Оба они знали, что Милодара должна опуститься на колени, развязать ремни и снять башмак с ноги Ходоты. Так полагалось по обычаю, этого он ждал от нее в знак покорности и признания его власти. Она не двинулась с места, только зыркнула на него своими глазами так, что оборвалось что-то в груди у Ходоты. Эх, что за девка. Красавица, глаз не оторвешь, а подступиться боязно.

Гордость выиграла в Ходоте. Да кто она такая, чтоб стоять перед ним и смотреть так, будто он грязь под ее ногами?

Ходота оперся на руки и поставил вперед уже обе ноги.

— Всю ночь так стоять будешь? Или тетка не рассказала тебе, что к чему? Скоро к нам придут спрашивать, все ли ладно с молодой женой.

— А пускай приходят, — усмехнулась Милодара, без смущения глядя на мужа.

Побагровел Ходота, вскочил на ноги, двинулся к Милодаре, стиснув здоровенные кулачищи. Но она не дрогнула, не отшатнулась, а подняла руки и резко бросила их вниз, будто стряхивала что-то с кончиков пальцев...

Тотчас запылала кадка с медом за спиной Ходоты. Он почуял дым, повернулся, схватил кунью шкурку, накинул на кадку, надеясь остановить огонь. Но шкурка сгорела в один миг, а за ней занялись и снопы, и кадка с ячменем. Весело горело, жарко, того и гляди на стены перекинуться могло. Не об имуществе впору было думать, а о спасении жизни.

— Бежим! — крикнул Ходота Милодаре, которая, по его разумению, отпрянула к стенке, когда он бросился с пламенем сражаться. Но она не откликнулась, и когда обернулся Ходота, то понял, что опоздал.

Огонь был повсюду. Пылали стены, пол, потолок, стол и кадки, полыхало его первое брачное ложе, так и не опробованное. Сухое дерево горело бойко, потрескивало-попискивало, и в дыму и пламени уж было не разобрать, куда бежать.

— Милодара! — закричал Ходота в ужасе, заметался по клету, размахивая руками. Он задыхался, от нестерпимого жара на руках и лице вздувались волдыри. Вот уже огонь перекинулся на полу его кафтана, зацепил широкую бороду, полизал своим жгучим языком его щеки...

— Милодара! — ревел он, сбивая пламя голыми руками и не чувствуя боли в страстном стремлении отыскать и спасти ее.

Тяжелая балка рухнула вниз, едва миновав Ходоту. Огонь накинулся на нее, радуясь новой жертве. Ходота споткнулся о балку, упал, завыл как раненый зверь от боли в ушибленных и обожженных руках, и вдруг почуял, что откуда-то слева тянет ночной свежестью. Сил подняться на ноги не было, и Ходота пополз влево, жмуря полуослепшие глаза, содрогаясь в кашле.

Еще одна балка упала, зашибла ему ногу, но он упрямо полз дальше, не останавливаясь. Вдалеке ему слышались голоса, что плакали и причитали, совсем как в его сне, и Ходота на последнем издыхании полз к голосам, шепча вздувшимися, потрескавшимися губами имя молодой жены...

Долгую жизнь прожила бабка Зорана, долгую и многотрудную, но никогда еще не видела она такого. Кровавая заря вставала над городом, полыхал терем купца Ходоты, смертный ужас рвался в небеса. И раньше такое случалось. И раньше горел город, и раньше жизни растворялись в бесконечном пламени. Только никогда не было Зоране так страшно, как сейчас. Немели руки, немели ноги, сердце колотилось от злого предчувствия.

Она. Она это. Хозяйка... На волю рвется. Приманила ее глупая девчонка, силой своей приманила, страстью, душой своей бунтующей, неукротимой. Лакомый кусочек для Хозяйки... Отыскать ее теперь надобно, да где найдешь? Остановить ее надобно, да как остановишь. Заструились слезы по морщинистым щекам Зораны. Ее вина в этом. Ох ее вина...

Милодара спала на лавке, когда Зорана вернулась в свою избушку на Болотах. Подол расшитой кружевом рубашки испачкан в болотой жиже, рукав разорван — за ветку зацепилась. Невинным покоем дышит прекрасное лицо, на лбу полоска сажи — испачкалась. Засомневалась Зорана. Неужто ошиблась? Сам терем загорелся, Милодара быстрая, сильная, вот и выбралась.

Заглянуть бы за полог, проверить. Но нельзя. Если рядом Хозяйка, вмиг учует. Не спасишь им тогда обеим. У нее силы не хватит, у Милодары — умения. Не ведает девочка, что натворила, кого приманила своей душой пылающей. Но не бывшей дочери княжеской осуждать Милодару, дочери, что всю свою семью принесла в дар Хозяйке...

Перед самым рассветом проснулась Милодара. Села на лавке быстро, заозиралась. Зорана шкатулку железную на столе тряпицей прикрыла, свечку на край стола пододвинула, улыбнулась приветливо.

— Хорошо ли почивала, Милодарушка?

— Прости, что вломила к тебе среди ночи без спросу, бабушка. Спрашивать было не у кого...

— Какой тут спрос, для тебя всегда моя дверь открыта. Да не думала я, что ты от мужа милого на Болота побежишь.

— Нет у меня больше мужа, Зорана. Если б ты знала...

— А я знаю, девонька моя. Все ведаю. Что ты видишь, что слышишь, что делаешь. Кто к тебе стучится с той стороны, тоже...

Задрожала Милодара, дальше в тень отодвинулась.

— Ты не бойся, сдюжим. Тяжко уйти от Хозяйки, не под силу простому человеку. Ну так мы с тобой не простые...

— Да кто это, Хозяйка?

— Кто ж знает, Милодарушка. Сила древняя, страшная. По Той стороне ходит, в наш мир лазейки ищет. Там она слепая, глухая, только чуют может. А у нас ей вольготно, привольно. Нравится ей тут, вот и хочет сюда попасть. Страсти человеческие вынюхивает, из них для себя дорожку плетет. Так она и тебя нашла, сердце твое пылающее почуяла.

— Странные слова ты говоришь. Меня нашла, а других? Не только мое сердце пылает. Все вокруг. Живые, яркие...

Поежилась бабка Зорана. Смертельным холодом дохнуло на нее от слов Милодары. Словно Хозяйка заговорила вдруг прекрасными устами...

— Не только твое сердце пылает. Но только твое чует Хозяйка. Ты другими повелеваешь, ты ярче всех для нее горишь.

— Ох, бабушка, и горазда ты старые сказки рассказывать.

Покачала головой Зорана. Не понимает девка. Не видит, что на краю пропасти качается. Нogu одну занесла, вот-вот рухнет туда, откуда нет спасения.

— Думаешь, сказки это? Когда мать твоя еще в рубашонке бегала, научилась и я видеть то, что от людей сокрыто под надежным пологом. Зависть людскую видела, злобу, радость вешнюю, зарей обогретую. Любовь, что трепещет, ревность, что обжигает. Все видела, все знала. Все подчинялось мне. Становились люди послушные моей воле, будто я слово знала тайное, ведовское. А я плела узоры невидимые, опутывала их сетями крепчайшими. Никто не мог мне противиться, ведь я их собственную силу обращала против них. Знакомо, Милодарушка?

Милодара молчала.

— Чует Хозяйка не простых людей, а таких, как мы. Тех, кто повелевать может. Через нас хочет в мир перебраться. А для этого надо ей нас жизни лишить. Утробу свою насытить. Как встанет она на твой след, не убежишь от нее никуда, нигде не схоронишься. Только один способ есть спастись. Трудный. Страшный. Но есть.

— Какой, бабушка?

— Идет Хозяйка за тобой по пятам не просто так. Вернуть хочет то, что ее по праву. Сумеешь отдать то, что не твое, собьется она со следа, отстанет от тебя. За другой добычей пойдет. Про тебя позабудет.

— Как же это сделать? Ничего я у нее не брала. И отдавать мне нечего.

— Есть что отдавать, Милодарушка, есть. Да не бойся ты. Рядом старая Зорана. Помогу тебе. Научу, что делать надобно...

Сняла Зорана со шкатулки тряпицу, приподняла крышку тяжелую, на совесть скованную. Не золото-серебро хранилось в шкатулке, не камни драгоценные. Свиток тонкий, от времени почерневший. Развязала Зорана веревочку, раскрутила свиток. Глаз не отворачивала. Не было в том нужды. Не те глаза уже у Зораны, не разглядеть ей букв и погибельных, не сложить слов обманчивых.

Приздумалась Зорана, вспоминая черный день, когда впервые увидела свиток. Приздумалась и не заметила, что ближе подвинулась Милодара. Голову гордую подняла, на свиток посмотрела жадно, настороженно...

И засверкало в ее глазах растопленное серебро.

— За что вы хотите их наказать? За обморок?

Медсестра Елизавета Анатольевна, невысокая, хрупкая, в маленьких круглых очках, кричала так, что каждое ее слово отчетливо разносилось по коридору.

Лера закрыла файл, оторвалась от телефона, подняла голову, прислушиваясь. Лариса пробубнила в ответ что-то невнятное.

— Ничего они не нюхали и не курили! И не кололись тоже! Я вам точно говорю! Я не знаю, почему они упали в обморок. Вполне возможно, что это аллергическая реакция на что-то. Надо обследовать кабинет. И как можно скорее! А девочек надо как минимум отправить домой, а еще лучше в больницу!

Лариса возмущенно забулькала.

— Какая контрольная, Лариса Васильевна? Вы хоть понимаете, что говорите? Девочкам плохо!

Лера встала, подошла ближе к двери в медпункт.

— С какой стати им плохо, Елизавета Анатольевна? — возмущалась Лариса. — Эта троица черт знает что творит у меня в последнее время! Две драки за неделю, теперь вот этот «обморок». Хоть бы подружки были, я бы поняла. От той же Войцеховской можно ожидать все, что угодно. Но они терпеть друг друга не могут. Тут надо разбираться, они явно что-то зате-

Бам. Лера захлопнула дверь. Пусть Лариса ломает голову. У них есть заботы поважнее.

— Чтоэтобылочтоэтобылочтоэтобыло...

Литвинова ходила взад-вперед вдоль стены и без остановки твердила одно и то же. Лицо у нее было серо-землистое, глаза провалились. Войцеховская, бледная как мел, сидела на скамейке с ногами, обхватив колени руками. Кажется, она из последних сил сдерживалась, чтобы не стучать зубами.

Лера чувствовала себя не лучше. Тошнило, все кружилось перед глазами. Но хуже всего был страх. Тот липкий, гадостный страх, который наполнил все тело и до сих пор не ушел полностью, до сих пор прятался где-то в закоулках сознания и грозил выпрыгнуть в любой момент.

— ... чтоэтобылочтоэто-

— Заткнись! — рявкнула Войцеховская, при этом отчетливо лязгнув зубами.

— Вы разве не поняли? — тихо спросила Лера. — Это Хозяйка. Она пришла, чтобы забрать свое. Мы должны вернуть то, что принадлежит ей. Тогда она от нас отстанет.

Недоумение. Ярко-голубое недоумение, абсолютно одинаковое и у Литвиновой, и у Войцеховской.

— Вы что, еще не дочитали? Там все написано.

— Какая хозяйка?

— Не было там ничего про хозяйку.

— Ну да конечно. — Лера с радостью ощутила, как в ней сквозь страх пробивается злость. — Если бы ты не видосы тупые снимала, а читала внимательно, ты бы все знала. А нам сейчас надо не читать, а разбираться, что мы взяли у этой Хозяйки. Потому что если мы ей это не вернем, то... вы меня поняли!

— НЕТ ТАМ НИКАКОЙ ХОЗЯЙКИ!

— Разве что Марьяна с постоянного двора... — с сомнением сказала Литвинова. — Но что возвращать то надо? Ничего она у нее не брала.

— Какой постоянный двор?

— Вы издеваетесь? Какая еще Марьяна?

— Не было никакой Марьяны! Зорана ее зовут! Старая колдунья, которая Милодаре все объяснила про Хозяйку, вы ее то помните?

Литвинова замотала головой.

— Что еще за Милодара? — прищурилась Войцеховская. — Очень смешно, Смирнова Думаешь, самая умная?

Это было как в тот раз на литературе, когда никто не прочитал «Петра Первого», но никто не хотел признаваться в этом Ларисе. Каждый, кого она спрашивала, нес чушь, а она честно пыталась выяснить, что они усвоили.

— Сейчас я вам найду. — Лера вытащила телефон.

Она перелистнула несколько страниц, нашла нужное место.

— Вот здесь. Читай.

Лера протянула телефон Литвиновой, но Войцеховская перехватила его. Она быстро пробежала глазами текст.

— Ну и где тут про хозяйку?

— Тут. — Лера ткнула пальцем.

— Смирнова, ты у меня сейчас реально в табло получишь.

— Лер, серьезно... — сказала Литвинова, которая смотрела на монитор через плечо Войцеховской. — Здесь ничего не написано про Хозяйку. Тут про то, как Аля на вокзал приехала...

— Вы обе чего-то нанюхались! — заорала Войцеховская. — Заканчивайте уже!

Злость исчезла, остался снова только страх. Лера посмотрела на Литвинову, потом на Войцеховскую. Они не врали, не издевались. Они верили в то, что говорили. И никто из них не знал про Милодару и Хозяйку.

— Ксю, о чем ты читала?

Литвинова забеспокоилась. Кажется, до нее тоже что-то стало доходить.

— Там девушка во время революции... Из богатой семьи... Аля.

— Какая еще революция-

— А ты? — перебила Лера, поворачиваясь к Войцеховской. — У тебя кто?

— Сама догадайся!

— Я не могу. Я не знаю.

— Чей был кабинет? Химички. Ну и тетрадка чья? Ее тоже. Про кого там должно быть написано? Про нее, конечно.

— Про Елену Владимировну? — нахмурилась Литвинова. — Которая здесь работала?

— Ну да.

— Бред какой-то.

— Не бред, — сказала Лера. — Просто мы читаем разные истории.

— Гонишь...

— Но это невозможно. У нас один и тот же файл.

— А вот это все возможно? — Лера махнула рукой. — Все, что мы можем, все, что с нами случилось, это возможно???

Литвинова всхлипнула. Войцеховская решительно сжала губы.

— Тогда рассказывай, — сказала она. — Смирнова, давай. Все по порядку.

— Что рассказывать?

— Историю свою, не тупи! Что ты там бормотала про вещи, которые надо вернуть этой, как там ее? Хозяйке?

— Получается, ты одна знаешь, что надо сделать, чтобы избавиться от той штуки, — пробормотала Литвинова.

— Я вам сейчас прочитаю.

Они сели обратно на скамейки, Лера открыла файл и начала читать.

— Чует Хозяйка не простых людей, а таких, как мы. Тех, кто повелевать может...

В полной тишине Лера дочитала до конца.

— Мы должны что-то вернуть этой Хозяйке. Но я даже не представляю, как это сделать и что мы должны-

— Я взяла браслет из лаборантской. — Войцеховская смотрела прямо перед собой. — Тот, зеленый. Он мне так понравился. Я решила, ничего страшного. Никто не заметит.

— А мы ведь договаривались, — вздохнула Лера.

Литвинова нахмурилась.

— Думаешь, это браслет?

— А что еще? Все сходится. Тетрадь химичкина. Браслет тоже. И кабинет ее. После того, как мы там убирались, все и началось.

— Это я там убиралась! А вы занимались всякой ерундой!

— Ты нашла эту чертову тетрадку!

— Я не заставляла вас ее фотографировать!

— Не лезла бы в мой аккаунт, не сидела бы тут с нами!

Войцеховская была права. Они все хороши. И теперь им надо не ссориться, а выпутываться.

— Но как химичка может быть Хозяйкой? — пробормотала Литвинова. — Она же в школе работала. Нормальная тетка.

— Может, у нее раздвоение личности. Типа доктор Джекилл и мистер Хайд...

— А, может, Хозяйка что-то вроде ее карманной зверюшки? Если у нее что-то крадут, она ее сразу посылает по следу.

— Мама рассказала, что три уборщицы уволились после того, как их попросили там прибраться. Что-то такое слышали...

Войцеховская присвистнула.

— И Дима после этого нас туда отправил? — нахмурилась Литвинова. — Вот это я точно расскажу родителям.

— Толку то? — хмыкнула Войцеховская. — Сейчас они нам ничем не помогут.

— Мы сами себе поможем, — сказала Лера. — Мы теперь знаем, что делать. Найдем химичку, вернем ей браслет. Она как-нибудь успокоит эту свою Хозяйку, раз ее вещь к ней вернется. И все закончится.

Наверное, закончила она про себя. Разве тут могли быть гарантии.

Но страха сразу стало меньше. Они все успокаивались, и Литвинова, и Войцеховская. План действий — это всегда хорошо. Это значит, ты можешь что-то сделать, можешь куда-то двигаться. Можешь не быть жертвой, которая терпеливо ожидает нападения.

— Вы только полюбуйтесь на них, Елизавета Анатольевна! — В голосе Ларисы звучало злорадство. — Сидят, замышляют очередную гадость.

Она стояла в дверях медкабинета. Из-за ее массивного плеча пыталась выглянуть хрупкая медсестра.

— Девочки отдыхают. Они перенесли такое-

— Отдыхают они, как же. На них воду можно возить! Марш в кабинет, вы и так десять минут от урока потратили! Всю следующую перемену будете с тестом сидеть.

— Мы не можем писать тест, Лариса Васильевна, — сказала Лера, поднимаясь.

— Им надо домой! — пискнула Елизавета.

— Нам надо домой, — жестко повторила Лера. — Нам плохо.

— Что же у вас болит, Смирнова?

— Живот. Мы отравились. Ваш Виктор принес нам булки. И после них у нас заболели животы!

Это было гениальное решение. Лариса сразу запаниковала.

— Ну если так... я не знаю... если все так серьезно.

Все, что угодно, лишь бы не подвести драгоценного Витеньку.

— Серьезно, — кивнула Войцеховская. — Я еле сижу.

— Вам же говорила Елизавета Анатольевна, — поддержала Литвинова. — Нам надо домой.

— Но я не могу вас просто так отпустить. Вдруг что-нибудь случится, мне же голову оторвут...

— Пусть их кто-нибудь проводит, — предложила Елизавета.

— Хорошо. — Лариса с новым подозрением оглядела всех троих. — Ждите в коридоре, я пришлю кого-нибудь.

В коридоре они просидели ровно две минуты шестнадцать секунд. Именно столько понадобилось Ларисе, чтобы предупредить охранника и скрыться за поворотом, а Елизавете — вернуться в кабинет и закрыть дверь. Они рванули к раздевалке и через минуту уже выбегали из школы, на бегу натягивая куртки.

Их, конечно, увидят из окна. Кто-нибудь доложит Ларисе. Она поймет, что ее обманули. Особенно, когда Задорин объяснит, что никаких булок не было и в помине. Она разозлится и завтра обрушит на их головы всевозможные кары. Но что будет завтра, они разберутся завтра.

Потому что до этого завтра нужно сначала дожить.

— Куда теперь? — спросила Литвинова, когда они вышли за ворота школы.

— Сначала ко мне за браслетом, потом к химичке, — сказала Войцеховская.

Лера остановилась.

— Кто-нибудь знает, где она живет?

Они переглянулись.

— Возвращаемся в школу, — сказала Войцеховская. — У них там где-нибудь должны быть адреса всех учителей.

— Только кто нам скажет?

— Заставим. — Войцеховская щелкнула пальцами. — Легко.

— Мы не должны больше этого делать, — сказала Лера. — Пока эта тварь бродит рядом. Она нас почувствует.

— Я согласна, — кивнула Литвинова.

— Мать Смирновой может выяснить. Она же в школе работает.

Лера представила, на сколько вопросов ей придется ответить в таком случае, и

отрицательно мотнула головой.

— Она захочет узнать, зачем нам это надо... Короче, не стоит.

— Тогда взломай школьный сайт, — хмыкнула Войцеховская. — Раз ты у нас такая крутая хакерша.

— Почему все я?

— Ты взломала мою страницу.

— Да это не она, скорее всего, — сказала Литвинова, — а ее брат...

— Твой тупой братец что-то умеет?

Он не тупой, подумала Лера.

— Он не тупой. — Литвинова как будто услышала ее мысли. — Моя мама говорит, он гений. У них в компании устраивали конкурс для студентов-компьютерщиков. Смирнов зарегистрировался и занял второе место. Мама даже думает предложить ему стажировку у них, когда он поступит куда-нибудь.

— Герман участвовал в конкурсе?

— А он не рассказывал?

— Может, маме... Мне он не докладывается.

На самом деле Герман не докладывался никому. И вполне мог счесть второе место на престижном конкурсе и стажировку в крутой компании пустяком, о котором не стоит упоминать.

— Так он сможет достать нам эту инфу или нет? — воскликнула Войцеховская.

— Сейчас напишу ему.

Лера быстро набрала сообщение в ватсапе. Герман ненавидел, когда она писала ему во время уроков. Но ждать до конца литературы они не могли. Если он не сумеет помочь, им придется искать другие способы достать адрес химички.

Через пятнадцать секунд пришло короткое сообщение.

Да.

— Да, — прочитала Лера вслух.

— Что «да»?

— Достанет? Когда?

Мне надо как можно скорее, набрала Лера.

Как она и ожидала, Герман не ответил. Все, что он считал нужным написать, он уже написал.

— А мы что будем делать? Тут торчать?

— Мы можем-

— Валим! — заорала Войцеховская. — Там Горелов!

Лера оглянулась на вход в школу. У двери стоял парень в серой куртке с оранжевой полосой и смотрел в их сторону. Наверняка Лариса послала его отвести их домой. Еще не хватало, чтобы он их увидел и пустился в погоню.

Лера рванула вслед за девчонками.

— Сейчас едем ко мне, — проговорила Войцеховская на бегу. — Может, твой брательник успеет что-то выяснить.

Войцеховская жила в старой пятиэтажке в двух кварталах от школы.

— Ждите меня здесь, — сказала она и вошла в подъезд.

Скамейка рядом была облезлая, с проломленной спинкой. В палисаднике среди обломанных кустов виднелись пустые пивные бутылки. Литвинова оглядела все это

великолепие с высоко поднятыми бровями, а потом достала телефон. Лера проверяла свой каждые пять секунд. Не то чтобы в этом была необходимость — сигнала о сообщении все еще не было. Она не обольщалась. Герман не станет заниматься ее делами на литературе. Маме потребовалось несколько лет, чтобы приучить его к тому, что на уроке надо только слушать учителя и выполнять задания. Когда-то это казалось правильным. Но сейчас Лера была бы не против, если бы Герман умел допускать исключения из правил.

Войцеховская вернулась через двадцать минут, безумно злая.

— Юлька, сволочь, сперла браслет у меня из ящика. Еле нашла.

— Юлька — это кто?

— Сестра.

— У тебя есть сестра?

— А чего ты так удивляешься? Младшая. В седьмом учится.

— Я не знала, что у тебя есть сестра, — сказала Литвинова.

— Я тоже, — кивнула Лера.

— С какой стати вы должны что-то про меня знать? — огрызнулась Войцеховская. —

Пошли уже.

— Куда?

И тут телефон пикнул. Лера быстро глянула сообщение. Ни одного лишнего слова, только адрес и имя.

Коржина Елена Владимировна, Зеленая, 15/257.

— Урок закончился три минуты назад, — сказала Литвинова. — Он успел за три минуты?

— Да он весь урок наверняка сидел...

Лера покачала головой. На уроке он только слушал Ларису.

— Он не мог ничего успеть за три минуты!

Непривычное чувство — гордость за брата — наполняло Леру.

— У нас есть адрес, чего тебе еще надо? — резко сказала она. — Поехали!

До Зеленой было недалеко. Семнадцать минут на автобусе, и вот они стоят у современной многоэтажки, задрав головы. Квартира «257» должна быть на самом верхнем этаже. И это было хорошо. Им пришлось долго ждать лифт, долго на нем подниматься. Все молчали. Войцеховская перебирала пальцами браслет, Литвинова не отрывала глаза от телефона. Лера просто боялась. Как встретит их эта Елена Владимировна? На кого она похожа? Какими силами обладает? Как может управлять этой Хозяйкой?

Внушительная металлическая дверь с цифрами 2, 5, 7 выглядела непреодолимым препятствием. Никто не решался позвонить. Наконец Лера вскинула руку и столкнулась в воздухе с рукой Войцеховской. Они обе вскрикнула. Литвинова опередила их и нажала на звонок.

Дверь открыл парень, сутулый очкарик с сильно выпирающими передними зубами. Если он и был их старше, то ненамного.

— Здравьете.

— Мы к Елене Владимировне, — сказала Литвинова. — Позови ее.

Как у всех парней, у очкарика при виде Литвиновой отвисла челюсть. Нити восторга заструились от него в разные стороны.

— Ау, ты нас слышишь? — воскликнула Войцеховская. Очкарик вздрогнул, попытался сосредоточиться на ней и снова поплыл от восхищения.

Лера вздохнула.

— Мы хотим поговорить с Еленой Владимировной, — сказала она, выходя вперед.

Она получила тот эффект, на который рассчитывала. В глазах у очкарика прояснилось, восторги угасли, он стал способен на диалог. То-то же. Учитесь.

— Здесь такой нет.

— Не может быть.

— Нам дали этот адрес в школе, где она работала.

— А, учительница. Я просто не знаю, как ее зовут. Она жила здесь до нас. А месяц назад она съехала, и мы тут теперь живем.

Он снова поплыл, глядя на Литвинову.

— Знаешь ее новый адрес?

— Нет.

— А кто-нибудь из твоих?

— Да нет же! Откуда? Меня, кстати, Денис зо-

Войцеховская выскочила из подъезда, чуть не сбив высокую старушку с таксой. Старушка отшатнулась, лепестки возмущения понеслись им вслед, но быстро растворилось в ярости, клокотавшей вокруг Войцеховской. Ярость была повсюду. Всплески гнева расходились от Литвиновой, но самая неистовая злость шла от нее, от Леры. Она затмевала все — и негодование старушки, и эмоции девчонок. Она затмевала снег, небо, деревья, сугробы, весь мир. От нее было больно. Хотелось зачерпнуть хоть где-нибудь капельку радости, крупинку надежды, развеять плотное душное облако вокруг себя. Лера шагала быстрее и быстрее. Кажется, ей что-то кричали, но она не слышала, не понимала, не хотела слышать и понимать. Где эта чертова Хозяйка... Как ее отыскать до того, как она отыщет их...

Сначала был удар, сильный, мощный. Он сотряс все тело, опрокинул ее вверх тормашками. Небо и земля поменялись местами так резко, что Леру затошнило.

Визг тормозов, пронзительный гудок, крики.

Красивое женское лицо склонилось над ней. Аккуратные четкие нити беспокойства заполнили горизонт.

— Ты в порядке? Как ты себя чувствуешь? Скажи что-нибудь!

Лицо и голос женщины были странно знакомы. Неужели мне отшибло память, подумала Лера. И я не узнаю кого-нибудь из знакомых. Может быть, даже маму...

При мысли о маме в голове немного прояснилось. У мамы темные волосы и глаза. Женщина была блондинкой, с волосами до ушей; ее красивые выразительные глаза были зеленого цвета.

— Как тебя зовут?

— Ее зовут Лера Смирнова! — выпалила Литвинова, появляясь рядом с женщиной.

Следующей возникла Войцеховская. Странно было видеть ее волнение.

— Лера, ты меня слышишь? — спросила женщина.

— Ага, — произнесла Лера.

— Тебе надо в больницу. — Женщина помогла Лере встать.

И только когда она увидела ярко-синий мерседес, Лера поняла, что ее сбила сама Тамарина, новый мэр.

В больницу Лера наотрез отказалась ехать. Из-за какого синяка сидеть в травмпункте, отвечать на дурацкие вопросы, тратить время?

— Со мной все в порядке. Все в полном порядке, — повторяла она снова и снова в ответ на тревожные расспросы Тамириной.

Тамирина колебалась. В больницу ей жутко не хотелось. Она боялась, она переживала — наверняка думала о журналистах. Ух как им понравится новость о том, что мэр города сбила школьницу. Но чувство долга не молчало, заставляло делать то, что нужно. А нужно было везти пострадавшую девочку в больницу и скорее.

— Не поеду я ни в какую больницу, — снова сказала Лера. — Ну хотите, я попрыгаю на одной ноге?

Она прыгнула через сугроб, задела его ботинком, свалилась на колени. Тамирина рассмеялась.

— Верю. Хотя прыгаешь ты не очень. Но все равно просто так я вас не отпущу.

Над ней заискрило коралловое облачко радостного предвкушения.

— С меня мороженое. Или пицца. Или что хотите.

Втроем они с комфортом разместились на заднем сиденье мерседеса Тамириной. Места там хватило бы и на четверых. Белый кожаный салон, стереосистема такая, что Another one bites the dust до костей пробирает. Через люк в потолке видно, как с серого неба валится снег. Не машина — мечта.

— Может, вы нас просто домой подбросите? — спросила Литвинова/

Войцеховская энергично двинула ее локтем. Лера в кои-то веки была с ней согласна. Есть и правда хотелось, а еда, которую хочет им купить Тамирина, точно будет аппетитнее, чем вчерашний суп в холодильнике дома.

Кафе с таинственным названием «Ночь Джоконды» было втиснуто унылой буквой Т между косметическим бутиком и ювелирным магазином. Официант бросился к Тамириной, едва она переступила порог. Здесь ее явно знали и очень уважали. Могущество ее власти распространялось и на них. Им тоже улыбались официанты, на них смотрели посетители. Их проводили к лучшему столику — у единственного окна во всю стену, с мягкими диванчиками.

В последний раз Лера была в кафе на день рождения Федора. В качестве приложения к Герману. Они весь вечер проговорили о своих компьютерных играх, а Лера разбиралась с неаппетитным салатом и куском торта, от которого пахло скисшими сливками.

Здесь не было ни старого салата, ни тухлых сливок. Пицца на пышном тесте, пузырящийся сыр и ингредиенты с названиями, которые Лера и выговорить не могла. Креветки плавали в море зеленого салата, кофейный напиток (не проболтаться бы маме, которая не поощряет кофе), пирожные, похожие на замок индийского набоба... За Леру заказала Тамирина, потому что Лера, увидев цены в меню, решила, что она совсем не голодна и уж точно совсем не так нахальна. Но Тамирина только рассмеялась.

— Не стесняйся. В конце концов, я должна тебе моральную компенсацию. Поверь, мне пришлось бы заплатить гораздо больше в суде.

Она подмигнула Лере и придвинула к себе меню.

После третьего куска пиццы с халапеньо, от которого все полыхало во рту, Лера была

готова попадать под машину каждый день, если за рулем будет сидеть кто-то вроде Таминой.

Оказалось, что мама Литвиновой и Тамина были знакомы. Кто бы сомневался. Был ли в городе кто-нибудь важные и знаменитый, кого не знала бы мама Литвиновой?

Войцеховская уселась рядом с Таминой и смотрела ей в рот. Вот какой она может быть... Тихой, примерной, заискивающей. Она очень хотела понравиться Таминой и так искрилась подобострастием, что больно было смотреть.

— Мы тоже участвуем в вашем конкурсе, Александра Даниловна. Наш директор хочет выиграть.

— Он у вас такой инициативный, — улыбнулась Тамина. — Не очень вас достает?

Они засмеялись.

— Еще как достает, — кивнула Лера.

— Он хочет, чтобы только отличники снимали ролики для конкурса, — сказала Войцеховская.

— А вот это полное свинство.

Они снова рассмеялись.

— Надеюсь, вы этого не допустите.

— Ни за что! — Войцеховская стукнула кулаком по столу. — Мы хотим выиграть конкурс.

— Я буду болеть за вашу школу.

— Вообще-то это нечестно, — сказала Лера.

— Почему?

— Вы же судья!

— Я всего лишь организатор. И спонсор. Так что не волнуйся, Лера. Я имею право болеть за кого угодно. А в вашей школе я проработала целых полгода. Поэтому она мне особенно дорога.

— Тогда приходите на праздничный концерт. На следующей неделе нашей школе восемьдесят лет, — сказала Войцеховская.

— Да, я знаю. Дмитрий Александрович прислал мне приглашение... Как только огласили результаты выборов.

И они опять захохотали.

Все, что говорила Тамина, почему-то звучало смешно. С ней было очень легко. Сорок восемь минут в кафе, и Лере казалось, что она знает Тамину всю жизнь. Она была супер. Ни с кем из взрослых (да и ровесников, чего уж там говорить) не было так интересно. Она разговаривала с ними как с ровней, без снисходительно-покровительственного тона, которым разговаривали учителя (когда не орали). Тамина была настоящая. И очень красивая. Даже Литвинова была не такая красивая по сравнению с ней. А еще она здорово смеялась. Рядом с ней все казалось простым и решаемым.

Разобраться с одноклассниками, которые снимают твоего брата на видео и выбрасывают учебники в унитаз?

Легко.

Решить вопрос с семестровой двойкой по литературе?

Элементарно.

Вернуть браслет чудовищу из древней легенды?

Раз плюнуть.

Точно!

— Александра Даниловна, а вы можете нам еще помочь? — выпалила Лера.

Тамарина, которая вкладывала банковскую карточку в меню, улыбнулась и кивнула так, что сережки — треугольная в правом ухе и круглая в левом — энергично закачались.

— Просите, чего хотите. У меня сегодня хорошее настроение.

— Миллион долларов! — выпалила Войцеховская.

— Не настолько хорошее, — засмеялась Тамарина.

— Мы ищем одного человека, — сказала Лера. — Учительницу, которая раньше у нас работала. В школе нам дали адрес, но оказалось, что это съемная квартира. И там она больше не живет.

— А нам очень надо ее найти, — поддержала Литвинова.

— Ничего не обещаю, но попробую. Как зовут вашу учительницу? — спросила Тамарина, поднимая телефон к уху.

Один звонок, и через девять минут настоящий адрес Коржиной был записан в телефоне Леры.

— Только подбросить вас туда не смогу, — сказала Тамарина. — Надо ехать на совещание.

Они распрощались с ней на ступеньках кафе. Легкой пружинящей походкой Тамарина сбежала вниз, села в свой мерседес. Через минуту он скрылся в потоке транспорта.

— Круто, — вздохнула Войцеховская. — Как же нам повезло, что она сбила Смирнову.

И Лера второй раз в жизни согласилась с ней.

О том, что в их городе есть Кроличий переулок, не знал никто. Ни Лера, ни Войцеховская, ни Литвинова. Маленькая улочка, всего несколько домов на самой окраине. Старые, двух-трехэтажные, с высокими окнами и облупленными стенами. Не дома, а мерзкие бородавки на белоснежном снегу. Пара кондиционеров и пластиковые рамы, встречающиеся то там, то тут, выглядели инородно, неестественно. Неудивительно, что Коржина снимала квартиру в другом месте. Удивительно, что она сюда вернулась.

— Вторая квартира на первом этаже, — сказала Войцеховская, показывая на нужный дом. — Идем.

На подъезде не было ни кодового замка, ни домофона. Только тугая деревянная дверь, которую пришлось дергать втроем. Внутри было очень много места. Слишком много. Высоченный потолок, лестница с коваными перилами. Ступеньки были выщерблены во многих местах. Подниматься надо было осторожно. Лера оступилась, ударилась бедром о перила. Ойкнула. Эхо гулко разнесло ее голос по всему подъезду.

— Тише ты! — прикрикнула Войцеховская, но, несмотря на суровый тон, Лера видела — Войцеховской страшно.

Дом выглядел угрюмым, угрожающим. Черные двери квартир подсматривали за ними сквозь неплотно закрытые веки, ступеньки грозили в любой момент провалиться под ногами, зеленые стены пугали темными подозрительными подтеками... Все было ловушкой. Все кричало об опасности.

— Давайте положим браслет на коврик, позвоним и уйдем, — шепотом сказала Литвинова.

— Масенькая Ксюсечка боится? — усмехнулась Войцеховская и долбанула рюкзаком по перилам. Грохот понесся до верхнего этажа.

— Дура.

— Зато я не бухаюсь в обморок, если вокруг нет евроремонта.

— Заткнитесь! — сказала Лера.

Их злость мешала слышать. А ведь стоит только замолчать, застыть на месте, и можно будет уловить, что думает, чувствует, переживает этот старый дом. Полный идиотизм. Дома не могут думать или переживать. Но где-то здесь были эмоции. Очень сильные. Очень... страшные.

Лера поежилась.

— Чего? Ты что-то чувствуешь? — прошептала Литвинова.

— А ты что чувствуешь?

— Жуткое местечко, девки, — сказала Войцеховская. — А я была уверена, что мой хаус самый отстойный дом в городе.

— Давайте сделаем все быстрее и пойдём отсюда, — пробормотала Лера.

Дверь второй квартиры ничем не отличалась от других. Такая же черная, потрепанная временем и жильцами. За ней, скорее всего, обычная квартира, где живет учительница химии Коржина Елена Владимировна. И нет ни одной разумной причины бояться до дрожи в коленках.

— Позвоните кто-нибудь, — сказала Литвинова.

— Не надо. — Лера показала на дверь. — Здесь открыто.

Крохотная щелка между черным деревом и зеленой штукатуркой. Чья-то забывчивость? Или приоткрытая пасть в ожидании добычи?

Лера протянула руку, чтобы постучать.

— Девчонки... Подождите... — Литвинова говорила так тихо, что Лера едва узнала ее голос. — Надо еще кое-кто вернуть... Не только браслет.

Она сосредоточенно рылась в рюкзаке.

— Свистнула что-то, принцесса? — хохотнула Войцеховская. — А говорила, что в завязке...

Войцеховская не удивлялась — она злорадствовала. Литвинова не оскорблялась — ей было стыдно.

— Вы вообще о чем? — нахмурилась Лера.

— Тебя не касается! — Литвинова наконец нашла то, что искала. — Вот. Держи.

Она сунула Лере непрозрачную пластиковую папку.

— Дай сюда!

Войцеховская выхватила у Леры папку, открыла ее и вытащила тетрадь в искрящейся черной обложке.

— Да чтоб тебя! — Она разжала руки, и тетрадь плюхнулась на грязный пол.

— Зачем ты ее взяла? — прошептала Лера.

— Я хотела показать папе...

Войцеховская хмыкнула.

— И чего? Показала?

Литвинова молчала.

— Это из-за тебя за нами тащится Хозяйка! Плевать ей на браслет. Ей эта штука нужна! — Войцеховская пнула тетрадь носком ботинка. — Какая ж ты дура, Ксю. Еще хуже Смирновой.

— Ты самая умная, ага. — Лера наклонилась и быстро подняла тетрадку. Обложка все так же приятно грела, но держать ее в руках было страшно. Как будто в любой момент

оттуда могло выпрыгнуть чудовище.

— Ты тоже взяла браслет!

— Так это браслет!

— Ну и что! Я же не знала, что это такое! Думала, просто исторический документ...

— Вот лучше не думай в следующий раз! У тебя фигово получается!

— Все! Заткнитесь! — рявкнула Лера. — Спасибо, Ксю.

Литвинова, вся в красных пятнах, с причудливым узором из раздражения и раскаяния над головой, удивилась.

— За что?

— За то, что отдала дневник. Теперь давайте уже сделаем это!

Лера постучала в косяк и приоткрыла дверь еще сильнее.

— Эй, есть тут кто-нибудь? Елена Владимировна?! Мы из школы!

Тишина.

— Заходим, — скомандовала Войцеховская и втокнула Леру внутрь.

В прихожей все было гораздо симпатичнее, чем можно было ожидать. Стены, покрашенные в спокойный персиковый, на полу ковер, палка-вешалка для одежды с короткой дубленкой.

И снова никого.

— Алло, есть кто живой? — крикнула Войцеховская.

Никто не ответил. Осторожно ступая, Лера пошла по длинному узкому коридору. Вопреки ожиданиям, под ногами ничего не скрипело. Дом мог быть сколь угодно старым, но в этой квартире ремонт делали на совесть. Первой шла кухня. Никого. Только чайная чашка на столе. Дальше небольшая комната — кровать, небрежно закинутая покрывалом, шкаф с открытыми дверцами. Казалось, здесь только что кто-то был. Был и отошел, буквально на минуту. На кухню выпить чаю... или в соседнюю комнату...

Соседняя комната была в конце коридора. Поверни назад. Сейчас. Лера даже обернулась, чтобы посмотреть, кто это сказал. Но Литвинова и Войцеховская шли за ней молча, да и голос звучал не в ушах, а в голове.

Беги.

Поздно. Рука тянется в дверной ручке, девчонки дышат в спину. Не понимают, наверное, почему она медлит. А, может быть, понимают. Они тоже читали дневник. Они тоже чувствуют...

Беги.

Дверь открылась бесшумно.

А за ней была кровь.

Кровь была повсюду. На светлом полу, на стенах, на плоском телевизоре. На ковре, на письменном столе, на диване в черную клетку. На потолке. Кровь капала с люстры, которая хрустальным осьминогом раскинула щупальца над головами. Словно кто-то могучий выплеснул в комнате бочку с краской. Только это была не краска.

Пахло сладковатой гнилью, свежеразрытой землей, какими-то духами — вон, под столом валяется изящный флакон. Странно, как мелочи отпечатывались в сознании. Опрокинутый стул. Разодранный край ковра. Крупный желтый ромб на кремовых обоях, ромб в мелкую бурую крапинку. Глаз видел сначала это. И мозг сначала отмечал лишь это. Только потом, внезапно, как будто кто-то сдернул ткань, под которой прятался ужас, стало ясно, что в комнате есть кое-что еще...

Сзади закричала Литвинова. Тонко, пронзительно, как маленький ребенок. Войцеховская молчала, но Лера шеей чувствовала ее дыхание. А, может быть, это ей только казалось, потому что ее собственное дыхание — прерывистое, напряженное — заполняло сейчас мир.

Комната была вся в ошметках плоти. Лишь отдаленно в них можно было угадать части человеческого тела: несколько пальцев на торчащей косточке, половина стопы, прядь волос с кусочком свисающей кожи, похожей на ухо... Голова лежала под столом — к счастью, затылком. Спутанные темные волосы, достаточно длинные, чтобы растянуться сеткой по полу. Они шевелились — то ли от сквозняка из открытого окна, то ли из-за игры воображения, то ли потому что творилась настоящая чертовщина и голова действительно перемещалась на ножках из волос как громадный, отвратительный паук.

Комната закружилась перед глазами. Красное, бежевое, черное как стеклышки калейдоскопа — один рисунок, второй рисунок, третий... А в центре — никуда от нее не деться — голова с волосами, расползающимися как черви...

Сзади завизжали. Топот ног, хлопанье дверей. Кажется, девчонки убежали.

Лера не могла пошевелиться. Она знала, что нужно бежать. Нельзя оставаться в квартире с растерзанным трупом. Но как бежать, если у нее больше не было ни ног, ни рук? Если от нее остались одни глаза, и все, что они могли делать — это смотреть на то, как волосы мертвой женщины колышутся от сквозняка...

— Ты чего тут застряла? Полицию ждешь?

Резкий мальчишеский голос грохотнул по ушам как барабанная дробь. Лера пошатнулась. Почувствовала, что ее крепко схватили за локоть.

— Валим отсюда, Смирнова!

Медленно, постепенно вспоминая, что это такое — двигаться, Лера повернула голову...

И увидела Горелова.

— ТЫ СЛЕДИЛ ЗА НАМИ??? СЛЕДИЛ, ПРИДУРОК??? ГОВОРИ!!! БЫСТРО!!!

Войцеховская орала так, что стая голубей с шумом взлетела и чинно расселась на проводах, а строители, устроившие перекур на противоположной стороне площадки, все как один повернули к ним головы.

По соседству с Кроличьим переулком шла стройка, и они, удирая от дома Коржиной, забежали во двор будущей многоэтажки. Лера повалилась на бетонную плиту, держась за бок и хватая ртом воздух. Литвинова, тяжело дыша, села рядом. Войцеховская — чертова спортсменка — наступала на Горелова и вопила так, будто не бежала только что стометровку на первенство мира.

Ярость была везде — в лице, в голосе, глазах, словах и сжатых кулаках Войцеховской. Но над ней бушевал, выбрасывая багровые языки, чистый страх. Она боялась и поэтому орала. Боялась и потому была готова наброситься на Горелова с кулаками.

Он не двигался и никак не реагировал на угрозы. Машинально Лера зачерпнула пригоршню его ледяного спокойствия, вылила на пылающее вино своего ужаса. Стало чуть легче.

Она села. Недостроенный дом в виде буквы П надежно отгораживал их от дороги, и это было хорошо. Повсюду валялись кирпичи, арматура, мешки с мусором. Строительные машины проложили вдоль дома глубокие колеи. Они были заполнены грязной кашей из земли и снега, в которой Лера была измазана по колени. Кажется, она падала по дороге. Но когда именно? Где?

— Заканчивай орать, Войцеховская, — сказал Горелов негромко. — Уши болят.

Он обошел ее, словно она была столбом, и сел на плиту с другой стороны от Леры. Она не видела его лица: он как обычно сильно надвинул капюшон толстовки на лоб. Но от того, что он просто молча сидел рядом, Лере становилось спокойно, как будто его настроение само по себе перетекало к ней.

— Я С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ, ГОРЕЛОВ!

— Сейчас кто-нибудь придет на твои вопли. — Лера махнула в сторону строителей.

— Вы знаете, кто там был? В квартире? — Литвинова смотрела прямо перед собой и раскачивалась взад-вперед. — Эта учительница... Химичка... Елена Владимировна... Я ее узнала... по волосам...

Темные длинные волосы, шевелящиеся на оторванной голове.

Леру затошнило.

— Держи. — Горелов протянул ей мятную жвачку. Со жвачкой и правда стало полегче. А, может быть, дело было в его присутствии...

— Если ты хоть кому-нибудь пикнешь, что видел в той квартире... — начала Войцеховская.

— А что я видел? Кто-нибудь объяснит?

— Лучше не надо, Тим, — прошептала Литвинова.

— Вали домой, Горелов! — рявкнула Войцеховская. — Ларисе скажешь, что нас не видел. И вообще забудь, что был в той квартире. Все ясно?

— Да не вопрос. — Он встал, поправил рюкзак на плече. — Я только думал, вы хотите узнать, что делать, когда Хозяйка до вас доберется. Но раз вам не надо, окей.

Горелов обошел арматуру, торчащую из земли, дошел до кирпичной горы. Перепрыгнул через грязную лужу.

И только тогда до Леры дошло, что он сказал.

— Тимур! — закричала Литвинова. — Подожди, Тим!

Они рванули за ним, толкаясь и спотыкаясь. Лера снова провалилась в колею, зачерпнула полный ботинок грязного подтаявшего снега.

Горелов остановился. Они подбежали и встали перед ним. Никто не знал, что сказать. Недоумение, шок, страх — все перемешалось.

— Откуда ты знаешь про Хозяйку? — спросила Лера шепотом.

— Я тоже читал дневник.

— Ты тоже можешь... как мы?

— Нет. Только девчонка может стать повелительницей эмоций.

— Шикарно звучит, — хмыкнула Войцеховская. — Повелительница эмоций.

— Спасибо. Это я придумал.

— А мы крутые, йо! — Войцеховская растопырила пальцы.

— Ты думаешь?

Клетчатый диван, забрызганный кровавыми пятнами.

Ничего крутого.

— Теперь Хозяйка до нас не доберется, — сказала Войцеховская с вызовом. — Ты видел, что от нее осталось. Там, в квартире.

Кусочек пальца, висящий на спинке стула.

— Лера, ты как? — Тревога метнулась к ней от Горелова, обвила как заботливая рука. Или на самом деле его рука подхватила ее, уберегла от падения?

— Сядь. — Он усадил Леру на мешок со строительным мусором. — Химичка — не Хозяйка. Она такая же повелительница, как и вы. Неужели вы не поняли? Она заигралась, перегнула палку. Хозяйка ее почувствовала и пришла за ней.

— А чего это мы должны тебе верить? Ну прочитал ты дневник, окей. Мы тоже читали. И можем больше тебя. И знаем тоже больше. Так что не гони пургу-

— Что вы знаете? Вы ничего не знаете про Хозяйку!

— Мы ее слышали! Она за нами охотится!

— И что? Как это поможет вам выжить?

— А ты то откуда знаешь, как нам выжить? В дневнике тоже прочитал?

Горелов молчал.

— Тим, правда. Рассказывай. — Литвинова подошла к нему ближе, положила руку на плечо. — Ты появляешься такой неизвестно откуда. Рассказываешь всякие ужасы. Почему мы должны тебе верить?

— Хозяйка убила мою мать.

Печаль. Бесконечная тихая печаль, светлая, как его глаза.

— Как это... Я же была у тебя дома, — растерянно пробормотала Литвинова. — Я ее видела...

— Тетя Катя и ее муж — друзья моего отца. Я живу у них. Пока. Временно.

Литвинова всхлипнула, закрыла рот ладонью. Войцеховская выпятила вперед нижнюю челюсть. Лера почувствовала, как защипало в глазах. Нет. Не будет она реветь. Не будет. Не...

— Мой отец собирал информацию про Хозяйку. Он посвятил этому всю свою жизнь.

Гонялся за ней по всему миру... Ну и я с ним. Когда вырос...

— А сейчас он где? Что с ним?

— Он пропал год назад. А мне пришлось переехать к тете Кате. Она мой официальный опекун. Оказалось, отец успел оформить все нужные документы. Он предчувствовал, что так может получиться.

— Тим, я не знала... — Литвинова плакала, не скрываясь.

— Никто не знал, Ксю. Не реви. Это прошлое. Сейчас надо думать о другом. Сейчас Хозяйка идет за вами-

— Мы знаем, как от нее избавиться, — сказала Войцеховская. Ее страх смешивался с вызовом, как страх Литвиновой — с жалостью.

— И как же?

— Мы вернем ей ее вещи, и она нас отпустит. Слышал про такое?

— Вернете то, что ей принадлежит? — Горелов усмехнулся. — И что вы собираетесь ей отдавать?

— У нас есть ее браслет.

Он не ее, подумала Лера. Он Коржиной.

А у Коржиной больше нет рук, чтобы его носить.

— Зачем Хозяйке не нужен ваш браслет? Он ей сто лет не нужен.

— Но там было написано! В дневнике было написано. Смирнова нам читала! — Войцеховская ткнула пальцем в плечо Леры. — Я помню!

— Так это же не ее браслет, — сказала Лера. — А химички. Горелов прав.

— Дневник! — выпалила Литвинова. — У нас ее дневник! Мы его вернем, и она- Горелов вздохнул.

— Дневник ей тоже не нужен. Вы прочитали дневник, вы приобрели умение управлять эмоциями. Вот что принадлежит Хозяйке. Вот что она хочет вернуть.

— Но как... Как она может это вернуть? — У Войцеховской кончился крик, остался только шепот. — Это же у нас в голове.

Оторванная голова, на которой шевелятся волосы...

Как они не понимают? Это же так просто.

— Мы видели... — через силу выговорила Лера. — Там, в квартире. Чтобы вернуть, надо умереть.

— ЧЕГО? Смирнова, ты бредишь! ТИИИИМ! — Литвинова затрясла его руку. — Скажи это бред, да? Скажи, Тимур!!!

Отчаяние. Везде. В сердце, в глазах, в голосе. Отчаяние давило на них бетонной плитой. Если она права — а она права, ведь Горелов молчит, и только грусть идет от него, только сочувствие — то спасения нет. Хозяйке нужно то, что стало их частью. Она выследит их, выпотрошит, раздерет на куски. Вернет свое. Как она это делает? Нож... когти... зубы... Что есть у призрачного монстра, чтобы забрать свое? Очень скоро они узнают.

Волосы ползут прочь от оторванной головы.

Светлые волосы Войцеховской.

Каштановые — Литвиновой.

Русые волосы.

Лерины.

Литвинова опустила в снег там, где стояла. Войцеховская не шевелилась. Только злые слезы катились по щекам.

— С ней можно-

Лера закашлялась, пытаясь найти нужные слова. Они были совсем рядом, но как их найти...

— Что?

— Как-то справиться? Есть хоть какой-нибудь способ?

— Никто не смог.

Горелов смотрел Лере прямо в глаза, и только поэтому она еще не заревела, не закричала, не рассыпалась на кусочки. Она держалась — лишь потому, что он держал ее.

— Но до сих пор не разу не было трех Повелительниц сразу-

Войцеховская встрепенулась.

— И что?

— Есть шанс...

— Тимур, дурак! — Литвинова с нервным смехом вскочила на ноги. — Почему ты сразу не сказал?!

— Это очень маленький шанс. Вместе вы можете попробовать заманить Хозяйку в ловушку и уничтожить ее. Тогда вам больше ничего не будет угрожать. В одиночку с таким не справиться, но вас трое. Поэтому есть надежда-

— Так-так, тормозни, Горелов, — прищурилась Войцеховская. — Хочешь сказать, что мы должны сразиться с этой штукой и победить ее? Убить?

— Типа того.

— Должны убить жуткого монстра, который вонтам разодрал на куски взрослую тетку?

— Я не говорю про убить. Я говорю, что ее можно поймать в ловушку-

— ДА ОДИН ЧЕРТ! Горелов, я близко не подойду к этой штуке, ясно тебе??? Эти дурки могут делать, что хотят, но с меня хватит! Я жить хочу. Долго и счастливо. Я сегодня же соберу вещички и свалю к тетке! Она у меня в Питере живет. В Питере эта тварь меня не найдет!

— Логично, Тим, — быстро сказала Литвинова. — Зачем кого-то убивать, если можно уехать? Я тоже могу. Мама давно предлагает мне школу в Англии. Смирнова, а ты? Сможешь куда-нибудь уехать?

— Я не знаю-

— Она найдет вас, где угодно.

— Не смейся меня! — заорала Войцеховская. — У нее что, встроенный джипиэс трекер? Откуда она узнает, где мы?

— Ей не нужен джипиэс. Вы сами себя выдадите. Каждый раз, когда вы будете менять эмоции, она будет вас видеть. Чем сильнее будет изменение, тем ярче вы для нее будете сиять. А когда она вас засечет, то легко доедет хоть до Лондона, хоть до Питера. Хоть до Лимпопо. Единственный способ спастись — это победить ее-

Но это не могло быть единственным способом. Должно было быть что-то еще.

— Она нас чувствует только, когда мы меняем эмоции? — медленно спросила Лера. — Значит, если мы ничего не будем менять, она нас не найдет? Если мы совсем ничего не будем делать... Если будем жить так, как раньше, до этого чертового дневника? Она просто не сможет нас увидеть?

— СМИРНОВА, ТЫ ГЕНИЙ!

Войцеховская налетела на Леру, обхватила за голову, сбила шапку.

— Я всегда знала, ты только притворяешься идиоткой!

— Тим... Так можно? — Литвинова по-прежнему не выпускала руку Горелова. — Мы будем для нее как обычные люди. И нам не придется никуда уезжать.

— Ну я то не против свалить из этой дыры, — захохотала Войцеховская.

— Вы не сможете, девчонки. Не сможете жить так, как раньше. Вы изменились. У вас не получится-

— У нас не получится убить монстра!

Лера поправила шапку, встала.

— Ты кем нас вообще считаешь, Горелов? Ангелами Чарли? Охотниками за привидениями? Меня выворачивает наизнанку, как только я подумаю про ту квартиру!

— Я согласна, — закивала Литвинова. — Мы потеряли дневник, и слава Богу. Забудем вообще обо всем. Будем жить, как раньше. Никаких нечестных лайков...

Она посмотрела на Войцеховскую.

— Да все ясно. Только учти, Ксю... ты тоже к Чернецкому не лезь.

Литвинова покраснела, кивнула.

— Вы не сможете-

— Ты откуда знаешь, что мы сможем, а что нет? Ты ненавидишь Хозяйку из-за того... из-за своей мамы. Хочешь нашими руками отомстить? Извиняюсь, не интересно. Сам разбирайся.

— Ты дура, Войцеховская. Я хочу вам помочь.

— Пошел ты, Горелов! Чао.

Войцеховская подняла с земли свой рюкзак и зашагала к дороге.

— Надька права, Тим, — сказала Литвинова с сожалением. — Так будет проще всего. Мне очень жаль твою маму...

— Дело не в ней. Вы обречены. Она уничтожит вас поодиночке-

— Все, Тим, пока. Завтра увидимся.

И Литвинова зашагала вслед за Войцеховской.

— У нас получится... Тимур, — сказала Лера тихо. — Это лучше, чем то, что ты предлагаешь. Нам никогда не справиться... с Ней.

Горелов молчал.

— Спасибо за жвачку.

— Не за что.

Лера развернулась и не спеша пошла к дороге. Нужно было ступать осторожно, чтобы не подскользнуться, не упасть...

— Только не забудь, о чем я говорил, — услышала она его голос. — Приходи. Когда поймешь, что пришло время.

Утро пахло пирогом, уютом, спокойствием. Лера лежала в кровати, не открывая глаз, и знала, что сегодня можно лежать так хоть целый час. Сегодня было воскресенье. По воскресеньям мама готовила особенно вкусный завтрак, потом тщательно красила глаза, и они втроем куда-нибудь отправлялись — в парк, кино, на выставку или просто бродить по городским улицам, обсуждая все на свете. Они планировали развлечение заранее, чтобы можно было предвкушать всю неделю и чтобы Герман не нервничал из-за неизвестного мероприятия. Сегодня их ждали «Мстители», и, несмотря на все то, что случилось вчера, несмотря на мрачный груз, висевший в памяти, Лера была счастлива. Надо будет постараться купить билеты на тот самый ряд, где они сидели с Антоном. Тогда она сможет сесть на место Аринэ и весь фильм представлять, что он сидит рядом и держит ее за руку.

— Мам, давай купим билеты заранее! — Лера влетела на кухню и замерла на месте.

Мама в джинсах и свитере торопливо нарезала пирог. Стол был уже накрыт — почему-то только для двоих. Две тарелки, две кружки с горячим какао. Кто из них не будет сегодня завтракать?

— Сегодня не получится с кино, Лерочка, — вздохнула мама. — Мне надо в школу.

— Зачем?

— Надо помочь. Концерт уже во вторник. Столько всего нужно сделать, ты понимаешь...

— Ну а почему сегодня то? Сегодня выходной!

— А когда еще, Лерочка? Мы же работаем, — грустно улыбнулась мама. — Все-таки восемьдесят лет школе не каждый день исполняется. Надо, чтобы все достойно прошло. Директор меня лично просил.

Нити маминого огорчения подернулись розовой дымкой нежности. При них мама никогда не называла Диму по имени. Только нейтральное «директор». Как будто они — да и вся школа — не знали про них.

Мама никогда не говорила с Лерой об этом, и Лера предпочитала об этом не думать. У мамы было полное право устраивать свою личную жизнь. Но почему этой личной жизнью должен был стать он? Это было просто... мерзко. Не потому, что Дима директор и мамин начальник. А потому что он сам мерзкий. Страшный, противный, несправедливый и вообще никакой. Мама заслуживала самого лучшего, а не его.

— Не ходи. Пошли его.

— Я не могу послать начальника.

— Можешь. Просто ты не хочешь идти с нами в кино, а хочешь идти к нему в школу.

— Неправда.

В мамином настроении появилась нотка недовольства, зернышко страха. Но были и ростки сожаления, угрызания совести, и — так странно было это видеть — капелька лени. Мама никогда не ленилась, никогда. Но идти сегодня в школу и работать целый день ей все-таки не хотелось.

Рука сама собой потянулась к угрызням совести и лени... Мама заслуживает выходной. Впереди сложная неделя. Она должна отдохнуть, сходить в кино, пообщаться с детьми...

Лера уже почти выцепила фисташковую нить сожаления, когда вспомнила.

На повелительницу эмоций охотится Хозяйка.

На обычную девчонку нет.

Она должна очень постараться быть обычной девчонкой.

— Лера, что с тобой? — встревожилась мама.

— Я нормально.

Лера глубоко вздохнула и отпила какао. Вчера казалось, что это будет легко. Всего-то не обращать внимания на чужое настроение, не пытаться ничего исправить. Но после того, как побыл суперменом, непросто было становиться обычным человеком.

— Директор хочет, чтобы во время концерта показывали конкурсные ролики. Надо экран найти, звук отладить, ролики просмотреть. На всякий случай. Без контроля никак. Представляю, что вы там снимали.

— Мы ничего не снимали, — пробормотала Лера с набитым ртом.

— Почему бы нет? Из вас с Герой получился бы отличный творческий дуэт.

Лера поперхнулась.

— Ну, Лерка, у него не настолько плохо с творчеством, — засмеялась мама.

— Тебе нельзя смотреть эти ролики!

— Почему?

— Потому что...

Как объяснить, что ролик Мюмлы — Войцеховской нельзя смотреть никому? Что за триста семьдесят восемь секунд она оскорбила всю школу? Что маме будет особенно больно это видеть — из-за Германа?

Объяснить это было невозможно. Гораздо проще по-быстрому подправить мамино намерение отбирать видео для показа. Если она очень-очень захочет заниматься чем-нибудь другим, ей будет не до роликов.

И снова призрачная рука выстрелила вперед.

От такого можно было только сбежать. Закрыться на задвижку в своей комнате, схватить гитару, отгородиться ритмом. Все быстрее, все громче, чтобы не слушать, как стучит сердце, а мама — в дверь. Чтобы успокоиться, чтобы восстановить дыхание. Чтобы забыть о Той, кто всегда рядом. Кто ждет, чтобы она оступилась, обнаружила себя.

Не дождется.

Лера вышла из комнаты, только когда мама ушла. Герман уже завтракал, просматривая что-то на телефоне. Лера села на свое место. Какао остыло, пирог больше не соблазнял. Скоро, очень скоро мама увидит этот чертов ролик. И будет снова плакать, как тогда, когда семиклассники швырялись в Германа камнями.

— Гера!/? Ты можешь удалить ролик Войцеховской со школьного сайта?

К Лере поплыло его недоумение, хотя брат даже не поднял голову.

— Ролик Мюмлы. Помнишь, нам Федор показывал?

— Могу.

— Удалишь?

Равнодушие.

— Нет.

Лера швырнула на стол чайную ложечку. Непрошибаемое спокойствие Германа раздражало. Перекинуть бы ему пригоршню своей тревоги, чтобы тут же помчался удалять ролик, забыв и про какао, и про ленту.

— Почему? Мне очень надо.

— Нет смысла. Она его тут же зальет обратно. Хочешь удалить ролик, попроси

Войцеховскую. Она тебе не откажет.

Над Германом поплыли персиковые нити. Лера фыркнула. Надо же. Кто бы мог подумать, что Герман умеет шутить.

Мама вернулась поздно. Лера снова закрылась у себя. Она не хотела разговаривать о том, что было в школе. Но, главное, она не хотела видеть, что мама чувствует на самом деле.

Воскресенье — самый лучший день недели — явно не удался.

Идти в школу в понедельник было страшно. Не так страшно, как обычно, а гораздо страшнее. Раньше все было привычно. Учеба — дерьмо, учителя — зануды, она — изгой, Герман — ярмо на шее. Милая, приятная, комфортная жизнь. Потому что знакомая. А что теперь? По ее следу идет чудовище, от которого нет спасения. Кошмар, который невозможно принять разумом. Древний сказочный монстр — да кто сейчас поверит в эту чушь?

Клетки дивана в красных каплях... волосы на полу... Каштановые, светлые, русые...

Каштановые.

Светлые.

Русые.

— Лера, ты идешь?

Зеленый сигнал светофора уже мигал. Герман, нетерпеливо приплясывая, стоял на зебре.

— Ты веришь в монстров, Гер?

— Монстров не существует.

— А если я его видела?

— Тебе показалось. Монстров не бывает.

Ни тени сомнения в карих глазах. Ни одной нити удивления в эмоциях. Что бы он сказал, если бы оказался с ними в той комнате?

Да то же самое. Если ты видишь то, чего нет, значит, твои глаза врут. Не врут только факты.

Монстров не бывает. Тебе показалось.

Как хотелось в это верить. Такая знакомая дорога, супермаркет, фонтан. Герман подбирает очередной камушек (что он будет делать, когда они закончатся, хороший вопрос). Это успокаивало. Делало мир нормальным и правильным. Таким, каким он должен быть. Теперь они пройдут между домами, выйдут к детской площадке, там будет тусоваться Войцеховская, которая опять начнет к ним цепляться. Сейчас от этой мысли было даже радостно. Потому что было понятно, как с этим справляться.

Они тусовались на обычном месте. Войцеховская сидела на скамейке, Задорин рядом с ней. Тимченко и Грибанов торчали за спинкой. Еще двое парней из параллельного класса — Лера не помнила, как их зовут — ржали над чем-то, заглядывая Войцеховской через плечо.

Удивительно, как приятно было их видеть.

Как приятно было испытывать простую человеческую ненависть.

Задорин увидел их первым. Встал, засунул руки в карманы. Заулыбался. Улыбка делала его красивое лицо таким уродливым. Или дело было в грязно-желтой злобе, поросычем самодовольстве, предвкушении быстрой потехи, что роились над его головой как кучка навозных мух?

Лера с удовольствием вспомнила ледышку, которой запустила в него в последний раз. Вот это она была бы рада повторить.

— Эй, Смирнов, а ты-

— Отвали от них, — резко сказала Войцеховская.

Вокруг Задорина засияло удивление.

— Надь, ты чего?

Войцеховская подняла глаза от телефона, скривилась

— Да пусть валят. Достали уже.

Она могла обмануть кого угодно, но только не Леру. Как и вчера, Войцеховскую терзал страх. Только сегодня к страху примешивалась решимость, желание удержаться. Оно было сильнее, чем у Леры, сверкало как кристалл среди зарослей паники.

— Ну чего встала, Смирнова? Топай в школу, а то опоздаешь. Мамочка будет ругать.

— Удали ролик.

— Чего? Какой ролик?

Задорин заржал.

— Она про Мюмлу, Надь.

Раздражение Войцеховской метнулось в сторону Задорина. Но он — вот идиот — ничего не заметил.

— Удали этот ролик. Пожалуйста.

На одну секунду Войцеховская заколебалась. Промелькнуло бледное сочувствие... Или это только показалось Лере?

— Отвали, Смирнова. Такое нельзя удалять. У меня пятьсот двадцать восемь лайков. Не хочешь тоже лайкнуть?

И правда, почему бы нет. У Мюмлы получился не такой уж плохой ролик. Он точно был лучше, чем остальные. В нем была оригинальность. Германа жалко, и маму тоже, но он действительно бывает неадекватен. Разве это не правда? Маме давно пора это признать. У Войцеховской талант, она далеко пойдет...

Краешком глаза Лера уловила движение призрачных рук Войцеховской, которые искусно вплетали в ее эмоции восхищение.

— ТЫ ЧЕГО ТВОРИШЬ???

Войцеховская сидела, не шевелясь, сжимая в руках ненужный сейчас телефон. Она даже не слышала Леру — вся была поглощена тем, что творили ее вторые руки.

Лера выхватила у нее телефон, швырнула его в сугроб. Войцеховская заморгала. Где-то в глубине голубых глаз забрезжило осознание.

— Быстро достала! — заорал кто-то.

Леру толкнули в бок, она рухнула в сугроб вслед за телефоном. Кулак Грибанова у ее носа, ярость пламенеет вокруг его неандертальской физиономии. Поделиться с ним страхом... посмотреть, как он задрожит словно кролик... может, спрячется под скамейку... или за спину Войцеховской.

Лицо Грибанова пошло серыми пятнами, толстые губы задрожали...

НЕТ! Я НЕ ДОЛЖНА! ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО!

Лера повалилась лицом в ледяной снег.

Когда она подняла голову, рядом был только Герман.

— Что с тобой?

— Все нормально.

— Ты так долго лежала. Я уже собрался звонить на сто двенадцать.

— Я в порядке.

Лера встала. Бок болел после удара Грибанова, лицо горело после снега. Бедный

Герман. Вот уж неожиданное отклонение от графика.

— Идем? Урок начнется через семь минут.

— Идем, — кивнула Лера. — Спасибо, что не ушел, как в прошлый раз.

— Я не должен тебя бросать никогда и нигде.

— Спасибо...

От его неожиданного признания слезы навернулись на глаза.

— Так мама сказала.

Ну почему, почему он никогда не может заткнуться вовремя?

Это был самый ужасный день в жизни. Леру физически трясло. Она не могла ходить, разговаривать, смотреть по сторонам. Она могла только сидеть, уткнувшись лбом в парту, закрыв уши руками, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать. Вокруг были тонны эмоций. Она не видела лиц, не слышала голосов. Только чувства. Огорчения, обиды, страсти, страхи, насмешки, злость, симпатия, ненависть, любовь, все на свете. Она слепла от ярких цветов, глохла от шепота. Измени... ты можешь... ты повелеваешь миром...

Пусть Наиля поставит тебе пять вместо тройки...

Пусть Рыжкова подарит свой крутой серебряный браслет...

Пусть Задорин при всех извинится перед Германом...

Пусть Лариса похвалит твоё сочинение так, чтобы все лопнули от зависти...

Пусть все лопнут от зависти... от желания дружить с тобой... от желания любить тебя...

Пусть Антон...

С всхлипом Лера выскочила в коридор. Ей повезло — как раз звенел звонок, и ее никто не услышал. Сердце колотилось так, что перед глазами все плыло. Она не может здесь находиться... Ей плохо... Она больна...

Лера спускалась по лестнице, цепляясь за перила из последних сил. Ее толкали, задевали. Ей что-то кричали. Но люди вокруг перестали быть людьми. Они превратились в цветные пятна, и каждое такое пятно несло в себе смертельную опасность. Хозяйка придет за ней, как только она себя обнаружит. Вчера Лера не сомневалась, что сможет легко контролировать себя. Сейчас она не была уверена, что контролирует хоть что-нибудь.

— Отдай! — Высокий детский голос был полон отчаяния.

Лера сфокусировалась. Внизу лестницы стоял мальчишка — лет десять, не старше. Светленький, растрепанный, перепуганный. Над ним навис Задорин. Он зажимал что-то в кулаке, держал это высоко над головой мальчишки. Грибанов и те, из параллельного класса плотной стеной отгораживали их от остальных.

— Отдай!

— А то что? — Задорин упивался своей силой, упивался унижением другого человека. Он хотел видеть слезы, хотел, чтобы его умоляли. Облако черной пыли крутилось над ним, то там, то здесь пронзаемое малиновыми вспышками наслаждения. Он кайфовал.

И Лера не выдержала. Она кинулась вниз, прыгая через ступеньки.

— ОТДАЙ ЕМУ!

Но крик был не нужен. Вполне хватило двух элегантных, уверенных движений. Одна рука взяла панику светловолосого мальчишки... Вторая выцепила нить самодовольства у Задорина, и вот уже страх побежал по венам, застучало сердце, пересохли губы. Вот уже Задорин корчится, белеет, разжимает пальцы. Какая-то игрушка — пустяк, машинка — падает вниз. Мальчишка хватается ее. Он не понимает, что происходит, но счастлив. А Лера со всей силы, в реальном мире, бьет Задорина по лицу...

И снова слышит этот звук. Завывание ветра, пытающегося пробить невидимую завесу, отделяющую наш мир от того.

Лера вбежала в кабинет, толкнув Тарусова. Мельком отметила, как он замахнулся, скривился, увидев ее. Ей было все равно. Пусть думает, что хочет. Главное, что он был на своем месте, на второй парте у окна.

Лера протиснулась между Романовой и Крюковой, обошла Антона. Впервые в жизни не посмотрела на него. Сейчас имел значение только один парень, черноволосый, смуглый, в серой толстовке, который неторопливо вытаскивал алгебру из рюкзака.

Тимур.

— Ты был прав, Горелов, — сказала Лера громко, не думая, что ее может кто-то услышать. — Это просто кошмар. У меня ничего не получается. Надо что-то делать. Я согласна.

Кто-то присвистнул, кто-то захохотал.

— Горелов, спасайся...

— Удирай, Горелов, мы прикроем.

— Ну ты влиииип...

— Смирнова запала на Тимура!

Не говоря ни слова, Горелов раскрыл рюкзак, сгреб туда все, что лежало на столе, застегнул молнию и встал.

Смешки резко смолкли. Перед тем, как смеяться, стоило разобраться, в чем дело. Явно происходило что-то, до сих пор невиданное.

Если б они только знали, насколько.

— Тим, ты куда? — обалдело спросил Антон.

— Потом. — Горелов кивнул Лере. — Идем.

В гробовой тишине они пошли к двери. Их провожали лица — насмешливые, удивленные, с вытаращенными глазами и отвисшими челюстями. Лишь два человека не смотрели им вслед. Ксю Литвинова сидела на своем месте, обхватив голову руками. Надя Войцеховская снимала что-то за окном, сжимая телефон побелевшими пальцами.

Дверь кабинета закрылась за ними с оглушительным грохотом. Или это лишь показалось Лере, потому что все теперь для нее было «чересчур» — и звуки, и запахи, и эмоции.

— Ты правильно решила, — тихо сказал Горелов. — Мы справимся.

Он протянул Лере руку. Она вцепилась в его пальцы и сразу почувствовала себя лучше. Он был такой спокойный. Такой решительный и уверенный в себе...

Дверь хлопнула снова. Так же громко, как в первый раз. Лера обернулась. В коридоре стояли Войцеховская и Литвинова. Обе бледные, обе с рюкзаками.

— Мы с вами! — крикнула Войцеховская. — Давайте прижучим эту сволочь.

И Горелов впервые улыбнулся не только губами, но и глазами.

На математичку они налетели, когда спускались по лестнице. Она быстро поднималась, не отрывая глаз от телефона (а им вечно приказывают телефоны спрятать), не видела никого и ничего. Можно было аккуратно прокрасться мимо, она бы не заметила. Но привычка оказалась сильнее.

— Здравствуйте! — машинально сказала Лера.

Горелов обернулся на нее, постучал пальцем по лбу.

Математичка вскинула глаза.

— Смирнова! Войцеховская! Литвинова! — Она удивлялась и ничего не подозревала. Пока не подозревали. — Почему вы не в классе? Тимур?

— Там кабинет затопило, Ирениванна, — торопливо проговорил он. — Мы к завхозу.

Как у него это получалось? Если бы Лера сочинила что-нибудь в этом духе, математичка ни за что бы не поверила. Но от Горелова шли волны такой неотразимой, спокойной уверенности, что Ирина Ивановна растерялась.

— Как это? Батареи, наверное, прорвало... А остальные где?

— Прибираются! Ведра ищут. Там же с потолка льет!

— Ребята, подож-

Но они уже бежали по лестнице дальше. Завтра им непременно влетит. Но кого сейчас волновало, что будет завтра?

Они вихрем пролетели мимо охранника, который только и успел, что поднять голову от сборника сканвордов. Спрыгнули с крыльца, побежали к воротам. Напротив школы стоял длинный дом с арками, ведущими во внутренний двор. Ученики часто бегали туда на переменах, курить, потому что из школьных окон было не разглядеть, что происходит в арке.

Там они остановились. Лера привалилась к холодной стене, исчерканной мелом. Если постараться, можно было разглядеть остатки уравнения любви. Вперемешку с матом.

— Кабинет затопило! — расхохоталась Войцеховская. — Горелов, ничего умнее не мог придумать?

— Ирина нас убьет, — вздохнула Литвинова.

— Тогда ей придется встать в очередь, — пробормотала Лера.

Горелов засмеялся.

— Тебе нужны проблемы с учителями — нахмурилась Литвинова — У меня по алгебре четыре сорок пять, а после такого она мне пятерку не поставит!

— Это точно сейчас неважно, Ксю.

— Вообще-то да... Прости...

Литвинова взяла Горелова под руку. Повисла на нем безвольной испуганной тряпочкой. Он не отстранялся, не возмущался. Но с ним все ясно — когда девчонка вроде Литвиновой обращает на тебя внимание, остается только замереть от восхищения. Но она то что делает? Уже забыла Антона?

— Давай, Горелов, колись, — нетерпеливо сказала Войцеховская. — Что нам надо делать? Я не собираюсь торчать весь день в этой подворотне.

— Ты хочешь здесь разговаривать? Как бы не пять минут...

— Ну пошли к тебе.

— Тимур далеко живет. — Литвинова наконец отпустила его руку. — До него час

добираться.

— Ко мне нельзя, — отрезала Войцеховская.

— Я живу рядом, — сказала Лера. — Можно ко мне.

От собственной смелости стало трудно дышать. Она никогда не приглашала одноклассников домой. День рождения в первом классе, когда из пяти девочек к ней в гости пришла только одна, не считается.

— Ксю тоже недалеко живет, — быстро сказал Горелов.

Литвинова покачала головой.

— Папа сегодня работает дома. Задолбает вопросами.

— Пошли уже куда-нибудь! — Войцеховская терла покрасневшие руки. — Холодно!

Лера шла впереди, показывая дорогу и очень надеясь, что обида не пламенеет над ней как флаг на митинге. У Литвиновой, конечно, лучше. Она живет в крутом элитном доме, а не обычной девятиэтажке. Она наверняка нравится Горелову (разве может быть иначе), и теперь, когда ее бросил Антон, у него есть реальный шанс. Логично, что он рвется в гости к Литвиновой, а не к ней. И обижаться глупо.

Но логика помогала мало. Все равно было до слез обидно, что даже сейчас, когда за ними по пятам идет чудовище, она ненужная, неинтересная, балласт, случайный пассажир. По идее ее даже не должно быть сейчас с ними. И еще зачем-то тащит их к себе домой, куда они совсем не хотят идти.

— Кладовка какая-то, а не комната...

— Я не знала, что она играет на гитаре...

— Девчонки, вообще-то дверь открыта. Лера наверняка нас слышит.

Лера возилась на кухне. Заваривала чай, доставала чашки, вазочку для печенья. Вежливость Горелова раздражала больше, чем грубость Войцеховской. Лучше бы честно признался, что комната Леры — отстой и что у Литвиновой было бы круче.

— Где у тебя туалет? — На кухне словно фея возникла Литвинова.

— Дальше по коридору, последняя дверь.

Звякнула гитарная струна.

— Гитару не трогать, — прошипела Лера себе под нос, торопливо складывая на поднос чашки и печенье. Одна чашка, конечно, упала. Печенье, конечно, просыпалось. Куда-то делся сахар, а чайных ложечек было только три. Ей явно не помешали бы курсы по приему гостей...

С трудом удерживая громоздкий поднос Лера вышла в коридор. Дверь в комнату Германа была нараспашку.

— Ой, — послышался голос Литвиновой, — а где все?

— Моя комната с другой стороны, напротив, — громко сказала Лера.

Литвинова вышла в коридор.

— Сорри. У вас все тут какое-то одинаковое.

— Какое есть, — процедила Лера.

Но Литвинова, похоже, даже не заметила, что обидела ее.

— Помочь? — Из Лериной комнаты выглянул Горелов. Он разговаривал с Лерой, а смотрел на Литвинову.

— Держи! — Лера ткнула ему в руки поднос, он едва успел его подхватить. Чашки угрожающе звякнули, но устояли.

Горелов подождал, пока Литвинова войдет в комнату. Интересно, он со всеми такой

джентльмен или только с красавицами? Лера захлопнула дверь в комнату Германа. На душе было погано. Зачем она только всех притащила сюда? Они не друзья, и никогда ими не станут. А поговорить можно было и в школьной столовке.

Когда она вернулась в комнату, Войцеховская сидела в кресле, вскинув ноги на подлокотник. Рядом с ней лежало блюдо, полное печенья.

— Ненавижу черный чай, — объявила она. — А кофе есть?

— Кофе нет.

Литвинова с чашкой сидела на диване и делала вид, что пьет. Ну это понятно — феи питаются солнечным светом, печенье не для них. Лера опустила на свое любимое место, на пол в углу под окном, где лежал мистер Трот, мягкая самодельная черепаха. Горелов выдвинул компьютерный стул на середину комнаты, сел, опираясь руками на спинку. Он молчал. Вокруг него виднелось замешательство, и немного тревоги, и что-то тщательно скрываемое, очень похожее на влюбленность. Разглядеть ее было непросто. Во всем, в его словах, взглядах, эмоциях чувствовалась твердая воля. Разноцветные нити эмоций, которые у других текли свободным сильным, плохо управляемым потоком, у Горелова были как солдаты на плацу: ровные, четкие, построенные в шеренги.

— Хозяйка может существовать в двух мирах одновременно, в своем и в нашем.

Лера вздрогнула и пришла в себя. Пока она тут изучает Горелова, он рассказывает о том, как им выжить. А это гораздо, гораздо важнее.

— В своем мире Она ничего не видит и не слышит, но она чувствует. Вас. Точнее, бурю эмоций, которую вы устраиваете. Она хочет до вас добраться. Но в ее мире это невозможно. Там Она не может причинить вам вред-

— Да неужели? Тебя просто там не было.

Лера обхватила крепче мистера Трота. Войцеховская права. Хозяйка сумела напугать их до обморока. И неизвестно еще, что бы случилось, если бы они не вырубались.

— Там Она ничего не может вам сделать, — повторил Горелов. — Поэтому Она рвется в наш мир. Единственный для нее способ попасть сюда — это вселиться в человека. Сейчас где-то там...

Он махнул рукой в сторону окна.

— Неизвестно где есть человек, в котором сидит Хозяйка. Ее персональный транспорт. И домик. С его помощью Она и добирается до новой жертвы.

— Как обычный человек? Совсем обычный? — Войцеховская хмурилась. — Значит, если мы вычислим, в ком сидит Хозяйка, можно нанять киллера, он грохнет этого человека-

— Не получится.

— Где мы будем искать киллера, Надь? Мы же не в кино, — сказала Литвинова. — И вообще, ты реально собираешься кого-то убивать?

— Ни один киллер не справится с Хозяйкой, — сказал Горелов. — Человек, которого она выбирает, меняется. Его нельзя убить, ему нельзя навредить. Хозяйка его бережет, наделяет способностями.

— А этот человек... он знает, что в нем живет Хозяйка?

— Или она, — добавила Лера. — Это может быть женщина?

— Может, — кивнул Горелов. — Они влияют друг на друга. Хозяйка и этот человек. Становятся единым целым. Это происходит не сразу, постепенно. Но да, человек в курсе, что становится монстром. И ему это нравится.

— А ты откуда знаешь?

— По крайней мере, неизвестно, чтобы кто-то попытался от нее избавиться. Наверное, классно. Чувствовать себя всемогущим, не таким, как все. А потом становится слишком поздно. Хозяйка изменила все. И уже непонятно, где кончается один монстр и начинается другой.

Мистер Трот жалобно крикнул в руках Леры. Она с трудом расцепила пальцы. То, о чем говорил Горелов... пугало не меньше Хозяйки.

— Что я хочу сказать? — Он невесело улыбнулся. — Что нам точно не стоит рассчитывать на киллера.

— Лучше скажи, на что стоит рассчитывать.

— На дневник. На тетрадку, с которой все началось. Там заключено знание, как повелевать эмоциями. И туда можно заключить Хозяйку.

— Как?

— Мы вроде колдовать пока не умеем...

— Очень просто. Нужно дотронуться до Хозяйки этим дневником. Коснуться, кинуть в нее. Как угодно. И она будет заперта внутри. Единственной проблемой будет, куда его спрятать. Чтобы никто не нашел этот дневник, не прочитал и не выпустил Хозяйку.

— Если это так просто, почему никто этого не сделал? — прошептала Лера. — Эта учительница... Елена Владимировна... Она могла спастись, раз это так просто.

— Когда на тебя охотится Хозяйка, ты не можешь ничего сделать. Даже просто кинуть в нее тетрадь.

— Господи, ну попросила бы кого-нибудь! — взорвалась Войцеховская. — Я тебе не верю, Горелов. Ты сочиняешь. Ты сам ничего не знаешь и нам гонишь всякую туфту.

— Нельзя взять и попросить кого-нибудь.

И снова Лера позавидовала терпению и выдержке Горелова. Он не стал орать, беситься, оскорблять Войцеховскую. Он спокойно объяснял, и от того его словам хотелось доверять, что бы там они ни говорили.

— Только повелительница эмоций может поймать Хозяйку. Потому что она ее видит, а обычный человек нет. Я не увижу Хозяйку. А вы увидите. Теперь понятно? Нельзя одновременно и защищаться от Хозяйки, и нападать на нее. Для этого нужны как минимум две повелительницы. А такого никогда не было. Поэтому никто не мог с ней справиться.

— А нас трое, — медленно сказала Литвинова.

— Да. Вас даже не двое. И это круто. Это абсолютное, невероятное везение. Слишком много источников пищи для Хозяйки. Она привыкла идти четко к одной цели, не отвлекаться. Поэтому она растеряется. Затормозит. Этого хватит. Мы успеем. Хозяйка очень быстро передвигается, но нам хватит даже секунды. То есть вам хватит. Теперь вы меня понимаете? У нас действительно есть шанс разобраться с ней раз и навсегда.

Теперь Лера понимала. И хотя им еще предстояло все это сделать, ей стало капельку легче.

— Мы заманим Хозяйку в ловушку, — продолжал Горелов. — Найдем тихое безлюдное место, чтобы не было случайных прохожих. Чтобы мы точно знали, что человек, который первым к нам придет — это тот, кто нам нужен. Мы все подготовим. Положим дневник на видное место, чтобы вы могли легко его взять. Вы приманите Хозяйку... И все.

— Как мы ее приманим? — нахмурилась Литвинова.

— Ты чем слушала, Ксю? — фыркнула Войцеховская. — Он же говорил. Хозяйка чувствует, когда мы меняем эмоции.

— Да, — кивнул Горелов. — Теперь она знает про вас, поэтому быстро прибежит. Вы справитесь, девчонки.

Литвинова улыбнулась и стала еще красивее, чем была.

Лера изо всех сил надавила несчастному мистеру Троту на нос.

— Алле, народ, вы ничего не забыли? У нас нет дневника!

Но они забыли. Улыбка Литвиновой тут же исчезла. Войцеховская ругнулась.

— Если бы ты, курица, не уронила его-

— Да не нужен вам дневник! — перебил Горелов. — То есть нужен. Но необязательно тот. Вы можете легко сделать его сами. Вы же повелительницы эмоций. Вы можете писать свою историю. Ваш дневник будет обладать теми же свойствами.

Это было так просто и логично. Так правильно. Лера выпустила наконец несчастного мистера Трота и засмеялась. Войцеховская запихала в рот последнее печенье. Литвинова захлопала.

— Тим, ты гений!

— Это не я. Это мой отец. Он часто говорил, что было здорово, если бы была не одна повелительница. А мне просто повезло встретить вас.

— Это нам с тобой повезло, — пробормотала Лера так, чтобы ее никто не услышал.

Потом они перешли на кухню и выпили еще чаю с печеньем. Даже Войцеховская, которая чай ненавидела. Даже Литвинова, которая заботилась о фигуре. Это было почти круто. Как будто они были друзьями по-настоящему. Конечно, если б Лера могла выбирать, она бы предпочла, чтобы за этим столом сидел кто-нибудь другой. Соня Ильченко. Аринэ. Антон... Но даже сейчас было неплохо. Почти.

— Можно поехать ко мне на дачу, — предложила Литвинова. — Там никого нет, забор три метра. Никаких случайных прохожих.

— Поехали, — кивнула Войцеховская. — Когда?

— Чем быстрее, тем лучше, — сказала Лера.

— Что, прямо сейчас? Я не могу, — Войцеховская отвернулась и глухо пробормотала. — Мне к пяти надо домой, с мелкими сидеть...

— У тебя же сестра в седьмом классе.

— Ага. А кроме нее еще два брата в детском саду.

Войцеховская — нянька для малышей? Кажется, мир сошел с ума.

— Ты нянчишься с младшими?

— А что в этом такого? — с вызовом спросила Войцеховская. — Ты нянчишься с большим!

Лера опустила глаза. Парировать было нечем.

— Тогда давайте завтра, — пробормотала она.

— По вторникам туда к нам приезжает уборщица — сказала Литвинова.

— Зачем?

— Мало ли. Вдруг мы захотим приехать. У мамы так бывает. Раз, и сорвались. Давайте лучше в выходные. Школу не придется прогуливать.

— Нет, ждать нельзя. Лера права, — сказал Горелов. Было так странно слышать свое имя от одноклассника. Не «Смирнова» или «эй, ну». А имя. — Надо как можно скорее. С школой потом разберемся.

— Тогда в среду.

Они договорились встретиться в девять на вокзале. Родителям ничего не говорить,

просто пойти в школу утром как обычно. Объяснения можно будет придумать потом, если им повезет. А если нет... Тогда точно никого не будет волновать их прогулы.

Они уже собрались домой и надевали куртки, когда замок входной двери заскрежетал и провернулся.

Герман!

Лера глянула на часы у зеркала. Без пятнадцати четыре. Как она могла настолько отвлечься, чтобы забыть про время?

— Твоя мама? — тихо спросил Горелов.

Лера мотнула головой. Лучше бы мама. Она поругалась бы из-за прогулянных уроков, но это такая ерунда. Мама была единицей известной, предсказуемой и потому нестрашной. А вот что сделает Герман, обнаружив дома толпу одноклассников, Лера никак не могла представить. Как минимум не обрадуется.

— Ты прогуляла алгебру, геометрию и английский, — мирно сказал Герман, как только возник на пороге.

— Я в курсе, Гер.

— Мы вместе прогуляли, — сказал Горелов.

Глаза Германа остекленели. Он увидел их только сейчас, поняла Лера, когда Горелов заговорил. Войцеховская — сидит на корточках, завязывает шнурки. Литвинова — у зеркала, застегивает шубку.

— Привет. — Литвинова помахала Герману. Наверное, первый раз в жизни.

— Что вы здесь делаете?

— Уходим, — процедила Войцеховская. Она могла сколько угодно корчить свирепую рожу. Лера четко видела: ей не по себе. Как и Литвиновой. Один Горелов по-прежнему контролировал себя, был спокоен и вежлив. Но он, в конце концов, учился в их классе только с сентября и не слышал ни одной истерики Германа.

— Отойди, Гера, — сказала Лера. — Им надо выйти.

Он посторонился, пропуская Войцеховскую. Его лицо было невозмутимо, но в настроении ярко сверкнула неприязнь.

— Пока. — Мимо прошла Литвинова.

Герман стоял, вытянувшись в струнку как часовой у Букингемского дворца, примерно с таким же выражением лица. Но от него к Литвиновой потянулись четкие, хоть и тонкие, розовые нити.

Так вот почему он не стал выступать. Потому что он обрадовался... Герман влюбился в Литвинову? Не может быть. Герману плевать на девчонок... Или нет? Он слегка повернулся, провожая ее глазами. Лера оперлась на обувную тумбочку, пытаясь обрести душевное равновесие. Какое сильное потрясение — обнаружить, что твой брат все же похож на человека.

Герман все-таки закричал, но, к счастью, когда все уже ушли, а Лера закрывала входную дверь.

— ГДЕ МОЙ ГЕЛИОТРОП?

— Говори нормально. Понятия не имею.

— Ты заходила в мою комнату? Ты трогала мою коллекцию?

— Мне что, делать нечего?

— Тогда кто заходил? В моих кварцах не хватает гелиотропа!

— Кому он нужен, Гера?

— Надо звонить в полицию. Здесь был вор.

— Не было здесь никого.

Кроме Литвиновой, которая заблудилась в коридоре. Но зачем ей — да и комунибудь вообще в целом мире — нужен геле... гери... тьфу, этот камень Германа?

— Тогда где мой гелиотроп?

— Может, ты его куда-нибудь положил...

Но это было нереально. Герман никогда ничего не терял.

— Я звоню в полицию. — Он достал телефон.

— Давай сначала позвоним маме. Может, это она-

Идея с полицией была не очень. Никто не поедет искать его камень, Герман разозлится... да уж. Но нужно было потянуть время. Если Германа отвлечь и заболтать, был небольшой шанс, что он забудет про потерю.

— Мама не может знать, ее не было тут. А вот наши одноклассники-

— Думаешь, Литвиновой нужен твой камень?

— Почему сразу Литвиновой? Войцеховская-

Дзиинь. В дверь позвонили.

Наверное, мама. Лера выдохнула с облегчением. Мама умеет справляться с такими ситуациями гораздо лучше.

Но это был Горелов.

— Ваше? — Он протянул Лере непрозрачный темно-зеленый камень с красными пятнами.

— Ага.

— Я же говорил, его украли! А ты мне не верила. Я так и думал-

Лера вложила камень Герману в руку, втокнула его в комнату и закрыла дверь. Герман продолжал бубнить, но через толстую деревянную дверь его бубнеж раздражал гораздо меньше.

— Герман очень трепетно относится к своей коллекции.

Горелов все еще топтался у порога.

— Извини, что так вышло. — Он говорил тихо, и Лера подошла ближе, чтобы слышать.

— Зачем ты его взял?

— Это не я.

Лера уловила неловкость, нахмурилась. Вспомнила, кто из них нечаянно забрел в комнату Германа.

— Литвинова?

Горелов кивнул. Неловкость в его эмоциях стала ярче.

— Зачем ей камень?

— У Ксю... одна проблема. Об этом никто не знает, я случайно узнал. Короче, она иногда берет вещи... чужие... Знаешь, в магазине, в гостях Я потому и не хотел, чтобы мы к тебе шли. Лучше бы к ней...

— Она ворует?

— Нет! То есть да. Это так выглядит со стороны. Но ей не нужны деньги или эти вещи.

— Ну еще бы...

— Я ее нечаянно увидел, когда мы сидели у меня. Она взяла одну вещь... Очень нужную... Вообще неважно. Это типа болезни, не настоящее воровство. Но приходится быть начеку. Мало ли. Как сегодня.

— Понятно.

Злость неразумно подкатывала к горлу. Ее становилось все больше. Хорошо, что Горелов не мог увидеть, как она жужжит по всей прихожей словно сотня пчел, потревоженных Винни Пухом. С какой стати он так распинается за Литвинову?

— Но если честно, я рад, что она взяла этот камень.

— Почему?

— Потому что у меня был повод вернуться. Без всех.

Горелов прислонился к косяку и смотрел на Леру. Он шутил — а как иначе? Хорошо, если не издевался. Но чтобы узнать наверняка, надо было как минимум внимательно посмотреть на него, а Лера никак не могла заставить себя сделать это.

— Не сочиняй...

— Не буду. Нет смысла. Ты все равно видишь насквозь.

— Не всегда. Иногда не вижу.

— Конечно. Ведь ты на меня не смотришь.

После такого оставалось сделать только одно. Посмотреть.

Но увидеть эмоции, когда стоишь так близко, было непросто. Краем глаза Лера улавливала что-то розовое... Даже красное... Что-то очень нежное, восхищенное, что-то, принадлежащее не пойми кому, то ли ему, то ли ей...

Гораздо важней цветных нитей были его глаза. Такие необычные, такие яркие. И ресницы потрясающие — длинные, черные, густые. Как странно, что она раньше считала Горелова некрасивым. Но он красивый. Очень. Совершенно по-инопланетному, космически красивый.

— Лера...

— Тимур...

Его удивительные глаза... Так близко... Его губы...

— Пора обедать!

Дверь в комнату Германа хлопнула, пригвоздив Леру к месту. Они с Гореловым только что чуть не... Что за бред!

— Я не хочу обедать!

— Это необходимо.

— Я пойду, — сказал Тимур. — Пока.

— Пока.

Лера закрыла дверь под бормотание Германа о пользе правильных обедов. Сейчас она не смогла бы проглотить ни куска, даже если бы хотела есть. Сейчас она могла только одно.

Лера ушла к себе, сняла со стены гитару. Мелодия рвалась из души. Она не будет ничего записывать, запоминать, анализировать, вычеркивать и добавлять.

Она будет просто играть.

Вторник был прекрасен.

Снег, мороз, солнце — как страница из хрестоматии по литературе. Каблуки впечатывались в хрустящий снег, улыбки появлялись на лицах сами по себе, будто кто-то включал их изнутри. Ноги пружинили, руки расслабленно болтались в такт шагам, носы ловили запахи приближающейся весны. Странное дело — в такой солнечный морозный день первым делом думается о весне. О зеленых почках, о надежде, начале.

О любви.

Сегодня я умру.

Мысль появилась ниоткуда, внезапная, четкая, страшная. И совершенно неверная — ведь никто из них не должен умереть. Никому из них не придется умирать. А если вдруг и придется, то как минимум не сегодня, а завтра.

— Ты будешь скучать по мне, Герман? Если меня вдруг не станет?

Герман замедлил шаг. Лера видела только его спину. И еще его беспокойство.

— Ты собираешься куда-то уходить? Ты говорила с мамой? Она знает?

Паника была на подходе. Лера подошла ближе, взяла брата под руку. Он нетерпеливо вырвался.

— Нет. Не собираюсь. Просто интересно.

— Станный интерес.

— От тебя заразилась.

— Интересом нельзя заразиться.

Лера засмеялась. Герман верен себе. Как всегда. Что бы он сказал, если бы знал, о чем она думает?

— Идем в школу. Мы же не хотим опоздать.

Лера обошла Германа и первой подошла к фонтану, подобрала снежный комок, кинула в каменную чашу.

— Если тебя вдруг не станет, я буду по тебе скучать, — сказал Герман.

И вслед за снежным комком в фонтан полетел камушек.

Сегодня я умру.

Первая строчка в дневнике получилась не самой жизнеутверждающей. Но в любом случае надо было с чего-то начинать.

— Пишем, Смирнова. Не сидим. У тебя и так ситуация с оценками плачевная.

На первых двух уроках Лариса дала им писать сочинение. Лера даже не стала читать темы на доске. У нее было сочинение поважнее. Дома нашлась только одна толстая чистая тетрадь — с дурацкой розовой обложкой, с единорогами, принцессами, блестками и сердечками. Такого ужаса у Леры не было даже в первом классе. Но когда вчера она рылась в шкафу в поисках подходящей тетради, мама вспомнила о том, что у нее есть это розовое чудо — подарок кого-то из учеников на день рождения.

— Не совсем в твоем стиле, — сказала мама. — Но, может быть, пригодится.

Часть блесток тут же осыпалась на стол, смешалась со светло-голубой грустью, которая окутывала маму. Мама грустила с воскресенья. Такой она пришла домой после школы, и Лера так и не отважилась спросить, видела ли она тот ролик. Ведь как обычно мама делала вид, что у нее все в порядке.

— Нравится? — спросила мама.

— Символично, — пробормотала Лера.

Мама засмеялась.

— Даже девочкам в черном нравится розовый цвет.

Она приобняла Леру, погладила по голове. Приятно было слышать мамин смех, пусть и с нотками грусти. И не стоило ей говорить, что в тетрадке розового цвета будет дневник смерти.

Дома Лера так и не смогла открыть тетрадь с принцессами. С чего начать? С уборки в тридцать седьмом? С детской площадки? С Войцеховской? Сложно было сосредоточиться. Страшно было сделать что-то не так. Но на литературе как будто лампочка загорелась в голове.

Стало ясно, с чего начинать, как продолжать. А концовку пусть сама Хозяйка пишет.

Никогда литература не проходила так быстро и полезно. Сунуть розовую тетрадь в рюкзак, сдать Ларисе тетрадь по геометрии вместо литературы, и можно было двигаться дальше. Чем быстрее закончится вторник, тем быстрее наступит среда.

Перемена была, как и вчера, полна шума и эмоций. Но в отличие от вчерашнего дня, это можно было терпеть. Вчера у нее не было цели. Сегодня ей нужно было всего лишь продержаться сутки.

— Ты сдала Ларисе не ту тетрадь, в которой писала. Я видел.

Тимур возник рядом как из ниоткуда.

— Ты за мной следил?

— Да.

Все закружилось перед глазами. Невероятным образом одно короткое «да» изменило все. Она словно вернула их назад во вчерашний день, когда они с Тимуром стояли в прихожей близко-близко. Это «да» совершило невозможное: выключило школу, одноклассников, учителей. Выключило весь мир.

Как Хозяйка.

Этой мысли хватило, чтобы головокружение прошло.

— Я писала дневник, — сказала Лера.

— Не боишься, что кто-нибудь увидит?

— Кто, например?

— Да кто угодно. Лариса. Она могла забрать тетрадь-

— Тим, ты идешь? — Мимо в обнимку прошли Антон и Аринэ.

— Нет. — Тимур даже не посмотрел в их сторону. — Лера, это очень важно. Ты не можешь писать у всех на виду!

— Не ори.

— Я не ору! Я ЗАБОЧУСЬ О ТЕБЕ!!!

Почему все замолкают именно в такие моменты? Почему бы не продолжать говорить, бегать, прыгать, спорить, смотреть свои видосики, чатиться, играть. Но нет. Целому коридору вдруг стало дело только до одного — о чем говорят Горелов со Смирновой.

— Чего ругаемся, сладкая парочка?

Войцеховская хлопнула Леру по плечу.

— Мы не ругаемся, — прошипела Лера.

— Еще скажи, что вы не сладкая парочка.

— Отстань!

— Лера писала дневник вместо сочинения.

— Круто, а я свой дома оставила-

— И правильно! Такое нельзя таскать по всей-

— Вы какую тему выбрали? — Литвинова вышла из кабинета и остановилась рядом с ними. — Я — «Мечь и великодушие». Проще всего-

— Заткнись, Ксю. Кому оно сдалось, твое сочинение. — Войцеховская вскинула рюкзак повыше.

— Девчонки, я серьезно! Это не шутки. Нужно было осторожнее-

— Мы поняли уже! — Войцеховская подмигнула. — Потопали уже. Неохота слушать, как Илона орет.

Это было очень странно. Идти по школе не одной или в хвосте за Германом, а с кем-то. Войцеховская с Литвиновой шли чуть впереди, они с Тимуром сзади, но они были вместе. Им не нужно было это обсуждать, этому не стоило удивляться. Опасность связала их крепче любой дружбы. Рядом с ними — впервые в жизни — Лере было спокойно и комфортно.

— Я сяду с тобой. Ты не против?

Тимур преградил вход в кабинет истории. Лера смогла только кивнуть, с головой ныряя в удивление... смятение... радость...

Они сели на последний ряд, за обычную Лерину парту, за Германом и Федей. Голицын заулюлюкал, но его никто не поддержал. Смеяться над Гореловым не желал никто. Донникова свернула себе шею, плясь на них. У Тимченко в прямом смысле отвисла челюсть. На них смотрели все. Задорин, Грибанов, Донникова, Свирина, Крюкова, Ильченко, Рыжкова. Аринэ. Антон...

Антон хмурился. Он не понимал. Никто ничего не понимал. Весь класс был окутан недоумением, оно становилось гуще с каждой секундой. От него было тяжело дышать. Оно было так же реально, как дым от костра. Только два огонька светились сквозь туман. Войцеховская, второй ряд третья парта. Литвинова, первый ряд первая парта. Они не удивлялись. Им было смешно.

Звонок случился неожиданно как оплеуха. Оказалось, история может быть увлекательной, когда сидишь не одна, когда в вотсап приходят веселые сообщения, когда тебе впервые по-настоящему наплевать, что думают другие. Не потому, что ты изгой и хабришься, а потому что ты выше этого и тебе реально нет ни до кого дела.

Но со звонком пришло осознание, что следующий урок — геометрия. И что Ирина не погладит их по головке за вчерашнее вранье.

— Что мы скажем Ирине?

— Что-нибудь придумаем, — подмигнул Тимур. Лере очень хотелось спросить, собирается ли он и дальше ходить за ней как мама-курица, но она не могла заставить себя даже пошутить на эту тему. Пусть будет, что будет. Если он захочет снова сесть к Антону, она не скажет ни слова. Вот начнется геометрия, и они увидят...

— Пенал! — Лера остановилась посередине коридора. — Я забыла на истории пенал!

— Иди, мы тебя подождем, — сказал Тимур.

Он сказал «мы», но его глаза говорили «я». Лера рванула назад, кусая губы, пытаясь унять стучащее сердце.

Пенал лежал на ее парте. Она поскорее сунула его в рюкзак.

— Лера, можно тебя на пять минут?

Она узнала бы этот голос когда угодно. Ноги внезапно стал ватными, руки выпустили

полузакрытый рюкзак, и он грохнулся на пол.

Антон Чернецкий наклонился, поднял рюкзак, поставил на парту.

— Держи.

— Спасибо.

Они были одни в целом классе. Сцена, которую Лера тысячу раз прокручивала в голове, вдруг стала реальностью. Она. Антон. И больше никого. Только в ее фантазиях Антон смотрел на нее иначе, не настороженно и смущенно. В ее фантазиях он не выдавливал из себя улыбку, не изображал из себя вежливого одноклассника. Он был серьезен, и нежен, и взволнован.

Как вчера Тимур.

Леру обожгло сожаление, что сейчас здесь с ней не он. Нет, этого просто не может быть. Она любит Антона всю жизнь и будет любить, несмотря ни на что. Она любит саму свою любовь к нему. Она знает все о нем. Антон — часть ее жизни, а Тимур чужак, пришел ниоткуда и уйдет в никуда, случайная карта, выпавшая в игре.

— Эээ... Лера...

— Ты о чем-то хотел поговорить? А то меня ждут.

Оказалось, что говорить с Антоном не труднее, чем с любым другим одноклассником. Это он почему-то мялся и смущался, отводил глаза, хмурился.

— Я только хотел спросить... Что вообще происходит?

— В смысле?

— С Тимом. Вы так резко задружили. И Ксю тоже...

— Может, у них и спросишь? Вы вроде друзья.

— Ну ты же видишь, какой он. Он говорит только то, что считает нужным.

Не знаю. Я вообще ничего про него не знаю.

— То есть ты не в курсе, они вместе или нет?

Так вот что ему нужно. Узнать, вместе ли Тимур и Литвинова. Ревнует? Или, наоборот, счастлив, что бывшая подружка утешилась и больше не будет камнем на его совести?

— Нет.

Разочарование Антона опустилось ему на плечи словно роскошный плащ.

— Ладно. Извини.

Он пошел к выходу, такой красивый, такой родной. Абсолютно равнодушный. Какая же она дура... О чем вообще она могла мечтать? Зачем прилепилась на столько лет к парню, которому на нее откровенно плевать?

— Антон!

Он обернулся.

— Тебе не кажется, что раз Тимур сел на истории со мной, глупо спрашивать, встречается ли он с Ксю?

Реакция Антона была приятной, хоть и слегка обидной.

Он остолбенел.

Тимур стоял на том же месте в коридоре. Войцеховская и Литвинова тоже не ушли далеко — сидели на подоконнике, смотрели что-то в телефоне Войцеховской.

— Что ты так долго?

— Антон задержал.

— Антон?

Лера честно хотела сказать ему правду. Но изумрудная ревность Тимура была так

красива, что она только кивнула.

— Угу.

— И что ему было надо?

— Ну так, спросил кое-что.

— Что именно?

— Я должна перед тобой отчитываться?

— Нет. Но разве вы обсуждали что-то секретное?

— Спроси у него. Ты же его лучший друг. Не я.

— Нет уж, я тебя спрошу... — Тимур обхватил ее сзади за локти, потянул к подоконнику. — Не выпущу, пока не скажешь.

— Тимур!!! Отпусти! Я скажу...

Но она не успела.

— Горелов! Смирнова! Литвинова! Войцеховская!

Математичка Ирина Ивановна, тонкая, жилистая, разъяренная как дикая кошка стояла посередине коридора.

— Быстро за мной!

— Ирина Ивановна, я все объясню-

— Ни слова, Горелов! За мной, я сказала!

Она привела их на третий этаж. У кабинета физики носились шестиклашки. Дима стоял к ним спиной и закрывал дверь. Он был особенно наряжен — в светло-сером узком костюме, в белой рубашке — и весь лучился самодовольством. Сегодня же юбилейный концерт, вспомнила Лера. Приедут журналисты, шишки из администрации, бывшие выпускники. Тот Диму бомбит. Речь наверняка заготовил на час.

— Дмитрий Александрович!

Он вздрогнул и уронил ключ.

— Что такое- ОПЯТЬ ВЫ???

Димино круглое личико из лимонно-кислого стало помидорно-красным. Математичка принялась рассказывать то, что произошло вчера. Судя по ее словам, вчера они совершили преступление века. Дима хмурился, нетерпеливо притоптывал ногой. Он закипал и раздувался на глазах, вот-вот и крышка слетит.

— СМИРНОВА! Что ты себе позволяешь?

— Почему сразу Смирнова, это я-

— Я не с тобой разговариваю, Горелов! Эта троица у меня в печенках сидит, Ирина Ивановна! — Дима навис над Лерой как пылающий шар. — Думаешь, мамочка опять прибежит за тебя заступаться, Смирнова? Даже не надейся!

«Мамочка».

Диму одолевала ярость, не имеющая к ним никакого отношения. Неужели он злится из-за мамы? Неужели они наконец поссорились?

— Моя мама тут не причем!

— Не хаами! Забыла, с кем разговариваешь? У нас сегодня праздник, важное мероприятие, а вы опять срываете своими выходками-

— Сегодня мы ничего плохого не сделали, — сказала Войцеховская с вызовом. — По крайней мере, пока.

Лера улыбнулась. Если Диму нужно было довести до ручки, на Войцеховскую можно было смело рассчитывать.

— ТЕБЯ!!! НИКТО!!! НЕ!!! СПРАШИВАЛ!!!

От Диминого крика задрожали стекла в рамах и поджилки у шестиклассников. Из его ушей валил пар, над головой бесновались гневные языки пламени. Это было даже красиво. Для тех, кто мог это видеть, конечно. Для всех остальных он был всего лишь кругленьким человечком в слишком тесном костюме, орущим не своим голосом...

— Хм... Дмитрий Александрович, можно вас отвлечь?

— ЧТО? — Дима вскинул глаза и застыл с открытым ртом. На горящий факел его злости встала железная пята паники. — З-здравствуйте, А-александра Д-даниловна.

Это действительно была Тамарина. Модная слегка растрепанная стрижка, изящно покрашенные зеленые глаза. Светлые широкие брюки доставали до пола, яркий широкий свитер был максимально далек от образа скучного политика.

— В-вы так рано? А начало только через п-полтора часа...

— Я знаю. У меня просто время освободилось, я решила заскочить пораньше, с вами поздороваться. Походить по знакомым коридорам. — Тамарина мило улыбалась, но Лера видела ее настороженность и недовольство. — А в чем провинились мои любимые ученицы?

Глаза Димы забегали из стороны в сторону. Вместе с ними словно перепуганные мыши заметались бордовые нити его испуга.

— В-ваши л-любимые ученицы? Вы разве знакомы?

— Да. Так уж получилось. — Тамарина положила одну руку на плечо Литвиновой, вторую — на плечо Войцеховской. Они обе чуть не лопались от смеха, хотя внешне сдерживались из последних сил. Один Тимур хмурился и не понимал, что происходит, и был очень недоволен.

— Они вчера убежали с урока и соврали учителю! — вмешалась математичка. — Их необходимо наказать!

— Ну-ну, Ирина Ивановна, не будем портить сегодняшний замечательный праздник, — проговорил Дима с елейной улыбочкой.

Литвинова закатила глаза, Войцеховская притворилась, что ее рвет. Тимур взял Леру за руку.

Вдруг лампы в коридоре мигнули. На секунду стало абсолютно темно.

— Это еще что такое? — Дима задрал голову к потолку, как будто там кто-то мог дать ему ответ.

— Проводка барахлит.

— Этого еще не хватало!

Но Лера не думала о проводке. Она смотрела в окно. Только что на улице было светло. Яркий солнечный свет отражался в сугробах, бил в окна, слепил, высвечивал пыль, скопившуюся в щелях, на полу, выщербинки в стенах. Но сейчас за окном творился ад. Снежная буря — и когда только собрались тучи — ледяные вихри в крошечной мгле.

Что-то было не так. Что-то определенно было не так.

— Господи, на улице то что, посмотрите...

— Обещали хорошую погоду...

— Я только что ехала, все было нормально...

— Как до нас гости будут добираться...

Взрослые столпились у окон. У окон столпились дети. Стало заметно холоднее. От порывов ветра позвякивали стекла. Потрескивали полы. Краска на стенах. Звуки были тихие, еле слышные. Но их было достаточно, чтобы мелкие крапинки паники росли, набухали,

соединились в громадный пузырь. На этот раз у паники был запах. Она пахла свежеразрытой землей, кровью, растерзанной гниющей плотью.

— БЕЖИМ! — кричал Тимур и дернул Леру за руку. — ИЗ ШКОЛЫ!

И тут свет погас совсем.

Крики, топот, визг, плач. Рев Димы, пытающегося перекрыть шум.

— ТИХО! ВСЕ ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТАХ! СЕЙЧАС СВЕТ ВКЛЮЧАТ!

В крошечном мраке паника множилась, опутывала щупальцами всех, и маленьких, и больших, и спокойных, и тревожных. Диму никто не слушал. Тимур тянул Леру за собой, и больше всего на свете она сейчас боялась, что он выпустит ее руку. Они натыкались на кого-то, кто-то натыкался на них. Лере наступили на ногу, ударили локтем в спину. Но все это было неважно. Главное, не отцепится, не потерять Тимура в темноте.

— НАДЯ! КСЮ!

Он кричал, но не было никакой гарантии, что они слышат его.

— Лестница!

Но было поздно, Лера оступилась полетела вперед, врезалась во что-то мягкое. Руки крепко обхватили ее за талию, голос Тимура прошептал:

— Скорей. Уходим.

Лере не нужно было спрашивать, почему. Запах, навязчивый, липкий, сладковато-кислый запах из квартиры Коржиной заполнял ноздри, бежал вместе с Лерой. По ступенькам, по коридору, снова по ступенькам. Какой это был этаж? Третий, второй, первый? Где был выход?

Лера не видела ничего. Все силы уходили только на то, чтобы держаться на ногах и цепляться за Тимура. Чтобы не уступать панике, которая душила, приказывала забиться в угол, закрыть уши руками и дрожать-дрожать-дрожать в ожидании неизбежного конца.

Они выбежали куда-то, и по гулкому эхо по плитке от их шагов, Лера поняла, что они на первом этаже. Здесь было намного тише.

— ГОРЕЛОВ!!!

Вопль Войцеховской донесся откуда-то спереди. Схватившись за руки, они побежали на голос.

Литвинова и Войцеховская сидели на подоконнике дальше по коридору. У них был свет — слабенький огонек зажигалки в руках Войцеховской.

Телефон! Как же она сразу не сообразила. Лера остановилась, вытащила из кармана телефон.

— В телефоне же есть фонарик...

Она нажала на кнопку, провела по экрану привычным жестом разблокировки. Ничего не случилось.

— Телефоны не работают, — сказала Литвинова. — Ничего не работает.

— Только зажигалка, — хмыкнула Войцеховская. — А еще говорят, курить вредно.

— Но почему телефоны не работают?

— Чего почему? Какая-нибудь вышка повредилась из-за бури, наверное.

— Так телефон не просто сеть не ловит. Он полностью разрядился. А с утра у меня была полная батарейка...

— Черт, ну откуда я знаю!

— Похоже, концерт по случаю юбилея школы отменяется, — сказала Литвинова.

— Поэтому предлагаю всем пойти домой, — подхватила Войцеховская. — У нас завтра

трудный день-

— Тимур! — позвала Лера.

Он стоял чуть в отдалении, за пределами маленького круга света от зажигалки. Его голова была повернута, как будто совсем не слушал их, а прислушивался к чему-то там, во мраке.

Лера тоже прислушалась. Ничего. Абсолютная тишина. Даже странно. В школе было полно людей, но в этом коридоре не было никого.

— Мы вообще где, кто-нибудь знает?

Войцеховская подняла зажигалку повыше. Как сильно темнота меняла все. Снежное чудовище бьется в окна, изогнутые тени на полу, черный причудливый полукруг на стене...

— Я знаю, — сказала Лера. — Это коридор у тридцать седьмого кабинета. Видите арку? Тридцать седьмой. Кабинет, с которого все началось. И которым все закончится.

Сегодня я умру.

Объяснение, единственно верное, наконец обрело форму.

— Это Хозяйка, — сказала Лера тихо. — Да, Тимур? Она идет за нами?

— Не может быть! Мы ее не вызывали! Мы ничего не делали!

— Тише ты, — цыкнула Литвинова. — Слушайте!

Цок-цок-цок-цок.

По коридору кто-то шел. Уверенные шаги, все громче и громче, все ближе и ближе. Они не шевелились. Страх зачаровал их, превратил в статуи. Войцеховская сидит на подоконнике, Литвинова стоит рядом. Тимур на середине коридора, Лера связующее звено между ними. Все четверо смотрят туда, откуда доносятся шаги. И только огонек зажигалки пляшет как живой.

— Есть здесь кто? — раздался осторожный женский голос. — О, ребята, у вас свет! Как здорово...

От голоса, настоящего, человеческого, теплого голоса Тамариной все жилочки в теле Леры резко ослабли. Она пошатнулась, улыбнулась. Она бросилась бы Тамариной на шею, если бы хватило наглости. Надо же было так перепугаться. Все темнота виновата. Это она превратила их в дрожащих кроликов, сходящих с ума от страха.

— Александра Даниловна! — Голос Литвиновой дрожал от счастья и облегчения. — Что там слышно? Скоро включат свет?

— Не знаю. У них там какой-то коллапс случился. Телефоны не работают, связаться ни с кем невозможно. Но вы не переживайте. МЧС наверняка уже работает. Они нас вытащат.

— Домой надо идти. — Войцеховская соскочила с подоконника. — Пока газ в зажигалке не кончился.

— Как ты домой пойдешь? Там не пройти — не проехать. Бедная моя машинка, ее, наверное, всю завалило. — Тамарина подошла к окну, прислонилась лицом к стеклу. — Вообще ничего не видно. Безопаснее всего сидеть здесь.

— Нет.

Говорил Тимур, но Лера не узнала его голос. Это был чужой голос. Мрачный, пугающий, безапелляционный.

— Простите, молодой человек, что «нет»? — Тамарина повернулась к ним.

— Здесь не безопасно.

— Тим, ты чего... — пробормотала Литвинова.

Лицо Тимура застыло маской. Только глаза горели — светлые как вода, сейчас, в

полумраке, они казались черными. Они горели ненавистью. Лера потянулась, чтобы дотронуться до него, и тут же отдернула руку. Такого Тимура она не знала.

— Я понимаю, вам страшно, ребята, — сказала Тамарина с тревогой. — Но в любых обстоятельствах главное — сохранять спокойствие.

Лера повернулась к Тамариной. Как здорово, что она их нашла. Что бы ни происходило с Тимуром, пока с ними Александра Даниловна, им ничего не может угрожать.

Тамарина сочувственно улыбнулась, поймала взгляд Леры, подмигнула.

И внутренности Леры ухнули в черную пропасть, пропасть без дна, без воздуха, без надежды.

Потому что глаза Тамариной были сплошь серебряные.

Войцеховская и Литвинова вдруг попятнулись. Должно быть, они тоже заглянули Тамириной в глаза. Зажигалка выпала из рук Войцеховской, но она больше была не нужна. На улице все так же бушевала непроглядная тьма, в школе по-прежнему не было света, но все было видно. Страх, ярость, шок и паника освещали коридор не хуже прожекторов.

Тимур налетел на Тамирину, сшиб ее с ног. Она отлетела к окну, но в ту же секунду — и когда только успела — подскочила к нему, подняла за плечи и отшвырнула в стену словно он был куклой. С воем Войцеховская кинулась ей на спину, обхватила руками горло. Тамирина прокрутилась вокруг своей оси, и Войцеховская слетела с нее как с карусели, сбив с ног Литвинову.

Дневник!

Лера рванула молнию на рюкзаке, вывалила содержимое на пол. Вот она, розовенькая, в блестящих тетрадка. В какую счастливую минуту Лера решила начать дневник именно сегодня, в школе? А Тимур еще ругался на нее. Если бы не это, они были бы сейчас полностью беззащитны перед Хозяйкой.

Удар. Еще. Крик.

Войцеховская швырнула свой рюкзак в Тамирину. Тамирина скрючилась, схватилась за живот — неужели попала... Но нет, она всего лишь вцепилась в рюкзак, разорвала его на две половины, легко, изящно, как бумажную салфетку. Войцеховская заверещала.

Но уже Тимур поднимался, весь в крови. Он прыгнул на Тамирину. Она уклонилась, развернулась, заехала ему ногой в грудь. Тимур снова упал. Она подпрыгнула и приземлилась обеими ногами на его щиколотку. Раздался тошнотворный хруст, Тимур закричал.

Лера замахнулась и кинула дневник. Он взлетел под потолок, перевернулся несколько раз. Дневник явно никуда не спешил, дневник наслаждался полетом, разбрызгивая липкие блестящие по всему коридору. Он пролетел над Тимуром, который пытался дотянуться до своего рюкзака у стены, над визжащей Литвиновой, над Войцеховской, которая не могла оторвать глаз от того, что осталось от ее рюкзака. Он ударил Тамирину прямо в лоб и упал на пол.

Она пошатнулась, взмахнула руками. Получилось! Вот оно! Ну, сейчас...

Тамирина засмеялась.

— Что за детский сад, мои дорогие. Хоть бы перцовый баллончик прихватили-

Вжжжж. В Тамирину ударил разряд, она рухнула на пол. Из рук Тимура выпал электрошокер.

— У вас есть пара минут, — пробормотал Тимур. — Потом она очнется.

Литвинова побежала вперед по коридору. Войцеховская за ней.

— Дневник! — крикнул Тимур. Он пытался встать, опираясь на руки. Руки дрожали.

Розовая тетрадь валялась у ног Тамириной, которая уже начинала шевелиться. Кому она нужна, глупая бесполезная шутовина...

— Возьми! — В голосе Тимура звучал приказ.

Лера метнулась вперед, схватила дневник.

— Пошли!

— Я не могу... Нога... Иди сама.

— Я тебя не брошу. — Лера взяла его за руку, обхватила за талию. — Я помогу.

Она потянула его вверх изо всех сил. Бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Тимур застонал, скрипнул зубами, рванулся в сторону. Лера едва удержалась на ногах, но все-таки удержалась. Тимур оперся на колено больной ноги, поставил здоровую на пол и одним рывком встал, цепляясь за Леру.

Они ковыляли по коридору так быстро, как могли. Девчонок было не видно. Она убежали, они спаслись. Обязательно спаслись. Ведь где-то там, впереди, были люди, свет, выход из школы и этого кошмара.

Но выхода не было. А была арка, за ней коридор и распахнутая дверь кабинета, слишком знакомого, чтобы можно было спутать его даже в темноте. Была Литвинова, которая стояла в дверном проеме, окруженная слабым светом своей паники, и бешено махала им рукой.

Они не вошли в кабинет, а ввалились. Тимур соскользнул с Леры, привалился к стене. Лера тут же захлопнула дверь, задвинула щеколду. Это задержит Хозяйку. На сколько? Сколько минут-секунд-миллисекунд жизни им осталось?

— ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ ЭТО НЕ СРАБОТАЛО? — Войцеховская подскочила Тимуру. — Ты, гребаный пионер, обещал, что ее засосет в этот дневник, а ничего не случилось!!!

— Я знаю.

— ЧТО ТЫ НА ХРЕН ЗНАЕШЬ???

— Я там был, забыла? Я все видел.

— ТЫ ВСЕ ПЕРЕПУТАЛ, ПРИДУРОК! ТЫ НАС ПОДСТАВИЛ!!!

Тимур молчал.

— Он ничего не перепутал, — сказала Лера, не сводя с него глаз. — Он просто не все нам рассказал. Правда, Тимур? Я кинула в нее дневник. Он в нее попал. Он ее ударил. Но не сработал.

— Тим... как ты мог... — прошептала Литвинова, опуская на пол рядом с ним. — Мы тебе поверили, а ты... ты нам врал...

— Я не врал. Хозяйку можно так поймать.

— Но как же так-

— Просто внутри человека она неуязвима. Ее можно поймать только в один определенный момент. Когда она выходит из тела.

— А когда она выходит?

— Только когда ест.

Он не просил прощения, не раскаивался. Он был как всегда спокоен. Тверд в своем решении довести дело до конца.

— Ну и что... — начала Войцеховская и вдруг осеклась. Литвинова закрыла лицо руками. Лера вцепилась в край парты, чтобы не упасть.

Теперь им было известно все. Тимур и правда не соврал. Он всего лишь умолчал об одной маленькой детали.

Чтобы уничтожить Хозяйку, одна из них должна умереть.

Сегодня я умру.

Это было почти правдой. Сегодня — непременно, обязательно, сто процентов — умрет кто-то из них.

Надя Войцеховская, семнадцать лет, светлые волосы, голубые глаза, главная стерва класса, мечтает покорить весь мир.

Ксю Литвинова, восемнадцать лет. Каштановые волосы, карие глаза, будущая актриса, модель или успешная бизнес-вумен, страдает из-за разбитого сердца, но это быстро пройдет.

Лера Смирнова, семнадцать лет, девчонка как девчонка, от других отличается только непростым братом, и даже гитара не в счет.

Как определить, кому из них умирать?

Дверь дрожала под ударами. Крепкая деревянная дверь — единственное препятствие между ними и кошмарной смертью. Которое очень скоро рухнет.

— Как ты мог, Тим... Как ты мог так поступить? Я думала, ты мой друг...

— Она убила мою мать.

— Но причем тут мы?

— Я не хочу, чтобы она продолжала убивать. Ее надо остановить. Любой ценой.

— Так подышал бы сам! — Войцеховская пнула его ногу. — Почему мы должны???

— Думаешь, я бы не хотел?

По щекам Леры катились слезы. Как хорошо она понимала его. И даже восхищалась. Как ловко он разыграл свою роль. Друг, защитник, влюбленный... А на самом деле манипулятор. У него была цель, а они, и она в том числе, не имели никакого значения.

— Почему ты сразу не сказал нам правду? — спросила Лера.

Тимур поднял голову. Его лицо было искажено от боли. Еще бы. У него наверняка сломана нога. И не надо притворяться, что он переживает из-за них. Из-за нее.

— А вы бы согласились?

Буум. Дверь затрещала. Хозяйка была совсем рядом.

— Я бы лучше умер сам, — просто сказал он. — Но я не могу.

— Ты знал, что Хозяйка — это Тамарина?

Тимур кивнул.

— Ты нарочно ее приманил!!! С нами про дачу договаривался, а сам-

— Я не могу ее приманить, только вы.

— Тогда как-

— Она пришла сама, девчонки. Ее никто не вызывал. Она знала, кто вы такие. Когда вы с ней познакомились?

— Когда были у Коржиной... Она Лерку сбила... И в кафе нас водила.

— Черт. Если бы я знал... Она сама устроила вам ловушку. Все это — погода, авария — сделала она, чтобы поймать вас. Заманить сюда.

Бум. Бум. Бум. Двери осталось совсем недолго. И никто их не услышит, никто не придет на помощь. Какая сейчас разница, кто кого приманил или как сильно Тимур их предал. Сейчас нужно думать о другом.

— Я не хочу... умирать.

Войцеховская шептала. Умоляла. Так непривычно было слышать ее испуганный шепот. Она ведь сделана из стали, эта девочка с васильковыми глазами. Но кого она просит? Кого хочет разжалобить? Тимур не приговаривает их, не казнит. Он герой. Он мститель. А геройства не бывает без потерь.

Без жертв.

— Не хочу умирать так.

Литвиновой тоже страшно. Ее трясет. Тимур подарил им шанс на жизнь, и он же отнял его.

— Другого выхода нет. Или мы ловим ее на живца. Или она переловит вас поодиночке,

и тогда погибнут все.

Каким жестоким он был. И справедливым. И правильным. Он выбрал единственный верный путь. Его нужно было за это уважать, но хотелось убить.

Литвинова плакала, не скрываясь. По щекам Леры тоже текли слезы, но рыданий не было в ее сердце. Зачем плакать о неизбежном?

Сегодня я умру.

— Я не дам разорвать себя на куски. Вы что хотите, то и делайте! Я ей сама башку оторву. — Войцеховская погрозила кулаком двери, сотрясающейся под ударами. — Но я умирать не буду. Давай мне дневник.

Она протянула руку к Лере.

— Не трусишь? — спросил Тимур. — Там важно не пропустить момент. Все будет очень быстро.

— Еще чего. Трусость это не про меня.

О да, в этом Лера не сомневалась. У Войцеховской хватит смелости на что угодно.

Даже жить, зная, что позволил другому умереть вместо себя.

— Пусть это буду я, — сказала Лера. — Живцом.

— Лера... нет...

В глазах Тимура растерянность. Почему? Раз ты все знал с самого начала. Раз был готов принести эту жертву. Почему ты сейчас смотришь так, будто твое сердце разрывается от боли?

— Почему нет? Кто-то же должен. Лучше так, я сама...

— Нет!

— Почему? Я никому не нужна. Со мной никто не дружит. Обо мне никто не заплачет. Только мама... Но у нее есть Герман. Он важнее. Он будущий гений и вообще, она его больше любит. А я так, бесплатное приложение...

— Неправда-

Лера положила на парту розовую тетрадь с принцессами.

— Вы только сделайте все, как надо. Чтобы не зря... Я сейчас открою дверь. Не хочу ждать, когда она ворвется сама.

— Лера... пожалуйста...

Но она уже шла к двери. Существо в коридоре — больше не Тамарина, еще не Хозяйка — притихло, словно почуяло ее решимость. Шаг. Еще шаг. Чем дальше ждешь, тем страшнее. Быстро, в пропасть с головой всегда легче. Решила — выполняй.

— СМИРНОВА! ПОДОЖДИ!

Литвинова догнала ее, схватила за руку.

— Я с тобой.

— Уйди отсюда! Иди, возьми дневник.

— Надька пусть берет. Она же сказала... У нее получится. Она лучше всех в классе бросает мяч.

Красивое лицо Литвиновой было распухшим от слез, но сейчас она не плакала.

— Это из-за Антона? — тихо спросила Лера. — Знаешь, есть жизнь и без него-

— Я хотела, чтобы Аринэ умерла. Она моя лучшая подруга. И вообще классная девчонка. А я желала ей смерти. Я сама должна умереть.

— Еще ты воровка! — выкрикнула Войцеховская.

Литвинова вспыхнула. Яркий стыд пробивался даже сквозь плотные слои страха.

— Да, — еле слышно сказала она. — Я не могу удержаться. Я беру... вещи.

Лера хмурилась, кусала губы.

— А Войцеховская откуда знает?

— Она меня увидела... в магазине. Сняла на видео-

Так вот почему Литвинова во всем подчинялась Войцеховской. Лера сжала ее руку.

— Мне очень жаль, Ксю.

— Спасибо. — Литвинова жалко улыбнулась. — И знаешь что, Лер. Ты совсем не бесплатное приложение.

Лера улыбнулась в ответ. Хорошо найти друга. Даже на пороге смерти.

— Давай вместе. На счет «три».

Они взялись за щеколду.

— Раз, два-

— СТОЙТЕ! ГЕРОИНИ ЧЕРТОВЫ! ДУМАЕТЕ, МНЕ СЛАБО?

Войцеховская подбежала к ним, схватила за затылки, чуть не столкнула их лбами.

— Типа вы такие храбрые, крутые, а я гадина последняя? А вот ни фига подобного! Мне тоже не слабо! Вам ясно! Я с вами! До конца с вами!

Слезы катились из глаз Войцеховской. У Литвиновой дрожали губы. Лера знала, что вот-вот расплачется сама. Но плакать было нельзя. Не сейчас. Они поплачут потом. Когда будут оплакивать ту, которая не выйдет из этого кабинета.

— Открываем дверь, девочки, — сказала Лера. — И пусть эта сволочь подавится.

Втроем. Вместе. До конца.

Лера.

Ксю.

Надя.

Они одновременно протянули руки, отодвинули щеколду и тут же отпрыгнули от двери. То, что стояло на пороге, лишь отдаленно напоминало красавицу Тамарину. Лицо было разбито, из щеки текла кровь. Голова была повернута под странным углом, как будто именно головой она пыталась прошибить дверь. Свитер вылез из брюк, сполз с плеча. Спереди он был забрызган чем-то темным, и лучше было не думать, чем именно.

Существо шагнуло в класс. Его правая нога была вывернута под углом, и будь Тамарина человеком, она бы не могла на нее наступать. Но она могла. И шла, глядя вперед слепыми серебряными глазами.

Храбрость хороша, когда опасность далеко. Когда она за стеной, за дверью, в коридоре. Но когда смерть стоит прямо перед тобой и бьет в твое лицо слепящим серебром, храбрости больше нет, а есть только инстинкт.

— БЕГИТЕ! — закричал Тимур.

Они кинулись в разные стороны. Лера нырнула под парту, уловив краем глаза вихрь паники — Ксю, который метнулся к окну, смесь злости, страха и ненависти — Надю, которая помчалась к последним партам.

Они разделились, и пусть Хозяйка выберет сама. А они попытаются принять ее выбор достойно.

Если смогут.

Топ-шарк-топ-шарк-топ-шарк.

Стук сердца заполняет весь мир.

Только не меня, пожалуйста, только не меня.

Топ, топ, шарк. Топ, топ, шарк.

Пожалуйста, я не хочу это слышать. Меня здесь нет, не смотри на меня, не думай обо мне. Не вынюхивай меня.

Только не я.

Пожалуйста.

Лера сжалась в комок, зажмурилась, заткнула уши.

Но невыносимо было ждать в темноте, в одиночестве. Ждать удара и боли, или чужого предсмертного крика.

Медленно, не доверяя собственному телу, Лера вылезла из-под парты. Тимур сидел на том же месте, прислонившись к стене. Ксю застыла у окна, наполовину скрытая шторой. Надя в углу, рядом с дверью в лаборантскую. А между ними кружили эмоции. Злость, отчаяние, ужас, вызов, предсмертная тоска... Они правили бал, они набирали силу с каждой секундой. Они больше не подчинялись повелительницам. Они обрели свою Хозяйку, стремились к ней, закручивали водоворот.

А в центре водоворота Она, Хозяйка, в теле, которое ей не принадлежит. Раскинула руки, глубоко дышит. Улыбается во весь рот. Наслаждается. Вот она, ее стихия. Дом, милый дом. Куда хочется прийти после долгого трудового дня. И подзаправиться.

По лицу Тамариной пошла рябь, будто оно было жидким как тесто для оладий. От него стали отваливаться куски. Нос. Половина лба. Левая щека. Под кусками должно было что-то быть. У любого человека что-то есть под кожей — мясо, жилы, кости. Но у Тамариной не было ничего. Только пустота. Черная дыра среди блистающего моря красок.

Теряя лоскуты кожи, Хозяйка повела головой. Она принюхивалась. Искала, где вкуснее.

Серебряные глаза уставились прямо на Леру. Они вывернули ее наизнанку, заглянули в каждый уголок души и двинулись дальше. Мимо окна, мимо стены, туда, в угол, где Надина злость боролась со страхом.

Не меня.

Первое облегчение сменилось ужасом, когда Хозяйка в одну секунду переместилась в угол. Как она это сделала? Она двигалась так быстро, что глаза не успевали засечь движение. Все, как говорил Тимур.

Надя закричала так, что стало больно барабанным перепонкам. От Тамариной отвалилась рука, сначала локоть, потом кисть... Из черноты, что была Хозяйкой, к Наде потянулись когти. Бесконечные, сверкающие серебром.

Лера попятилась, врезалась в парту, шлепнулась на стул. Пальцы дотронулись до чего-то, лежащего на парте... Чего-то очень горячего, в липких, противных блестках.

Розовая тетрадь с единорогами и принцессами. Что говорил Тимур? Дневник сработает, когда Хозяйка выйдет из тела. А Хозяйка выйдет из тела, когда приступит к обеду. Значит, надо ждать. Еще и еще. Ждать, пока от Тамариной ничего не останется, а Надя начнет умирать.

Светлые волосы прядка за прядкой падали на пол. Лысая голова быстро покрывалась мелкими язвами. Надя кричала все громче, все страшнее. Надя захлебывалась криком, страхом, осознанием того, что смерть, такая ужасная, неотвратимо рядом.

Смерть, которой не заслуживает никто. Абсолютно никто, даже Войцеховская.

Смотреть, как Хозяйка рвет ее на части, ждать удобного момента?

Ну уж нет.

— Держи!

Лера перекинула горячий дневник Ксю и рванула по проходу между партами к стене, где Надя корчилась от крика, а из разваливающегося на куски тела Тамариной вылезала наконец Хозяйка.

Она была огромной. Она была черной. У нее не было четких очертаний — мутное нечто с дрожащими краями. Только когти, сверкающие, серебряные когти были отчетливо видны. Даже слишком отчетливо. Они росли. С каждым шагом Леры от тела Тамариной оставалось все меньше, но ее когти становились больше и ярче. Серебряный блеск слепил. Он подчеркивал непроглядный мрак, в котором тонуло все: и бьющий фонтаном алый ужас Нади, и черная, густая как кисель ненависть Тимура, и пульсирующая, взрывающаяся сверхновыми паника Ксю.

Но вдруг зазвучала новая нота. Зеленое негодование, багровый страх — не за себя, за другого, стальная решимость — разноцветные нити сплелись в гибкий послушный хлыст. Лера взмахнула им, и в тот же миг тело Тамариной развалилось окончательно. Оно слетело как комбинезон; то, что совсем недавно было крепкой красивой женщиной валялось на полу полосками сморщенной кожи. Хозяйка явилась целиком. Надя уже не кричала — она сипела. Что она видела перед собой в эти последние секунды? Ярость, ненависть, что пылали вокруг нее, исчезли. Не было даже страха, осталась лишь звенящая пустота, и серебристые когти, что наливались цветом, впитывая последние капли Надиных эмоций.

Если бы у Хозяйки была спина, Лерин хлыст пришелся бы где-то по середине. Но спины не было, и яркая разноцветная веревка ударила мрак. Но не пропала, не растворилась, а распалась на несколько таких же сильных плотных полос. Мрак заволновался. Почему Хозяйка не может поглотить эти эмоции так, как поглотила Надины? Какая разница. Главное, это действовало. Хлысты обвивали Хозяйку, стягивали когти, тянули ее назад. И пусть они доставляли ей не больше проблем, чем мухи корове в жаркий день, Она была вынуждена отмахиваться. Отвлекаться от Нади, которая, закатив глаза, медленно оседала по стенке.

Мухи тоже могут достать корову, если очень постараются.

Радость вспыхнула в Лере маленьким жгучим огоньком. От пальцев потянулись оранжевые — нет, не нити — жесткие, острые иглы. Она швырнула их в Хозяйку. Иглы увязли, зашипели. А, может быть, это зашипела Она. Ей было больно — Лера не видела, не чувствовала. Она чувствовала эту тварь, понимала ее негодование, недовольство из-за того, что ее оторвали от еды. Она была голодна и... беззащитна. Без тела, которое валялось на полу и с которым она успела сжиться за долгие годы, ей было по-настоящему страшно.

Но радость Леры была слишком слабой. Как можно было радоваться чему-то сейчас. Когда от жизни осталось всего ничего. Когда Тимур оказался предателем. Когда серебро в бархатном мраке — надо же, как красиво — рубит плоть на куски, рассеивая крошечные капли крови.

Радость была слишком слабой, чтобы навредить Хозяйке. Но она была достаточной, чтобы отвлечь ее от Нади. Серебро мелькнуло совсем близко. Мрак сгустился, обхватил Леру со всех сторон. Когти впитывали остатки радужных стрел. Серебряные глаза становились все больше... и больше...

Сегодня я умру.

Вот так просто. И больше не будет ничего. Ни мамы, ни Германа, ни камней в фонтане, ни утреннего кофе украдкой, ни гитары. Она не дописала песню... Про повелительницу эмоций могло бы получиться неплохо... Не будет Тимура... А было ли что-то с Тимуром?

Или опять воображение разыгралось? Вся ее жизнь — всего лишь набор фантазий...

— Получай, гадина!!! — заорала Ксю.

Розовая искра перелетела через парту, рассыпая яркие огоньки. Опять эти блески, ну сколько можно же... Лера потянулась рукой, но тетрадь полетела дальше, над тем, что недавно было Тамариной, над серебряной чернотой Хозяйки. Тетрадь шлепнулась на колени Нади, розовое сияние в абсолютной мгле.

— Надька, давай!!! Дневник!!!

Но Надя не слышала ее. Невидящими глазами она смотрела куда-то, за пределы их мира. Что видела Надя вместо тьмы, которую видела Лера? Какой облик явила ей Хозяйка за секунду до того, как вонзить в нее свои когти?

Лера рванулась вперед. Но что случилось с ее телом? Кто опутал ее руки и ноги кандалами, приковал ее к полу? Кто спеленал ее в тугой кокон, лишил способности двигаться, действовать? Напрягая всю себя, не сознавая, где усилие воли переходит в усилие тела, Лера прыгнула.

Она грохнулась всем телом на пол, ударилась лицом о ботинок Нади. Надя дернулась, прижала колени к груди. Дневник съехал как с горки прямо на Леру.

Он обжигал как горящий уголек. Лера закричала от боли и почувствовала, как ослабли невидимые веревки, связывающие ее. Рывком Лера протянула руку вперед, взяла раскаленный дневник и тут же уронила его. Как можно кинуть это, когда при каждом касании оно сдирает с тебя слой кожи...

Сияющий коготь взлетел над Надиной головой... дотронулся до ее шеи, ласково, почти игриво... И больше не было страшно сунуть руку в огонь.

Лера схватила дневник, чувствуя, как кожа шипит и вздувается волдырями, швырнула его, не глядя. Серебряный коготь столкнулся с розовым единорогом на обложке... замер... и с жутким сосущим звуком, с хрустом ломающихся костей, с нечеловеческим визгом исчез.

Вместе с ним исчезла тьма. Только тетрадь в розовой обложке лежала на полу, стремительно покрываясь инеем.

И тут во всей школе включился свет.

Теперь можно было не сдерживаться. Слезы текли по щекам, по одежде, слезы щипали руку, обожженную тетрадкой. Но боль не имела значения. Наоборот. Боль кричала о том, что они справились. Они победили Хозяйку и каким-то невероятным образом остались живы. Все трое.

Надя сидит в том же углу, где на нее напала Хозяйка. Без единой кровинки в лице, на ее плечо, все в кровавых лохмотьях плоти, страшно смотреть. Она зажимает рану другой рукой и улыбается бесцветными губами, улыбается, несмотря ни на что.

Ксю у парты, скрючилась на коленях, взъерошенная, склонилась так, что волосы полностью закрыли лицо. На полу перед ней лежит ее телефон, и Ксю набирает что-то одним пальцем. Странно, что телефон работает, разве они все не разрядились...

Да какая разница.

Они живы. Все.

У Тимура тоже слезы на щеках. Под левой ногой расплывается лужа крови. Ему очень больно. Но он счастлив. Впервые от него текут потоки сильной, ничем не сдерживаемой радости. Он что-то шепчет, но Лера сидит слишком далеко и не может услышать. Лишь по движению его губ можно прочитать бесконечное «прости... прости... прости...».

— Скорая? У нас травма... Руку чуть не оторвало... И нога... И еще...

Голос Ксю срывается на рыдания.

— Как мы выжили, Тимур? — Лера подползает к нему ближе. Почему-то она не может встать на ноги, может только ползти, но это нестрашно, Тимур не так далеко... Вот она уже совсем рядом, вот его руки дотрагиваются до нее, вот она утыкается лбом в его плечо.

— Как мы выжили...

— Я не знаю. Я же говорил, такого еще не было. Вы с ней сразились и выиграли. Она просто не успела...

Тимур говорил что-то еще, про дневник, про тайное место, про скорую, но Лера уже не разбирала смысл его слов. Она рассыпалась на тысячи мелких кусочков, и каждый из них кричал о любви. Она любила Тимура, Надю и Ксю, эти парты и стулья, плакат с таблицей Менделеева, забрызганный кровью. Любила этот кабинет, школу, город, вселенную...

Выжили... спаслись... победили... сейчас взлечу... Тимур... Надя... Ксю... живые... все кончилось... больше никогда... свободны...

А лампа над головой — все та же, третья с краю — мигала, посылая вселенной лишь ей одной понятный сигнал.

Ммм, как тут было вкусно.

Она открыла глаза, которые не видели, потянулась телом, которого не было. Все еще так ново, так непривычно. Но она быстро всему научится.

Не в первый раз.

Как прекрасно быть.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net